
Репортаж из Рима
Митчел Уилсон: В России без переводчика
Новое о А. И. Куприне
Короткие рассказы
М. Коршунова
ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 36 (1733)

4 СЕНТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Днепропетровский металлургический завод имени Г. И. Петровского.
Фото М. Альперта.

КА МЕТАЛЛУРГОВ?

В самом деле, где в наши дни находится Мекка металлургов? Когда-то это был американский город Питтсбург. А сегодня?..

Прочтите публикуемые рассказы о двух поездках в США, отделенные друг от друга целой эпохой. Холодно, с нескрываемым высокомерием встречали в 1896 году за океаном русского инженера М. А. Павлова. Представителем могучей индустриальной державы, у которой есть чему поучиться и американцам, шагал по Питтсбургу через шестьдесят лет председатель Днепропетровского совнархоза Н. А. Тихонов. Сегодня он рассказывает об одной из областей новой Мекки металлургов — Днепропетровском экономическом районе.

На правах бедного родственника

Академик М. ПАВЛОВ

Когда доменный техник попадает в Америку, он вряд ли упустит случай съездить в Мекку всех металлургов — в город Питтсбург, в окрестностях которого расположено множество крупнейших металлургических заводов.

...Приехав на завод «Люси», я познакомился там с директором доменных печей известным инженером Скоттом...

Скотт принял меня очень любезно, так же, как принимали меня на антрацитовых заводах. Он сам показал мне свой «Люси».

Очарованный любезностью Скотта, я вновь приехал к нему на другой день.

— Я хочу вас теперь попросить, чтобы вы кое-что записали для меня.

Он ответил, что ничего писать не будет. Я все же дал ему свою анкету, сказав, что на антрацитовых заводах все заведующие вписывали ответы своей рукой. Но он покачал головой.

— Я сказал вам все, что мне разрешено говорить. И даже, пожалуй, больше. Прибавить я ничего не могу, а писать и совсем не имею права: это запрещает фирма Карнеги.

— Тогда я сам запишу. Разрешите?

— Тоже нельзя.

...Мне захотелось осмотреть еще один завод, расположенный вблизи Питтсбурга, величайший завод Америки — «Эдгар Томсон», тоже принадлежащий фирме Карнеги.

Меня встретили в конторе с холодной, официальной вежливостью.

— Что вам угодно?

— Я хотел бы осмотреть завод.

Мне дали пропуск и послали со мной служащего; у него в руках была традиционная «дубинка» полисменов. Он идет впереди, я следую за ним. Идем мимо доменной печи; показываю, что мне тут надо задержаться, подняться наверх. Служащий с неудовольствием пожимает плечами. Мы поднялись на площадку вокруг горна, но не успел я обойти горн и окинуть взглядом литейный двор, как меня приглашают идти дальше. Ослушаться нельзя. Волей-неволей ухожу от доменной печи.

Подходим к зданию конвертеров. Я опять обращаюсь к своему конвоиру и показываю на лестницу, ведущую вверх.

С неудовольствием служащий поднимается. Я взбираюсь на рабочую площадку и смотрю. Людей, как и всюду на американских заводах, не видно. Некому сказать слово. Мой провожающий спускается с лестницы, я иду за ним и уже не пробую куда-нибудь проникнуть.

Проводник дошел со мной до проходной будки и поклонился: теперь, мол, можешь уходить. Я и пошел прочь.

Из книги М. Павлова «Воспоминания металлурга».

Интервью «Огонька»

Полпреды великой державы

Н. А. ТИХОНОВ,
заместитель председателя Государственного научно-экономического совета Совета Министров СССР

В последние годы мне — я тогда работал председателем Днепропетровского совнархоза — довелось несколько раз бывать за рубежом. И с каждой поездкой я ощущал, как заметно меняется отношение иностранных специалистов к нам, советским металлургам.

Вспоминается 1955 год. В Женеве заседала европейская экономическая комиссия ООН. С нами, советскими металлургами, разговаривали там не очень-то любезно. Никто не интересуется советской металлургией, нас ни о чем не

Продолжение на стр. 8.

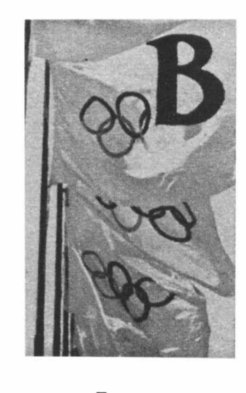
ДНЕПРОПЕТРОВСК

СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ОГОНЬКА» СООБЩАЮТ ИЗ РИМА:

СРАЖЕНИЯ ПР

Анатолий **СОФРОНОВ**

Фото Дм. **БАЛЬТЕРМАНЦА.**

В Риме жарко. В Риме очень жарко. Можно не смотреть на ртутные столбики. Они всего не скажут. В Риме жарко сейчас на стадионах и спортивных дорожках, в плавательных бассейнах и у баскетбольных корзин, на рингах и на дистанциях велосипедных и лодочных гонок.

За городом лежат бурые от жары поля. Римляне говорят: давно не было такого знойного лета. В городе нечем дышать. Туристы хватают воздух ртами, как зеркальные карпы на песчаном берегу. Жарко, очень жарко!.. Кажется, к солнечным щедрым излучениям прибавляется жара от бешено вращающихся велосипедных колес, сшибающихся кожаных перчаток, грозно гремящих тонких рапир — могучей атлетической силы чемпионов пяти континентов.

Идет прекрасное по своей сущности, красивое по внешней форме сражение при реке Тибр, пожалуй, больше всего разогревшейся от зноя, лениво плещущейся под тяжелыми мостами, на которых стоят стройные каменные дискоболы и копьеметатели, как бы через столетия оценивающие спортивные достижения своих беспокойных потомков.

В Риме жарко... Но он изумительно красив в эти знойные дни конца августа 1960 года. На многокилометровой олимпийской дороге, проложенной с севера на юг, трепещут знамена стран, участвующих в играх. Своей яркостью, определенностью красок они создают немеркнущий, праздничный колорит, беря старый Рим в современную оправу. На этой трассе — бесконечный поток мчащихся со всем итальянским темпераментом машин, преимущественно малолитражек, увертливых и удобных «фиатиков».

Здесь, пожалуй, впервые увидел я современных мотоамазонок, сидящих за спинами своих мужей и любимых. Уже не верхом на мотороллере, а охватив нежно, но надежно своего кавалера правой рукой и прижавшись к нему, проносятся, словно выброшенные катапультой, моторизованные пáры. Впрочем, не всегда пары. Часов в 11 вечера, когда мы возвращались из Палаццо делло спорт с отборочных состязаний по боксу, встретился нам мотороллер, на котором впереди, перед черноволосым отцом семейства, сидел двухлетний карапуз в розовом картузике, а к спине главы семьи прижалась молодая мать с сумкой продуктов и детским розовым одеяльцем под рукой.

Олимпийская дорога, серо-черная, дышащая жаром, как форсунка, приносит множество мгновенных, но запоминающихся встреч. Так увидели мы черный мчащийся автолимузин, за рулем которого сидела монашка, рядом с нею — еще две, а на заднем сиденье — еще три. Так и мчались они в два ряда, по три, словно продолжая путь, который описал Владимир Маяковский в стихотворении «6 монахинь».

Олимпийская дорога не затихает ни днем, ни ночью. Можно ехать по ней, наслаждаясь ночным свежим ветерком и проносясь мимо велодрома, услышать рев зрителей, ослепленных страстью болельщиков и белыми огнями прожекторов, а через 20 минут пути, уже на другом конце олимпийской дороги, услышать не меньший по силе взрыв голосов в плавательном бассейне.

Я слышал, как разговаривали двое наших спортсменов.

— Где происходит классическая борьба? — спрашивал один.

— Борьба? От Колизея налево, в Базилике ди Массенцио, — не менее серьезно отвечал другой.

Да, вот так просто: «от Колизея налево», — словно бы налево от какого-либо старенького кинотеатра «Колизей», а не от каменных трибун древнего Колизея, с которых римская знать кричала когда-то беспощадную фразу: «Добей его!», — по-ужиному проползающую через скрижали многих веков и прочно осевшую в сознании современного капиталиста, собственника и истязателя, произносящего приговор над своим несчастливым, менее оборотистым конкурентом.

Спортсменов с Римского аэродрома в олимпийскую деревню везли в автобусах по дороге, по которой когда-то в Рим шел Спартак. Сейчас это узенькая улочка, на которой едва разъезжаются две автомашины, но в одном из мест, нам говорили, еще сохранился среди асфальта треугольник каменной брусчатки, по которой когда-то ступал Спартак.

...Я был на XV и XVI Олимпийских играх в Хельсинки и Мельбурне. Помню хмурый, дождливый день открытия игр в Хельсинки и

Открытие Олимпийских игр. Идет советская делегация.

18 дней будет гореть олимпийский огонь. →

душный, насыщенный жаркой влагой день в Мельбурне, когда на зеленую траву олимпийского стадиона от тепловых ударов валились австралийские служащие, провозившие по стадиону таблички с названием делегаций.

Я помню, может быть, особенно остро Хельсинки, потому что тогда, впервые приняв участие в Олимпийских играх, советские спортсмены, еще недостаточно обстрелянные в международных встречах, кое-где робели и даже терялись в первые дни игр. Этим пытались пользоваться прожженные, циничные дельцы от спорта некоторых западных стран, но бизнесмены от спорта были быстро поняты, и прежде всего при помощи участников, самих западных спортсменов, увидевших в наших ребятах достойных соперников и просто хороших, честных людей, умеющих постоять и за честь своей Родины, и поздравить победителя, выступающего под другим флагом, и быть скромными при собственной победе.

Известно, что тогда, в Хельсинки, советские и американские спортсмены поделили пальму первенства пополам. Вся трескотня западной печати пошла прахом. Советские спортсмены, впервые выйдя на олимпийский стадион, достойно защитили честь своей Родины. В Мельбурне же вместе с овациями при феноменальных победах Владимира Куца советские спортсмены далеко отбросили своих основных соперников — американцев.

Теперь же, когда на ярко-коричневую дорожку олимпийского стадиона в Риме вышла вслед за богатырем Юрием Власовым, несущим на вытянутых руках красное знамя, советская спортивная делегация, она шла уверенным шагом.

Еще не горел олимпийский огонь над стадионом, но уже чувствовалось, что борьба будет острой.

Я сидел на стадионе в день открытия игр среди группы индийских спортивных специалистов. Здесь же было много итальянских юношей и девушек — служащих стадиона. В те долгие минуты ожидания начала парада и потом, после того, как в течение часа перед глазами зрителей проходили колонны за колоннами, между индийцами и итальянской молодежью происходила бесхитростная дружеская игра. На головах индийцев были ярко-оранжевые чалмы. Итальянские девушки в простеньких платьицах, кокетливые, с заразительной мимикой, примеряя чалму за чалмой, спрашивали:

— Индия — красивая страна?

— Очень.

— А индийские девушки красивые?

— Очень...

— Даже лучше нас?

— Лучше вас никого на свете нет! — шутили индийцы, охваченные эпидемией вежливости, распространившейся по Риму.

— А нравятся ли вам индийцы? — в свою очередь, спрашивали девушек мои соседи.

— О-о! — отвечали итальянки, поднимая вверх глаза и театрально приложив руки к сердцу.

Все это происходило среди стрекота вертолетов, носившихся над стадионом, криков продавцов мороженого и холодных сосисок, под аккомпанемент медных труб духового оркестра.

На поле стадиона выходила делегация за делегацией. И вдруг показалось знамя Индии. Надо было видеть горящий блеск глаз у моего соседа! Он поднялся, восторженно махая руками: «Индия! Индия!», — и обратился ко мне с восклицанием по-русски: «Хорошо!»

— Очень хорошо! — ответил я ему.

Я видел, как еще ярче засияли его глаза. И тут на лацкане его пиджака я увидел советский олимпийский значок с пятью кольцами. Ошибки не было: наши спортсмены встречались дружески с индийцами в олимпийской деревне. Значит, обмен значками уже произошел. Вот они, какие перемены в мире. Не надо быть политиком, чтобы заметить их. Но и нельзя закрывать глаза на то, что уже есть.

Некоторые африканские страны, получившие независимость, уже смогли отправить в Рим сильные и численно большие делегации. Как приятно было смотреть на делегацию Ганы, весело прошедшую по стадиону! И, например, среди делегации Южно-Африканского Союза мы не заметили ни одного представителя коренного населения страны — ни одного негра.

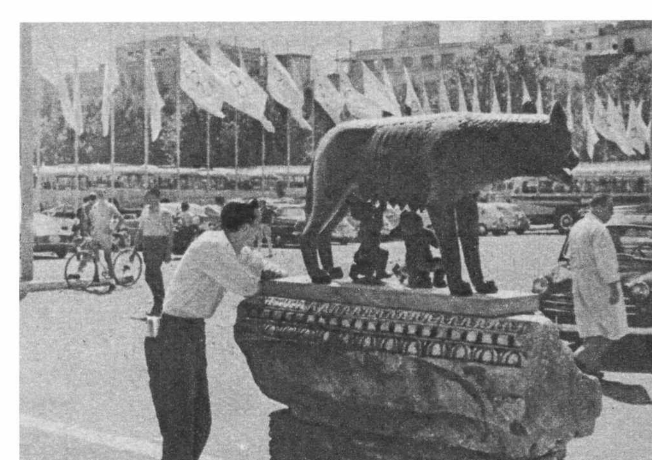
Поступь жизни неумолима. Мы убеждены, что в ближайшее время и в составе делегации Южно-Африканского Союза и других порабощенных стран Африки мы увидим всех, кого еще сегодня просто-напросто из-за расовой дискриминации не пускают в спортивные ряды. Когда наступит это время, тогда олимпийский факел еще ярче будет освещать путь на спортивные арены всему человечеству.

Что такое шоссейная гонка!

Известно, что велосипедный спорт у нас, несмотря на любовь и уважение к этой доброй и удобной машине, отставал. На предыдущих Олимпийских играх мы «не заработали» по этому виду спорта ни одной медали. И наши гонщики только вздыхали, смотря, как на трибуну почета выходили велосипедисты Германии, Италии, Англии, Франции... Кажется, что особенного: крути педали — и все. Нет, не так просто все! В этом мы убедились, приехав на старт шоссейной гонки на 100 километров. Сказать, что было жарко в этот день, — значит ничего не сказать. Все дышало таким зноем, что невольно думалось: как же по нагретому до

У входа в олимпийскую деревню стоит скульптура волчицы — эмблема Рима.

предела асфальту пойдут гонщики? Почему бы не перенести время гонок на более подходящее, относительно прохладное время? Уже позже с этим вопросом я обращался в Олимпийский комитет. Но там все было непреклонно...

Итак, девять часов утра. Заявлена 31 команда. Стартует каждая через 1 минуту. Первые на старте индонезийцы. За ними гонщики Англии, Туниса, Германии, Испании, Франции, Мальты... Двадцать шестая — команда Советского Союза. Мелькнули красно-желтые майки, белые гоночные кепочки. Прошло несколько минут. На старте остались судьи, на железных трибунах — терпеливые зрители в бумажных и соломенных шапочках. Адское пекло в слегка усовершенствованном виде. Гонщикам предстояло пройти три круга по 33,33 километра. Учет времени — после каждой половины круга. Напротив финиша — большой черный щит с пустыми форточками. Эти форточки по мере развертывающейся борьбы на шоссе заполняются флажками стран, чьи команды участвуют в гонке.

С самого начала впереди оказались гонщики Германии, знамена которых здесь, в Риме, объединили пять олимпийских колец. За ними пошли итальянцы... За ними... Мы внимательно прислушиваемся к словам диктора. За ними... Итальянская, французская, английская речь дикторов... За ними? За ними — команда Советского Союза. Мимо финиша проносятся гонщики; они уже прошли первый круг. Здесь встречают. Более или менее встречают. Но когда показываются темно-синие майки, вопль восторга исторгается из уст итальянских болельщиков. Тем более что с этого момента итальянцы перекладываются на первое место. С этого момента зрители, пришедшие на велогонки, видят перед собой бесконечную цветную карусель. Желто-зеленые майки команды Эфиопии, белые с черными лентами — Германии, синие с красным — Франции... Просто зеленые, просто желтые, просто красные... Друг за другом, друг за другом... И, наконец, в этом знойном мареве крики восторга: команда Италии выходит на первое место. Первая золотая медаль! Первая олимпийская золотая медаль 1960 года! Итальянцы знали, какой вид спорта предложить в самом начале олимпийских игр. Вторыми по времени — немцы. В это время раздается голос радио:

— Санитарную машину на поворот!

Санитарный фургон на бешеной скорости устремляется на дистанцию гонок. А наших еще нет... Уж не с ними ли что случилось? Проходит минута, другая... Мы смотрим на часы, секундомеры. Неужели с нашими что случилось?

Но вот показываются красно-желтые майки. Они проскакивают черту финиша. Какую-то минуту мы ждем сообщения. Да, третье место наше. Конечно, не первое, но медаль за велосипед — первая. Бронза — тоже хороший металл. Мы торопимся поздравить нашу команду. Но велосипедисты уже укатили. И вдруг у стены велодрома видим лежащего на траве гонщика Алексея Петрова. Он тяжело дышит. Мы помогаем ему подняться. Он с трудом передвигает ноги.

— Пить, пить...

— А где же твоя фляжка?

— Выскочила на повороте.

Останавливаемся в тени, находится вода.

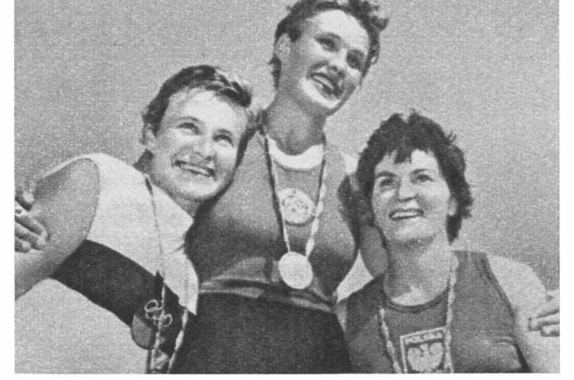
— Последние сорок километров ехал как в тумане, все смешалось, фляжка выпала...

— Сорок километров?

— Да, сорок. Но я не мог сойти с дистанции.

Алексей закрывает глаза. Ртутный столбик показывает 45 градусов жары.

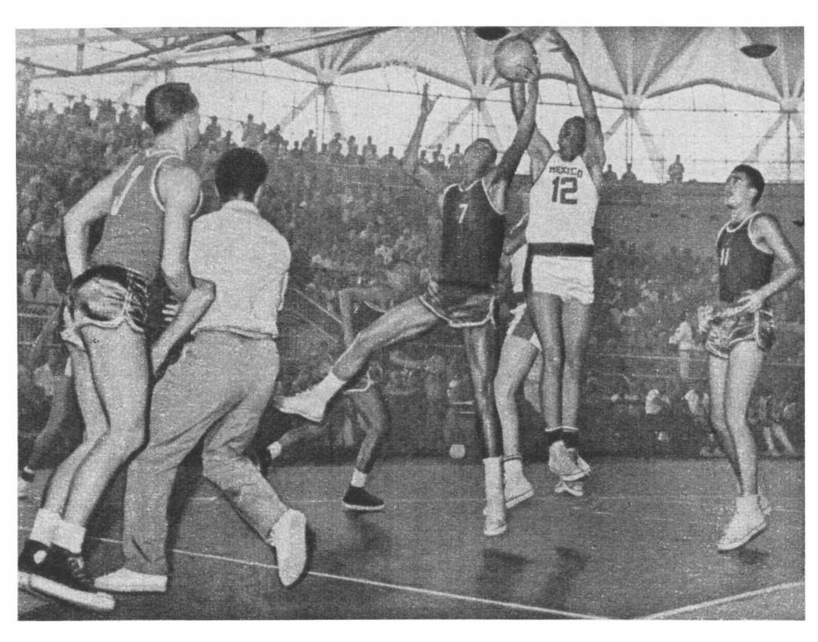
Время наших гонщиков — 2 : 18. 41,7.

Призеры соревнования женщин по гребле на байдарке-одиночке на дистанции 500 метров. Слева направо: Т. Ценц (Германия), А. Середина (СССР), Д. Валькавяк (Польша).

Золотые медали чемпиона XVII Олимпийских игр завоевали наши каноисты Леонид Гейштор и Сергей Макаренко.

Встреча баскетболистов Советского Союза и Мексики.

Современное пятиборье.

Фото Дм. Бальтерманца, Ассошиэйтед Пресс и Фотохроники ТАСС.

Четвертая вода

Самое трудное, по-моему, выбраться на автомашине из города. Спортивные делегации обслуживает немало шоферов из воинских частей. Это хорошие, добродушные парни, но Рима они не знают. Топографию не освоили. С полицейскими разговаривать стесняются, так как объяснить, куда им надо ехать, не всегда удается...

Вот такие неожиданные заботы появляются у тех, кто торопится вовремя попасть в какой-нибудь удаленный пункт олимпийских соревнований. Я пишу об этом не с чужих слов, так как я сам потерпевший. Но это так, к слову. А слово, собственно, совершенно о другом. Не о том, как трудно было нам добраться к озеру Альбано. Это очень красивое место, и, как полагается приличному горному озеру, оно расположено на высоте 800 метров над уровнем моря и окаймляется цепью невысоких холмов. Над самым озером навис старый замок — летняя резиденция папы. Мы приехали на озеро рано, еще до старта, еще до начала соревнований.

Во втором заезде на 500 метров на байдарке шла советская спортсменка Антонина Середина, бывшая текстильщица из Калинина. Вот прозвучал выстрел — и байдарки тронулись. Замелькали под солнцем весла. Вода блестит. На первых порах трудно различить, кто идет впереди. Но в середине дистанции определяется: впереди Антонина Середина. Взмах, еще взмах... Кто-то пытается настичь Середину. А она этого допустить просто не может. Она и приходит первая к финишу. Потом, сделав несколько взмахов веслом, подплывает к судейским трибунам. Это полагается. В это время диктор объявляет: «Первой пришла Антонина Середина». Диктор, переставив ударение в фамилии спортсменки, зарифмовал: «Антони́на — Середи́на».

Мы обращаемся к Серединой:

— Можно вас сфотографировать?

Отрицательно качнув головой, Середина уплывает.

Через час, посмотрев все соревнования, мы идем к нашим гребцам. Надвинув белую шапочку на глаза, Середина говорит:

— Извините, что отказалась сфотографироваться. Это только полуфинал.

Середина не улыбается. Через день финал. И вот этот день наступил.

Первая гонка на озере Альбано, где будут вручать золотые медали. Золотые медали—это очень серьезно, поэтому улыбаться нельзя.

Первая дистанция. Антонина Середина идет по четвертой воде. Так называется на водных соревнованиях спортивная дорожка. Со старта уходит вперед польская спортсменка Даниэла Валькавяк. Не меньше половины дистанции она идет первой. Но Антонина Середина не может этого допустить. Не может этого допустить и немецкая спортсменка Тереза Ценц. Так они и приходят к финишу: впереди Антонина, за ней с минимальным разрывом Тереза, затем Даниэла. Но кто первый пересек черту финиша, Антонина не знает: она не видела.

Робко она подплывает к трибуне, где должны вручать медаль. Спрашивает итальянца: какое она место заняла? Итальянец показывает палец: первой, первой... Середина не верит. Советские спортсмены кричат с трибуны:

— Браво, Тося, браво!

Но Середина все еще не верит. Лицо у нее очень серьезное. И снова диктор, объявляя распределение мест, рифмует имя и фамилию бывшей текстильщицы. Загораются цифры. Те-

Тренер баскетболистов.

Рисунок А. Костина и Ю. Чистякова.

Увлекся.

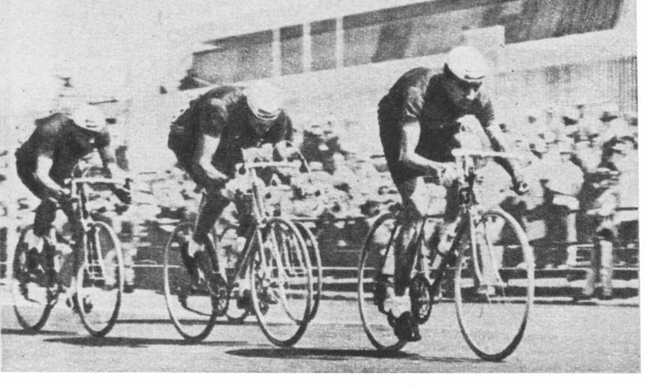
Рисунок В. Сигачева.

Ромул и Рем:
— Сегодня мы обедаем в олимпийской деревне.
Рисунок В. Сигачева.

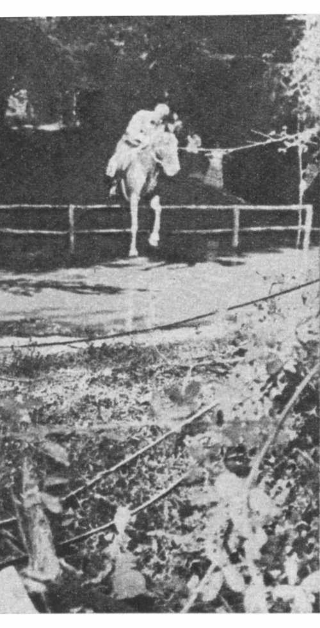
В олимпийской деревне, на территории нашей делегации, продолжаются тренировки.

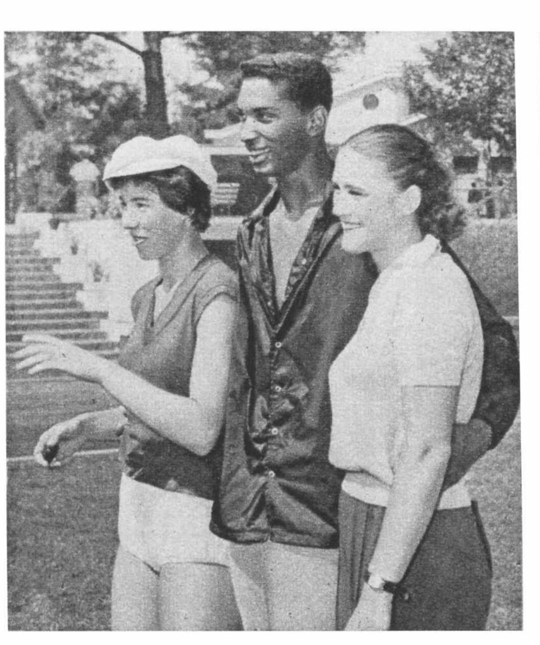
Итальянская команда велосипедистов, завоевавшая золотые медали в шоссейной командной велогонке на 100 километров.

Они тоже интересуются спортом...

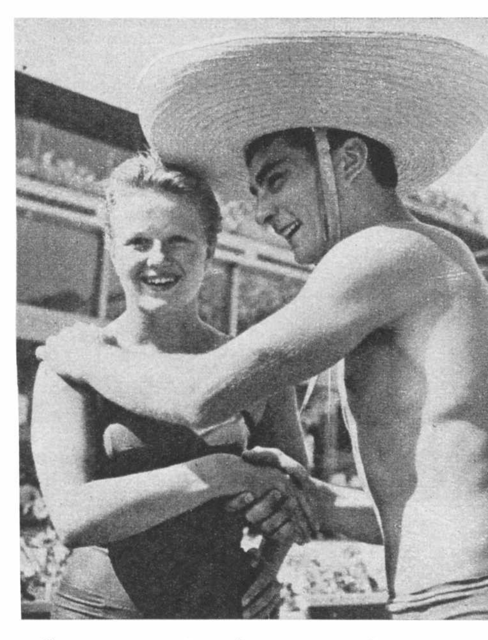
На трассе...

Рекордсмен мира по прыжкам в высоту Джон Томас (США) с советскими легкоатлетками Эльвирой Озолиной (слева) и Таисией Ченчик.

В олимпийской деревне можно наблюдать и такую картинку: «Меняю значки!»

Стать олимпийской чемпионкой в 17 лет — большой успех. Рада принять поздравления юная пловчиха Ингрид Кремер (Германия).

перь Середина понимает: вручающий медаль седой, пожилой человек приглашает ее занять место на трибуне почета, и место первое.

— Сними кепку! — кричат ей друзья с трибун, заботясь о том, чтобы она хорошо вышла на фотографии.

Она недовольно сдергивает кепочку с головы. Она готова.

Над итальянским озером плывут торжественные звуки Гимна Советского Союза. Тося смотрит на поднимающийся над озером красный родной флаг. Щелкают фотоаппараты. Теперь Тося не уклоняется от них. Это был финал, настоящий финал.

Антонина Середина шла по четвертой воде. В этот день наши гребцы получили еще две золотые медали и одну серебряную медаль. Но Антонина Середина была первой в команде Советского Союза, заработавшей золотую медаль. Вот что значит четвертая вода!

* * *

...Каждый день наполнен в Риме огромным напряжением. Идет сражение при Тибре. Звенят шпаги. Гремят винтовочные и пистолетные выстрелы. Боксеры осыпают друг друга градом ударов. Идет сражение... Но все довольны. Даже, пожалуй, побежденные. Колесо Олимпийских игр вертится с потрясающей быстротой, только успевай занимать места. И очень жарко. В Риме очень жарко. И очень интересно.

Рим, Олимпийские игры, август 1960 года.
По телефону.

Олимпийское настроение.
Рисунок В. Сигачева.

НА ОЛИМПИЙСКИХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Эти мотороллеры обслуживают прессу.

В. ВИКТОРОВ

...Если бы в Рим попал один из инспекторов московского ОРУДа, наш строгий блюститель порядка оштрафовал бы весь город. Невообразимая неразбериха царит на римских улицах!

«Но позвольте,— удивится читатель,— при чем тут порядок уличного движения в Риме? Ведь речь идет о порядке спортивного движения на XVII Олимпийских играх». Но все дело в том, что каждый из двух тысяч журналистов, представляющих в эти знойные дни мировую прессу в Риме, чаще заглядывал в карту вечного города, полученную вместе с олимпийской программой, чем в самое программу.

Чтобы попасть на какое-нибудь соревнование, надо быстро и безошибочно решить, как распутать замысловатый лабиринт, как пробраться быстрее и успешнее сквозь сплетение улиц и автомашин? И сколько же раз мы, советские журналисты, с умилением вспоминали порядок, царящий на наших московских улицах!

Журналистам не случайно в неограниченном количестве выдавались карты Рима. Организаторы этих крупных международных соревнований разбросали стадионы по всему огромному городу, и были дни, когда мы больше времени проводили на раскаленных улицах, чем в ложах прессы. Чтобы попасть, например, из северного олимпийского центра, где расположены бассейны для плавания, в южный центр, где на Паллаццо делло спорт разгорелся боксерский турнир, надо потратить около часа, а Базилика ди Массенцио, где состязались борцы, и озеро Альбано—место встреч гребцов—отделены друг от друга многими километрами каменных лабиринтов.

Деятели Международного олимпийского комитета требуют от сильнейших спортсменов мира полнейшего материального бескорыстия, но вокруг спорта открыто бушуют коммерческие страсти. Мы их наблюдали на зимних Олимпийских играх в Скво Вэлли, теперь они разгораются перед нами в Риме. Их проявление видно во всем — и в мелочах и в главном.

На всех римских улицах можно видеть жел-

В этом году калиновцы собирают хороший урожай не только на полях, но и в лесу.

Фото В. Кругликова.

ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК КПСС, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Н. С. ХРУЩЕВ И ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВСРП ЯНОШ КАДАР посетили 30 августа промышленную выставку Венгерской Народной Республики в Москве.

Фото А. Устинова.

ШАХТЕРСКИЙ АНСАМБЛЬ ПЕСНИ И ТАНЦА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ с успехом выступил на Выставке достижений народного хозяйства. В коллективе 150 человек. Это рабочие и служащие Садонских рудников. Все они участники Северо-Осетинской декады в Москве. Не только трудом, но и искусством прославляют они свой родной край.

Фото А. Пахомова.

День за днем

В ЭТИ ДНИ ВЕСЕЛО И ОЖИВЛЕННО БЫЛО В СЕЛЕ КАЛИНОВКЕ, Курской области: в гости к односельчанам приехал Никита Сергеевич Хрущев.

Вечером 26 августа во Дворце культуры собрался актив; о делах колхозных, о засушливом годе и, несмотря на это, хорошем урожае поведали земляки Никите Сергеевичу, который высоко оценил их успехи.

На следующий день Н. С. Хрущев продолжал знакомиться с большим хозяйством калиновцев: он побывал на полях, на животноводческих фермах.

Встреча Н. С. Хрущева с односельчанами закончилась радостным, праздничным митингом, на котором выступил Никита Сергеевич, встреченный бурными аплодисментами.

← **УИЛЬЯМ САРОЯН, ИЗВЕСТНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ,** был гостем редакции журнала «Огонек». Советские читатели знают его произведения «Приключения Весли Джексона», «Человеческая комедия» и многие рассказы.

Фото А. Бочинина.

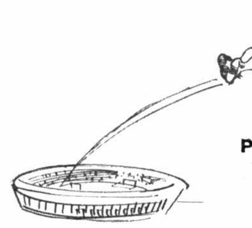
тые стрелки олимпийских маршрутов, украшенные черной косматой шестиногой собакой. Эта собака с огнедышащей пастью не имеет никакого отношения к спорту. Это эмблема не спортивного клуба, а фирмы, торгующей дизельным топливом. Она взяла на себя задачу хоть в какой-нибудь степени обеспечить возможность передвижения людей, не знающих Рима и ищущих пути к тому или иному спортивному центру. Но фирма пошла на этот, казалось бы, благородный поступок с целью рекламировать свою продукцию.

Перед открытием игр в печати промелькнуло сообщение о том, что владелец земельного участка, по которому должна была пройти дорога, соединяющая один пресс-центр с другим, не разрешил проложить на своей земле шоссе, несмотря на всякие выгодные предложения. Теперь журналистов из одного дома в другой возят в объезд мотороллеры, любезно предоставленные фирмой «Ламбретта». Это оказалось для компании блестящим коммерческим трюком. Невольно спрашиваешь себя: а не предложила ли эта фирма упрямому владельцу земельного участка еще большую сумму, чтобы он ни за что не соглашался на предложение Итальянского олимпийского комитета?

Держит свой бизнес вокруг Олимпиады и Ватикан. Куда ни оглянешься — везде на заднем плане мелькают черные сутаны. Ватикану принадлежит и Домус-Мария, католический отель для приезжающих в Рим монахов, где расположилась журналистская резиденция, и отель, где расположилась другая группа советских корреспондентов. Говорят, что римляне уже многие годы не видели столь близко папу, как в тот вечер, когда он выступал с посланием на церемонии встречи олимпийского огня в Капитолии. Даже в магазинах, торгующих рядом с Ватиканом различными предметами религиозного культа, можно сейчас купить олимпийские эмблемы.

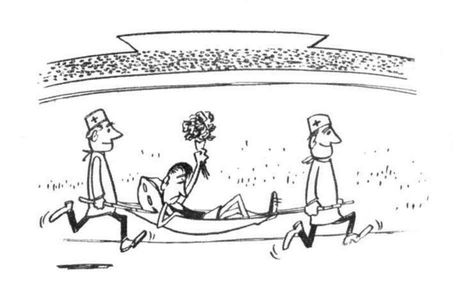
Но все это лишь отдельные штрихи коммерческого ажиотажа, все ярче разгорающегося на римских перекрестках, а вот принцип, в духе которого была составлена олимпийская программа,—это уже не мелочь. Ведь программа — это русло, по которому катится широкий олимпийский поток. Уже стало традицией начинать игры с самого основного олимпийского спорта — легкой атлетики. Именно она вызывает наибольший интерес, и не случайно одним из самых захватывающих легкоатлетических соревнований — бегом на 10 тысяч метров — начинаются все последние олимпиады. Организаторы XVII Олимпийских игр перенесли все легкоатлетические соревнования на вторую половину программы. Для чего это было сделано? Ответ ясен: для того, чтобы удержать в Риме максимальное число иностранных любителей спорта до самого последнего дня.

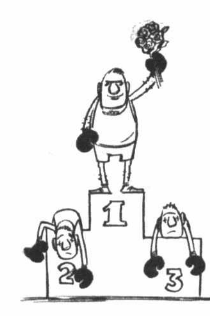
Метнул...

Рисунок А. Костина и Ю. Чистякова.

Почетный круг победителя марафона.

Рисунок Р. Овивяна.

Огинга Одинга.

Интервью «Огонька»

«НЕЗАВИСИМОСТЬ — НЕМЕДЛЕННО!»

По профессии Огинга Одинга учитель математики. Но сейчас он учит не правилам сложения и умножения чисел. Он учит своих соотечественников — африканцев английской колонии Кения,— как надо множить силы для борьбы за независимость. У себя на родине Огинга Одинга занимает пост вице-председателя Африканского Национального Союза Кении.

Этот союз создан всего лишь два месяца назад. Раньше этого нельзя было сделать. Более семи лет в Кении существовало чрезвычайное положение, введенное английскими колонизаторами. Власти наложили запрет на массовую организацию кениатов — Союз африканцев Кении, по ложному обвинению они бросили в тюрьму признанного лидера народа Кении — Джомо Кениату. На каждого африканца смотрели как на потенциального преступника. Пулями, плетками, пытками колонизаторы хотели вытравить из голов африканцев саму мысль о независимости. Но не вышло.

— Сейчас англичане уже поняли, что они не смогут лишить Африку независимости,— рассказывал нам Огинга Одинга, бывший недавно гостем Москвы.— Но теперь они пытаются навязать Кении то, что мы называем «независимостью чучел». Они хотят по-прежнему распоряжаться нашей страной, поставив у власти послушных им людей. Поэтому колонизаторы продолжают держать в ссылке нашего лидера Джомо Кениату. Поэтому они всячески препятствуют деятельности нашего союза.

— Что же они делают для этого?

— Очень многое,— ответил Огинга Одинга.— Мы, например, не имеем права созвать митинг, пока этого не разрешит окружной комиссар, то есть англичанин. До такого разрешения нам запрещено даже объявлять о митинге. Чтобы выступить на митинге, тоже надо иметь санкцию от окружного комиссара. Даже резолюция митинга должна быть утверждена колониальными властями. На митингах обычно присутствуют полицейские с магнитофонами. Все выступления записываются на пленку.

— Чем это грозит выступающему?

— Ему будет плохо, если власти останутся недовольны. У колонизаторов короткая расправа. Меня, например, судили. Надо вспомнить, сколько раз...

Огинга Одинга подумал немного и продолжал:

— Четыре раза. Не знаю, почему они ни разу не посадили меня в тюрьму. Но, наверное, они еще смогут это сделать.

— Народу Кении много пришлось выстрадать под игом колонизаторов. Каково настроение у кениатов сейчас?

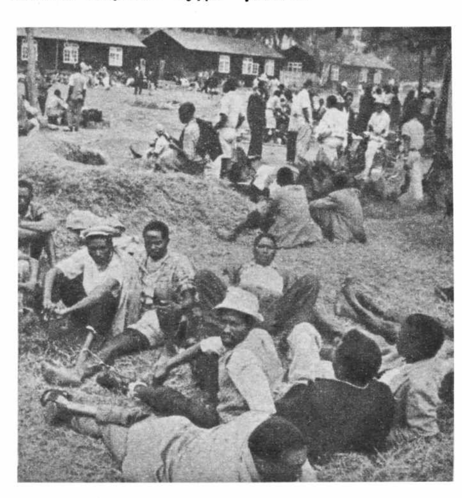
— Дух народа очень высок. Кениаты страстно хотят независимости своей страны, хотят ее немедленно. Народ хочет быть свободным, и он знает, что будет свободным. Колонизаторы запугивают нас, но сами они еще больше боятся народа.

— Когда же, по вашему мнению, Кения станет независимой? — спрашиваем мы у африканского гостя.

— Я не хочу гадать. Я хочу независимости для моей страны сейчас, немедленно, сегодня, а не завтра или послезавтра. И я стараюсь делать для этого все, что могу.

— Как относятся в вашей стране к Советскому Союзу?

— О вашей стране еще мало знают, и знают главным образом из английских источников. А они дают искаженное представление. После того как я побывал в вашей стране, я увидел, что здесь живет дружественный народ, который сочувствует нашей борьбе. И это естественно: такова идеология вашего общества, которое заботится прежде всего о человеческом прогрессе. Я очень рад, что побывал здесь. Я хотел бы сказать советским людям через ваш журнал, что нам нужна их поддержка. Мы знаем о твердой позиции Советского правительства, которое поддерживает борьбу за независимость африканских государств. Мы ценим это. Мы помним о помощи, которую оказало Советское правительство Египту во время суэцкого кризиса, и знаем о том, какую позицию заняло Советское правительство в связи с событиями в Конго. Мы надеемся, что интерес советского народа к нашей борьбе будет расти.

Нищета и безработица — удел африканцев в Кении. На снимке: безработные у здания биржи труда.

Так уж получилось, что по программе, составленной организаторами игр, наши главные «козыри» остались в первые дни Олимпиады в резерве. Мы не могли рассчитывать на победу в плавании. Не надеялись мы также на призовые медали в велосипедном спорте, и поэтому четыре бронзовые медали, полученные здесь нашими гонщиками, мы считаем большой победой.

В понедельник у нас был золотой день: советские гребцы получили много золотых медалей.

Бурлит под неизменно ясным голубым небом «вечный город», и полицейские регулировщики в белых шлемах останавливают движение на римских перекрестках, чтобы пропустить на широкие олимпийские трассы машины со спортсменами и открыть им путь к победе.

Рим,
30 августа,
по телефону.

Еще один рекорд.
Рисунок В. Боссарта.

Вариант защиты.
Рисунок Р. Овивяна.

Рисунок Р. Овивяна.

В АДРЕС *Москва, «Огонек»*

МОЙ ДРУГ БАЛУЕВ...

Бывает так в нашем деле: смотришь на схему предстоящих работ, на трассу газопровода, которую еще надо проложить, и вдруг сквозь лист ватмана начинают проступать и солнце, и лесные сердцевины, и пески, и просоленные степные озера, и бестолково петляющие на пути равнинные речушки... А потом начинают всплывать, оживать привычный гул «МАЗов», рев земснарядов, забрызганные грязью придорожные кусты, буксующие автоколонны с трубами... И самое главное — в каком-то новом свете видишь товарищей по работе, лица их, то усталые, задумчивые, то разгоряченные, напряженные, то радостные, то сердитые... Ясно видишь, на что нацелены они всей своей жизнью, каждым поступком своим, каждой мыслью.

Повесть В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев» я прочитал с таким же радостным волнением. И не потому только, что вновь ожили перед глазами неповторимые приметы пережитых событий, пафос новостроек, точность автора в описании трудного нашего дела... Инсценировок трудовых дел, производственных операций мы читаем порой немало. Писатель Вадим Кожевников передал красоту человеческого деяния, волнующую торжественность каждого, пусть скромного и обыденного, шага к коммунизму и праздничность светлых чувств людей века, сражающихся на трудовых рубежах семилетки. Павел Балуев говорит: «...самый огромный памятник из нержавейки надо поставить не кому-нибудь персонально, а просто советскому человеку. Человекопоклонниками должны стать». И я верю ему, верю и его своему опыту, знанию людей и их дел.

После демобилизации из армии мне пришлось руководить строительством газопроводов Дашава — Киев, Ставрополь — Москва, Серпухов — Ленинград. На этих и других крупных стройках я встречал немало людей, подобных Балуеву, энтузиастов своего дела, любящих профессию строителя газопроводов, несмотря на большие трудности в работе и в быту. Читая книгу Кожевникова, я вспомнил механизированную колонну коммунистического труда, где начальником товарищ Анисимов. В тяжелых условиях работы в районе Новгорода на строительстве газопровода Серпухов — Ленинград сложился крепкий трудовой коллектив. Он отлично выдержал испытание и на сооружении газопровода Акстафа — Ереван, где мехколонне Анисимова надо было преодолевать труднейший горный перевал. Сейчас вся колонна работает на стройке газопровода Дашава — Минск.

Я знаю много руководителей, рабочих, которые, как Балуев, завершив одну трассу, переезжают на другую, где строительство только начато, где всего труднее. Что срывает их каждый раз с места, какое чувство заставляет их искать той «быстрины» жизни, где всего выше скорости времени, сильнее встречный ветер? Ведь в конце концов и инженер в главке, годами подшивающий отчеты, рассылающий инструкции и техинформацию, делает нужное дело. Это, по-своему, тоже рубеж... Но люди с творческим огоньком ищут иного рубежа, ищут не легкого счастья. В повести есть диалог, который приоткрыл мне «сокрытый двигатель» энергии многих энтузиастов, пионеров новостроек:

«— А вы, Павел Гаврилович, когда-нибудь мысленно можете освободиться от стройки?

— Что значит «освободиться»? — сердито сказал Балуев.— Это же моя жизнь, мое удовольствие. Посади меня в учреждение, я же там, в спертом воздухе, на корню сгнию. А здесь пространство, люди, всякие производственные неприятности, живешь на высокой скорости. Я даже мимо своего среднего возраста проскочил, а как — и не заметил...»

В разном возрасте человек подводит свои жизненные итоги. И я думаю, раньше — тот человек, у которого беднее была жизнь. Балуев, дожив до пятидесяти лет, прислушиваясь порой к неровному биению сердца, подсчитывает не итоги, а перспективы новых свершений. Жизнь словно раздвинула перед ним свои горизонты, она для него все просторнее, и место его в жизни все прочнее, все радостнее. Балуев словно живет на «стыке» мечтаемого и свершаемого, он сам намечает пути в будущее и идет по ним вместе с могучим рабочим коллективом. Это и есть подлинное счастье жизни, подлинный рубеж строителя коммунизма. И я думаю, каждому человеку для неподдельного, неиллюзорного счастья надо отыскать такой же рубеж, надо рваться к нему именно.

Один ли Балуев живет такой жизнью? В. Кожевников показал жизненный путь героя: работа на стройке первой пятилетки, война, строительство важного тылового объекта, руководство современной стройкой... Счастье Балуева не случайный выигрыш в лотерее; «окрылились дерзостью дела... будто всю страну, как спутник, на полную мощность запустили»,— пишет автор о советских людях. Все труженики нашей страны: и мои друзья газопроводчики, и металлурги, и труженики сельского хозяйства — воспримут образ Балуева как высокое художественное обобщение их трудового пафоса, их устремленности в будущее. Взгляните только на схемы новостроек семилетки, вдумайтесь в сокровенный смысл намеченных планов, цифр, вслушайтесь в могучий пульс трудовых дел — и вы почувствуете, что вся страна живет на таком же «стыке» мечты и действительности, что в миллионах тружеников «засветилось», как пишет Кожевников, многое из будущего, из тех черт, с которыми «смело могут входить люди в коммунизм, не хмурясь от его сияния и не склоняя голову перед его величием...»

Мой друг Балуев... Так хочется сказать, потому что после знакомства с Павлом Гавриловичем, его раздумьями, муками становится как-то теплее на душе. Особенно живо и правдиво воспринимается Балуев в сцене аварии (я так и вижу его, снегом растирающего грудь, чтобы «утихомирить» расходившиеся нервы). Кстати, случай, описанный в повести, действительно имел место в прошлом году на строительстве газопровода Серпухов — Ленинград. Правильно сделал В. Кожевников, что стал искать героическое в самом будничном, внешне заурядном, а не в исключительном, одиночном. Ведь в жизни героика и будни не отделены друг от друга.

Пусть же и дальше шагает по жизни мой друг Балуев — человек большой души и несгибаемой воли!

Е. ГРОМОВ,
управляющий трестом «Мосгазпроводстрой» Главгаза СССР.

ГДЕ ЖЕ МЕККА МЕТАЛЛУРГОВ?

Продолжение. Начало см. на стр. 1.

спрашивают, на наши вопросы отвечают неохотно. Тогда я был несколько обескуражен. Но причина такого, мягко выражаясь, не очень вежливого приема была ясна: пропагандисты «холодной войны» ввели в заблуждение многих, распространяя небылицы об «отсталости русских». Это, а также отсутствие деловых контактов, и привело к тому, что специалисты Запада, не зная истинного положения вещей в нашей промышленности, ходили с таким видом, словно были обладателями самого передового, совершенного.

Шли годы. Я вновь поехал за границу — сперва в Канаду, потом в США — и всякий раз ощущал, как рушатся явно нелепые представления о нас, о нашей экономике и культуре.

В 1958 году в Чикаго меня пригласил к себе в гости начальник прокатного цеха мистер Паттерсон. Мы непринужденно беседовали за чаем, и хозяйка сказала:

— Вы знаете, если бы мне сказали несколько месяцев тому назад, что у меня за столом будет сидеть русский, да, вероятно, еще и коммунист, что вот так, дружески, будет проходить все это, как сейчас, я бы не поверила! Я представляла русских совсем другими...

Вынужденная переоценка ценностей шла широким фронтом. Коснулась она и близкой мне области: где же в наши дни находится Мекка металлургов?

Не могу удержаться, чтобы не рассказать об одном случае. Встретился я в США с «русским американцем», который когда-то жил в Екатеринославе, на Ново-Дворянской улице, и уехал в Америку в 1910 году.

— Ново-Дворянская улица теперь называется Дзержинской,— сказал я ему.— Да вы ее и не узнаете: она выстроена почти заново.

— А дом губернатора цел?

— Цел, там сейчас Дворец пионеров.

— А Брянский завод работает?

— Брянский,— отвечаю,— носит имя Г. И. Петровского, это совершенно новый завод, он дает продукции в несколько раз больше бывшего Брянского.

Не стану описывать, как ахал и охал «русский американец». Было отчего охать. Черная металлургия Днепропетровской области производит сейчас чугуна, стали и проката значительно больше, чем вся дореволюционная Россия в 1913 году. По общей выплавке чугуна Днепропетровская область стоит впереди таких капиталистических стран, как Италия, Канада, Австралия, Швеция; по выплавке стали — впереди Италии и ряда других государств. Один лишь завод имени Ф. Э. Дзержинского производит в год чугуна, стали и проката больше, чем некоторые капиталистические страны. Ныне один только наш Днепропетровский экономический район поставляет свою продукцию во Францию, Бельгию, Западную Германию, Австрию, Данию, Финляндию, Бирму, Турцию, Грецию, Италию, Объединенную Арабскую Республику, Индию, Ирак, Афганистан, Нидерланды, Исландию. Идут наши изделия и в США, но, к сожалению, в очень небольшом количестве, ибо, как известно, у Советского Союза еще нет нормальных торговых отношений с США по вине последних.

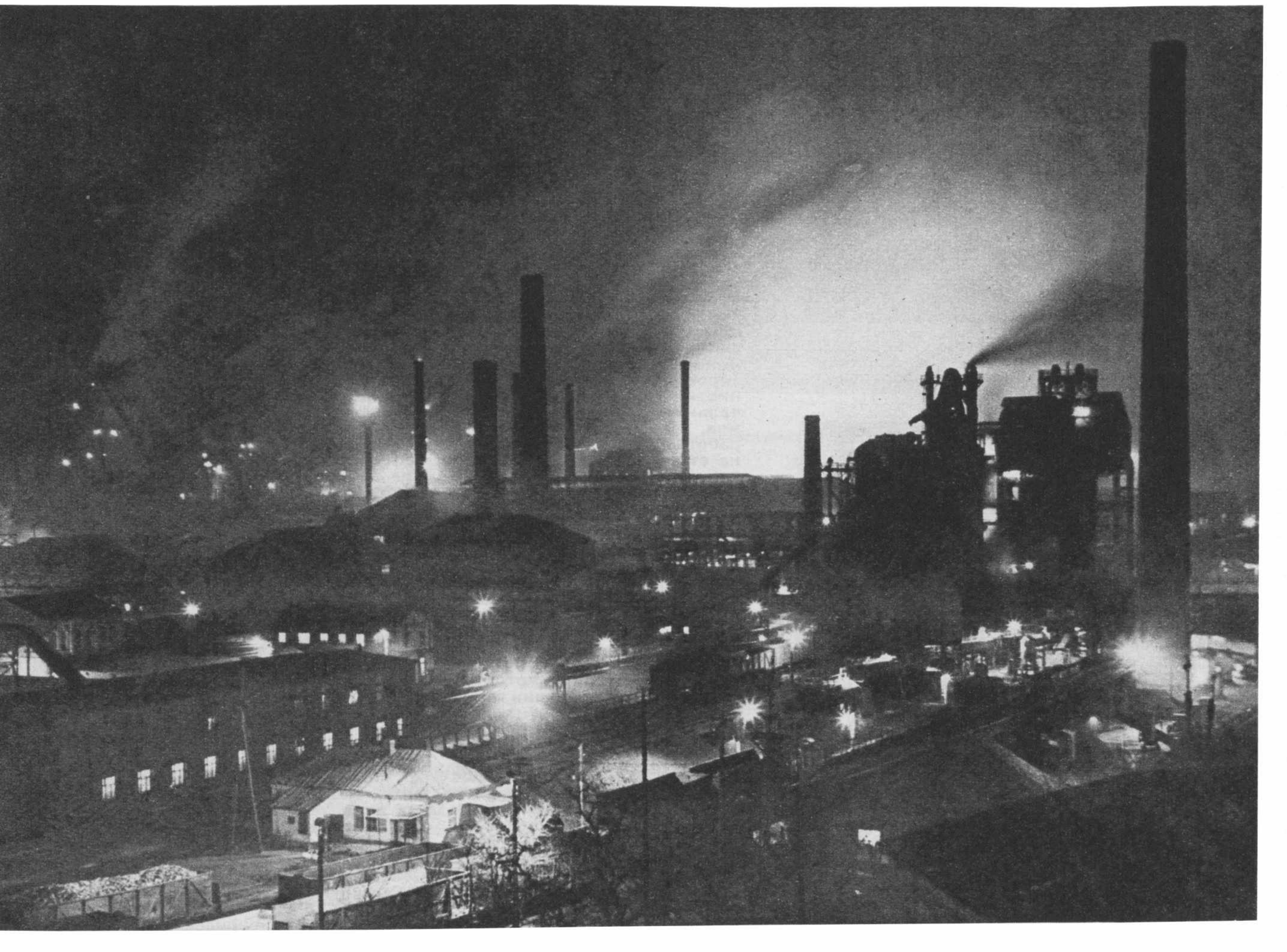
Но я несколько отвлекся.

Уже в Канаде я почувствовал: заокеанские специалисты проявляют к нам повышенный интерес. Догадываются: Советский Союз шагнул далеко-далеко вперед, и достижениями его металлургии стоит заинтересоваться. Еще более остро мы ощутили это в 1958 году, когда делегация советских горняков и металлургов поехала в США. Памятная поездка! Нам сразу стали ясны перемены на Западе. Деловые люди, специалисты, не скрывая, говорили: «Как же мы так сильно ошибались в оценке Советского Союза!»

Причина этой резкой перемены была понятна: в США приехали полпреды страны, которая впервые в мире запустила спутник.

Мы побывали во многих городах, на многих предприятиях, и всюду нас расспрашивали, что нового у советских доменщиков, сталеваров, прокатчиков, горняков. Особенно много вопросов задавали те, кто побывал в СССР, кто своими руками, что называется, «пощупал» нашу металлургию и, следовательно, лучше других знал всю ценность советского опыта для металлургов США.

Осенью 1959 года, во время визита в США Никиты Сергеевича Хрущева, я был в числе лиц, сопровождавших главу нашего правительства. И вот снова Питтсбург, снова встречи с американскими специалистами. Как изменилась обстановка за год! Теперь не я искал встреч с американцами, а они разыскивали меня, советского металлурга, звонили в гостиницу, присылали приглашения. Рассказывали, как они применяют у себя наши достижения, особенно те, которые почерпнула делегация металлургов США, побывавшая у нас в 1958 году. Эта делегация в своих отчетах и статьях пришла к выводу, что черная металлургия СССР является передовой отраслью хозяйства, имеет высокий уровень развития и что в ряде процессов металлургического производства наша страна уже превзошла Соединенные Штаты. Американцы рассказывали мне, что после возвращения их делегаций

Металлургический завод имени Ф. Э. Дзержинского.

Рекорды меняют адреса

— Мы бессемеровцы, наше дело — давать сталь стране,— говорит мастер Григорий Васильевич Диденко.

И вдруг в симфонию рождающегося дня врывается мощный взрыв.

Дм. ПРИКОРДОННЫЙ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Да, спорят с Америкой товарищи криворожцы, обгоняют ее в экономическом соревновании. Как? Каким образом? По каким «статьям»?

Дело в том, что уже в 1960 году Советский Союз по добыче железной руды догонит Соединенные Штаты Америки. К концу семилетки наша страна будет добывать железной руды больше, чем Соединенные Штаты Америки, Франция, Федеративная Республика Германии, Англия и Швеция, вместе взятые.

А при чем здесь криворожцы? Да при том, что уже сегодня каждая вторая тонна советского чугуна выплавляется из добытой ими руды. Да при том, что размах сооружения новых шахт, домен, мартеновских печей и коксовых батарей таков, что дух захватывает.

Вот они какие, криворожцы! Среди них семнадцать Героев Социалистического Труда. Сегодня семнадцать, а завтра прибавятся к ним другие. Это уж точно. Разбег взят такой...

В забое рудника имени Карла Либкнехта плечом к плечу работают несколько человек с перфораторами. Тон задает Герой Социалистического Труда Андрей Андреевич Денисенко.

Пять лет назад его проходчики поставили рекорд — 240,5 метра вырубки в месяц. Куда, кажется, больше — три года в рекордсменах ходили. А потом Александр Ростальный с шахты «Гигант» обогнал их — 243 метра.

С тех пор рекорд этот все чаще стал менять адреса. Ростального «обошел» Виктор Арнаутов с рудника имени Карла Либкнехта — 315 метров! А в январе нынешнего

Будущий живописец, студент Киевского художественного института Василий Чебаник удачно выбрал место практики.

О чем мечтают строители Нина Топоркова и Галя Долецкая? Поступить в вечерний институт. Ну, а дальше видно будет...

Растет смена криворожцам. 14—15 тысяч детей рождается в городе ежегодно.

домой они, применяя опыт СССР, стали усиленно строить в США агломерационные фабрики, чтобы улучшить использование доменных печей.

Да, иные настали времена! И яркая примета этих перемен — сравнительные данные хотя бы по Питтсбургу и Днепропетровскому экономическому району. Начну с того, что Днепропетровщина имеет уже то преимущество перед Питтсбургом, что располагает горнодобывающей промышленностью, а в штате Пенсильвания, где находится Питтсбург, такой промышленности нет. А если взять другие районы США, где добывается железная руда, то картина будет такая: по уровню техники, системам подземной разработки и мощности шахт наш Криворожский бассейн превосходит подземные разработки Соединенных Штатов Америки. В Кривбассе на бурении крепких руд впервые в мире успешно внедрены твердые сплавы «победит» и станки с погружными перфораторами. Это позволило добиться более высоких показателей по скорости бурения крепких руд. Интенсивность подземной разработки криворожских месторождений выше американской в полтора-два раза. А вот какова производительность труда на наших крупных шахтах и в шахтах Мичиган, Висконсин, Нью-Джерси: у нас — 10—15 тонн в смену, у американцев — 6—8 тонн.

Что касается металлургии, то все помнят заявление Н. С. Хрущева, сделанное им в США: «Наша страна располагает ценным опытом в индустриальном и научно-техническом развитии. Скажем, у нас лучше, чем в вашей стране, используется полезный объем доменных печей. Наши металлурги снимают больше стали с каждого квадратного метра пода мартеновских печей. В нашей стране в широких масштабах применяется кислородное дутье в металлургии. Мы теперь успешно применяем в металлургии природный газ».

Это было сказано в самом Питтсбурге.

А производительность мартеновских печей! У них, например, коэффициент использования полезного объема доменных печей — около 1,0, у нас же гораздо лучше — 0,74 — 0,78. А если говорить об отдельных рекордных показателях, то доменщики завода имени Г. И. Петровского добились на отдельных печах даже 0,60—0,65. Наши прокатчики также опередили Питтсбург, ибо у нас производительность каждого прокатного стана на 25 процентов выше.

В Днепропетровском экономическом районе почти все доменные печи переведены на природный газ,— в Питтсбурге же ни одна печь не работает на газе. Вообще в США пока еще фактически ведутся только опыты в этом направлении.

Примеры подобного рода можно было бы продолжить. Думаю, однако, что сказанного достаточно. Хочется лишь добавить, что семилетка принесет нам много нового, мы пойдем вперед еще быстрее. Полным ходом идет сооружение гиганта черной металлургии — Криворожского завода с домнами большой мощности. Здесь будут крупнейшие мартены, лучшие в мире прокатные станы. Кстати, у нас уже сейчас работают высокопроизводительные отечественные мелкосортные и проволочные станы, равных которым нет в Питтсбурге, нет в любом другом месте земного шара. А ведь было время, когда американские фирмы поставляли оборудование для предприятий, которые ныне входят в Днепропетровский экономический район. Так, от фирмы «Блоу-Нокс» мы получали оборудование для мартеновских печей, от компании «Места» — прокатные станы и т. п. «Холодная война» свела эти торговые связи на нет. Однако расчеты ее организаторов провалились: Советский Союз сам освоил производство этого оборудования на своих заводах. И не только освоил, но и опередил в этой области Америку.

Я снова вспоминаю встречи в Питтсбурге, беседы с мистером Дженксом — вице-президентом «Юнайтед Стейтс стил компани» — крупнейшей американской компании по производству стали. Он посетил Советский Союз в 1958 году и теперь проявлял большой интерес к развитию нашей металлургии. Ему хочется еще раз побывать у нас, чтобы лучше изучить опыт советских доменщиков и мартеновцев, использование природного газа в металлургическом производстве.

Наиболее квалифицированные и умные специалисты США поняли, что разговоры о технической отсталости СССР — это болтовня сторонников «холодной войны». У Советского Союза можно и нужно учиться. Более того: нужно торопиться с этой учебой, чтобы не оказаться в хвосте.

Что же касается нашей позиции, то мы охотно перенимаем лучшее, что есть за рубежом, и делимся своим опытом, который становится все богаче и богаче. Ближайшие годы внесут заметные перемены в металлургическое производство и горнодобывающую промышленность Днепропетровского экономического района. Будут введены в действие новые механизированные и автоматизированные сверхмощные доменные печи. Специальные машины с дистанционным управлением будут производить вскрытие чугунной летки, набивку ее футляра, разливку чугуна и шлака. На новых мартеновских печах уже внедряется комплексная автоматизация управления тепловым режимом с помощью электронно-гидравлических регуляторов. Широкое распространение получат новейшие достижения физики, радиотехники, электроники, вычислительной техники, телемеханики. Счетно-решающие машины на заводе имени Ф. Э. Дзержинского будут управлять ходом доменных печей, ультразвуковые приборы — измерять уровень шихты; на шахтах появятся оригинальной конструкции забойные агрегаты для безлюдной подземной добычи руд. На заводе имени Ленина создается установка для сварки труб токами высокой частоты. Огромные возможности откроет применение телевидения и т. п. Это не только завтрашний, но уже и сегодняшний день.

Жизнь, наши успехи показали, что Мекка металлургов переменила свой адрес: ныне она находится в пределах могущественного социалистического государства, на нашей советской земле, в стране Магнитки, Кузнецка, Нижнего Тагила, в стране передовой науки и техники.

года опять Денисенко голос подал — 403,4 метра. Но и Ростальный не из тех, что быстро отступают.

Как-то заявился к нему в забой гость — Андрей Денисенко. Не праздное любопытство привело его сюда. С секундомером в руке наблюдает за работой друга, что-то вычисляет, прикидывает, хмурится.

— Молодцы! — говорит.— Вижу, перегоните вы нас...

— А поможешь? — спрашивает Ростальный.

— Самого-то себя бить? — улыбнулся Андрей Андреевич.— Ну да ладно, в чем помощь требуется, говори.

Нужны были киевские буровые коронки, которыми пользуется бригада Денисенко.

— Приезжай — дадим. Только держись, Сашко! Мы на 450 замахнулись...

— Спасибо, Андрей Андреевич. И за коронки и за предупреждение спасибо. Буду иметь в виду.

В марте бригада коммунистического труда Александра Ростального прошла под землей 421,8 метра. А в мае знаменитого горняка можно было видеть в президиуме Всесоюзного совещания передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда. В те дни еще одна Золотая Звезда появилась в криворожском «созвездии»: Александру Афанасьевичу Ростальному присвоили звание Героя Социалистического Труда.

А рекорд опять сменил «адрес». В июле на руднике имени XX партсъезда бригада Василия Ивановича Канцуры прошла 441 метр. Много это или мало? Прикиньте сами: три года назад средняя скорость проходки составляла всего 13 метров в месяц.

Так шагают криворожцы. Им теперь веселее оттого, что тряхнула своими богатствами и курская земля, что идет на заводы руда Казахстана. Легче теперь с американцами тягаться, хорошие друзья-помощники появились.

Посторонись, Америка, обгоняем!..

— Сможем ли перекрыть рекорд проходки! Этот вопрос интересует всех в бригаде Александра Ростального.

ЗАНЗИБАР — ТАМА

За последние годы изучение Мирового океана приобрело громадный размах. Это имеет важное значение для познания климата нашей планеты, составления прогнозов погоды, для судоходства, рыбного и китобойного промыслов и многих других областей человеческой деятельности. На огромных водных пространствах от Северного Ледовитого океана до Антарктики работают ученые.

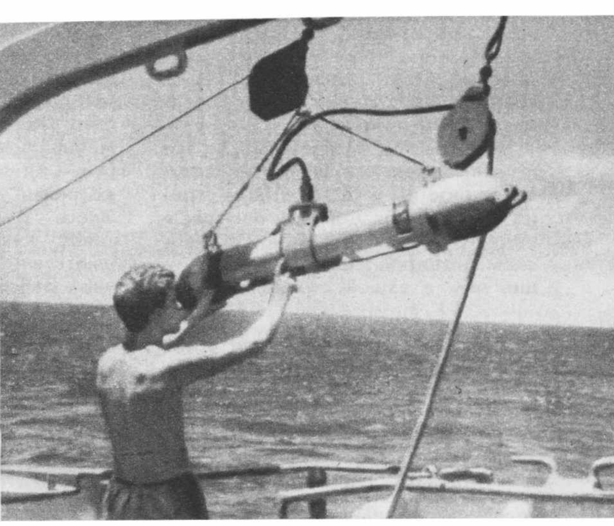
Скоро просторы Индийского океана начнут бороздить экспедиционные корабли Советского Союза, США, Англии, Франции, Австралии, Южно-Африканского Союза... В этом крупном международном научном мероприятии видное место займут работы экспедиции Института океанологии Академии наук СССР на корабле «Витязь». Славное имя наше исследовательское судно носит в честь русского корвета, с борта которого выдающийся мореплаватель и ученый адмирал С. О. Макаров провел научные работы в водах Тихого и Индийского океанов. Советский «Витязь» плавает уже десять лет, прошел по голубым дорогам свыше четверти миллиона миль, сделал тридцать рейсов в Тихом океане. Корабль недавно вернулся из плавания по Индийскому океану. После ремонта в Одессе он готовится к новому походу в эти же воды.

Корреспондент журнала «Огонек» обратился к начальнику экспедиции профессору Вениамину Григорьевичу Богорову с просьбой поделиться своими впечатлениями о первом плавании «Витязя» в Индийский океан.

Купание домашних слонов на Цейлоне. Эти сильные животные выполняют здесь тяжелую работу и ценятся дороже автомашины.

В Индии любят и знают писателей нашей страны. На витрине одной из книжных лавок в Эрнакуламе стоят изданные на английском языке «Записки охотника» И. Тургенева, «Обыкновенная история» И. Гончарова, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Тарас Бульба» Н. Гоголя, «Гранатовый браслет» А. Куприна...

Рикша в Таматаве — главном порте Мальгашской Республики, на острове Мадагаскар.

Океанолог Анатолий Волков готовит к спуску автоматический прибор для измерения прозрачности морской воды.

В. Г. БОГОРОВ,
член-корреспондент Академии наук СССР

Наш корабль держал курс к берегам Занзибара... Показалась полоска белого песка, сливающаяся с пеной прибоя. Затем сквозь марево возникла цепь красных холмов, и наконец перед нами предстал Занзибар — гавань, набережная, застроенная ослепительно белыми зданиями.

Еще в письменных свидетельствах дальних времен встречалось название Занзибара — оживленного центра судоходства и торговли у берегов Восточной Африки. Остров имел и другую известность, которая снискала ему печальную славу: здесь был крупнейший рынок рабов.

Когда «Витязь» отдал якорь в Занзибаре, никто из нас не предполагал встретить человека, побывавшего в Советском Союзе, а тем более в Москве. Но каково было наше удивление, когда к участникам экспедиции обратился молодой африканец и произнес несколько русских слов! Это оказался Али из племени суахили, побывавший три года тому назад в Москве на Всемирном фестивале молодежи и студентов. С радостью он вспоминал о нашей столице, о встрече с советскими юношами и девушками.

И тут же на палубе Али исполнил на языке суахили Гимн демократической молодежи и несколько русских песен. Мы подпевали ему и словно перенеслись от знойных берегов Занзибара в родную Москву...

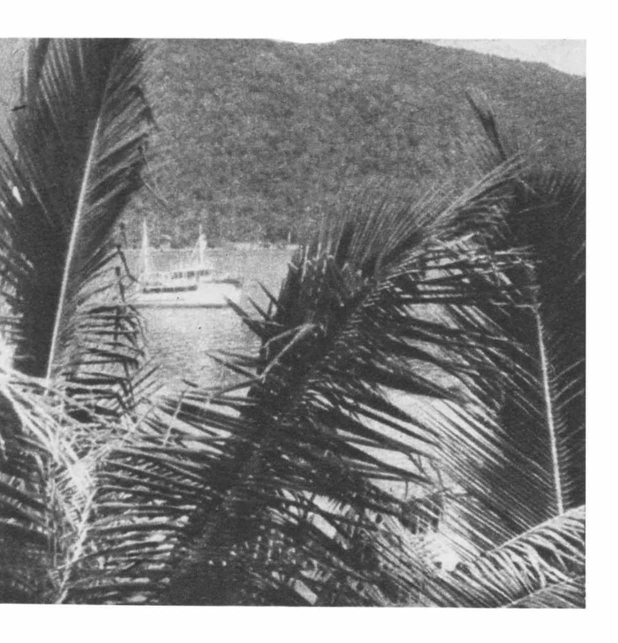
Встреча с Али была не единственной. На Коморских островах (арабское слово «Комора» означает «Луна») французский лейтенант Мартэн, любезно показав на карте места, удобные для сбора кораллов, неожиданно сказал:

— Мне особенно приятно быть вам полез-

ТАВЕ — ЛЕМУРИЯ

Одно из главных занятий жителей Сейшельских островов — рыбный промысел. Заодно островитяне ловят морских черепах. Эту черепаху только что вытащили из воды.

Фото И. БЕЛОУСОВА, ученого секретаря экспедиции на «Витязе».

По приглашению ученых Мадагаскара «Витязь» посетил порт Эльвиль на маленьком острове Носи Бе, где находится научная станция, занимающаяся изучением Индийского океана. На рейде стоит исследовательское судно этой станции — «Орсом».

ным — ведь советские солдаты освободили меня из гитлеровского плена...

За семь месяцев плавания «Витязь» заходил в порты Австралии, Индонезии, Цейлона, Индии, Мадагаскара... Участники экспедиции посетили такие места, где еще никогда не были не только советские, но и русские корабли, где некоторые жители впервые услышали слова «Союз Советских Социалистических Республик». Мы были первыми советскими людьми в Мале — столице островного Мальдивского государства, на Коморских и Сейшельских островах... На каждой стоянке сотни и тысячи людей посещали наш экспедиционный корабль, интересовались работами ученых, жизнью в СССР. И всюду десятки добровольных гидов стремились познакомить нас со своей страной и ее обычаями...

Первый рейс «Витязя» в Индийский океан показал, что коллектив ученых и моряков успешно справился с заданием. За семь месяцев пройдено 30 тысяч миль, корабль шесть раз пересек экватор.

На 247 океанографических станциях получены ценные научные материалы, характеризующие физические, химические, биологические и геологические явления. Там, где в ряде мест на карте и в лоциях Индийского океана говорилось о больших глубинах, теперь обнаружены отдельные горы или обширные возвышенности. В двухстах милях севернее Мадагаскара нами открыта неизвестная ранее подводная гора. Она возвышается на 3 500 метров над окружающим ложем океана. В этом месте расстояние от верхушки горы до поверхности океана 1 500 метров. Этой подводной горе присвоено имя известного советского ученого академика И. П. Бардина.

В западной части Индийского океана, вблизи берегов Африки, лежит область множества мелких островков. Они представляют собой остатки древнего материка Лемурии, опустившегося под воды океана. Может быть, проба грунта, полученная с глубины почти 5 тысяч метров недалеко от Сейшельских островов, где ниже двухметрового слоя обычного океанского ила оказался песок, — свидетельство существования древнего берега.

Участники нашей экспедиции обнаружили около ста неизвестных до сих пор науке видов рыб и других животных — обитателей больших глубин. Ценнейшие коллекции собраны на коралловых островах и рифах. Изучение этих грандиозных сооружений, созданных колониями мельчайших морских животных, представляет большой научный интерес.

«Переход здесь!» Такая надпись виднеется на перекрестках Коломбо. Она составлена на английском, сингальском и тамильском языках. Однако в стране еще очень высок процент неграмотных, и для них изображены идущие ноги — это уже всем понятно.

УДОБНО, НАДЕЖНО, ДОСТУПНО ЛИ?

Читатель отвечает: НЕТ!

Мы публикуем письма читателей, продолжающих разговор, начатый на страницах нашего журнала еще в прошлом году. На вопрос: «Хорошо ли вас обслуживают?» — авторы этих писем отвечают:

— Нет, еще не везде хорошо.

Партия и правительство очень много сделали и делают для улучшения быта трудящихся. Сокращается рабочий день, у советских людей появляется больше свободного времени для отдыха, учебы, спорта, семьи. А вот руководители некоторых организаций, о которых идет речь в публикуемых письмах, расхищают это освободившееся от работы время.

В частности, серьезного внимания заслуживает вопрос, поставленный композитором Л. Пульвером. Создается впечатление, что график работы товарищей, призванных обслуживать человека на дому, рассчитан в первую очередь на тех, кто нигде не трудится. Разве так сложно изменить этот график!

Афиша гласит...

В Семипалатинске появилась красочно оформленная афиша: «Пользуйтесь услугами артели комбината бытового обслуживания Семипалатинского облпромсовета».

Много хорошего сулит афиша: к вашим услугам ателье, где можно сшить костюм, мастерские ремонта одежды, обуви, мотоциклов, швейных машин, галантерейных изделий. Комбинат может оказать вам и коммунально-бытовые услуги.

Я поверил афише и направился в швейную мастерскую. У стола заказов—толпа людей.

— Сшить платье? Пожалуйста. Когда будет заказ готов? Месяца через два...

Я отказался от услуг разрекламированной мастерской. На следующий день вновь пришлось обратиться к услугам комбината: поломалась ручка зонтика.

— Зонтик? — мрачно переспрашивает мастер.— Не занимаемся таким делом. У нас нет для этого ни инструментов, ни материалов, ни даже прейскурантов.

— А замок у женской сумочки можете переделать?

— Не можем.

Входит молодой человек с дорожным чемоданом. Надо починить замки. Не берутся: невыгодно.

— Пройдите в нашу маленькую мастерскую, в ту, что при входе на Зеленый рынок. Возможно, там ремонтируют.

Но и там молодому человеку отказали. Не повезло и мне: не хотят брать в ремонт зонтик и сумку. Почему? Прямого ответа не последовало. Но дали понять: невыгодно возиться с такой мелочью.

Однако наш поход не пропал даром. Мы с радостью узнали, что можно сдать в ремонт швейную машину. И вот мы в мастерской. Что скажут на этот раз?

— Запасных частей, которые вышли из строя у вашей машины, мы не имеем. Если у вас есть,— давайте, отремонтируем. Иначе оставляйте деньги, будем покупать на рынке.

— Но это же очень дорого!

— Недешево. Цена в два-три раза выше государственной...

Так я и ушел ни с чем.

Г. АНКУДИНОВ

Семипалатинск.

Где достать «Орленка»?

Я хочу обратить внимание на культуру обслуживания покупателей в сельских магазинах. Есть тут серьезные претензии.

Ну, вот, скажем, оберточная бумага. В городе трудно даже представить такой магазин, где бы вам продали конфеты или печенье и не завернули в бумагу — в худшем случае. А, как правило, дают бумажный мешочек. Почему же у нас, в сельском магазине, действует совсем другое правило? Продают мыло, рыбу и не дают оберточной бумаги.

Я наблюдал такое бескультурье не только в нашем сельмаге, но и у соседей. Говорят, что это мелочь. Но нельзя ли попросить руководителей потребкооперации заинтересоваться такой мелочью?

А вот уж мебель никак в разряд мелочей не зачислишь. Правда, в последнее время у нас в магазине появились шифоньеры. А обеденный стол по-прежнему достать на селе очень трудно. Я, например, давно охочусь за столом и купить не могу. Появляются они в магазине редко, а магазин за 5—7 километров от моего дома. Пока доберусь — все столы проданы.

И еще об одной «проблеме». Многие у нас купили радиолы лучших марок. Денег не пожалели. А где хорошие грампластинки взять? Работники прилавка почему-то решили, что нас интересуют такие пластинки, как «Мэри», «Спи, мой бэби», «Чико-чико» и им подобные. А нам не по душе они. Спрашиваешь у продавца: «У вас есть «Орленок» или «Казахский вальс», «За фабричной заставой» или «Ангара»? Продавец улыбается, разводит руками: «Да у нас такие пластинки и не бывают!»

Очень мне хочется купить пластинку с песенкой «Орленок». Я даже в Киев, в Полтаву ездил, чтобы найти ее. Так и не купил. В Полтаве продавщица с раздражением ответила: «Что вы все словно сговорились: «Орленок» да «Орленок»! Нет у нас таких пластинок!»

Теперь и я руками развел — вот уж действительно проблема!

Рабочий совхоза «Решающий» В. ДОРОШЕНКО

Полтавская область.

«Это не наш профиль»

Дома было решено воспользоваться услугами конторы по ремонту мебели и квартир Свердловского района Москвы. Ремонтировать нам ничего не требовалось. Нужно было помыть окна, двери и полы. Но говорят, что контора и в этих случаях готова обслужить москвича. Звоню по телефону. Отвечают вежливо:

— Вымыть окна? Пожалуйста. Двери? Полы? Нет у нас прейскуранта на такие работы.

— А где имеется такой прейскурант?

— Не знаем. Это не наш профиль.

Что же делать? Придется ограничиться окнами.

— Присылайте товарища. Пусть хоть окна помоет.

Заказ приняли и предупредили:

— Через три дня придет к вам наш работник. Ждите его с девяти часов утра до пяти вечера.

Я стал возмущаться: как же так получается — ждать весь день? Значит, услугами этой конторы может пользоваться только тот, кто нигде не работает. Тем не менее я терпеливо сидел дома и ждал. Тщетно! Никто не пришел.

К сожалению, такой «сервис» практикуют и другие московские организации, призванные обслуживать трудящихся. Вот и прачечные, доставляющие белье на дом: назначают вам какой-то день и предлагают:

— Ждите. Привезем. В котором часу? Точно сказать не можем.

Ждешь целый день — никто не приезжает. А через 4—5 дней приедут без звонка, без предупреждения и сетуют: как же так, никого дома нет!

Все это вызывает большую обиду. Такое «обслуживание» лишает работающего человека возможности пользоваться тем, что, казалось бы, создано именно для него, для улучшения его быта.

Хочется верить, что можно сделать так: позвонишь по телефону в контору с просьбой прислать человека, чтобы убрали квартиру, а тебя спрашивают:

— В какое время вам удобно?

Будет ли когда-нибудь так?

Народный артист РСФСР композитор Л. ПУЛЬВЕР

Еще раз о свадебном дворце

Я с удовольствием прочитала в вашем журнале очерк «Свадебный дворец». Эта тема очень нужная и злободневная. Сейчас мне уже 41 год. Замуж я вышла 19 лет назад. Этот день запомнился на всю жизнь, но ничего не было красивого в этом торжественном событии. Мы — мой будущий муж и я — жили и работали в Новосибирске. В январе 1941 года пошли в загс, но опоздали, так как поздно кончали работу. На следующий день бежали бегом из разных концов города, чтобы успеть до закрытия загса. Это был старый, неуютный дом. За столом сидела женщина с казенной, «дежурной» улыбкой, и говорила она казенные, избитые слова. Неприятное воспоминание! Ну что красивого в этой свадьбе!

...Прошло много лет. В Новосибирске за это время выросли целые районы красивейших зданий, построен мост через Обь, оперный театр. И только загс остался таким же неприятным, неуютным.

Хорошо, если бы молодежь сама строила свадебные дворцы.

Нужно сделать так, чтобы регистрация брака во Дворце семейного счастья оставляла самые светлые воспоминания.

А. ВЛАСОВА

Новосибирск.

После выступления ОГОНЬКА

В АДРЕС *Москва, «Огонек»*

БЕЗДЕЛЬНИКОВ И ТУНЕЯДЦЕВ— К ОТВЕТУ

В № 29 «Огонька» был опубликован фельетон «Наследные принцы». Он вызвал горячие отклики. Мы публикуем отрывки из писем читателей.

Прочитал фельетон «Наследные принцы». Возмущен, до какой низости дошли эти «принцы». Они позорят советскую молодежь, ползая в ногах перед каждым иностранцем. До каких пор общество будет терпеть этих людишек!

Матрос ШУШПАННИКОВ

Ленинград.

* * *

О «джентльменах»-шалопаях в фельетоне сказано правильно. Но вот выход-то — выгнать из города,— по-моему не совсем хорош. Ведь «организм» паразита устроен так, что он паразитом остается и в большом поселке и в селе.

Допустим, в Москве «мусора» не будет, но этот «мусор» будет в Подмосковье, в Сибири. А разве он нужен нам?

В. ШТУНДЮК

Иркутская область.

* * *

Уголовное законодательство, как правильно замечает автор фельетона, «излишне гуманно» в отношении тунеядцев, хулиганов и спекулянтов.

«Ну что мы с ними можем поделать! — разводят руками работники милиции.— Нет такого закона, чтобы наказывать за безделье!» А такой закон должен быть! Спекуляция! Что это, не безделье?! Раз наказывают за спекуляцию, значит, можно наказывать и за безделье! Суд должен наказывать, а не цацкаться со всякой сволочью! У нас нет общественных причин и социальной почвы для преступлений, и поэтому каждый спекулянт и бездельник виноват вдвойне перед нашим советским обществом.

К. СКАЛОН, персональный пенсионер

Хутор Грушки, Львовской области.

* * *

В фельетоне «Наследные принцы» речь идет о лицах, систематически занимающихся спекуляцией валютой и заграничным ширпотребом. Но «спекуляция» почему-то заменяется словом «купля-продажа». И эту «куплю-продажу» не называют преступной, за которую следует судить лиц, занимающихся подобного рода деятельностью.

Ведь речь идет о привлечении спекулянтов за их преступную деятельность. Эта деятельность достаточно четко определена статьей 107 УК РСФСР: «Скупка и перепродажа частными лицами в целях наживы (спекуляция) продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления». Санкция статьи—«не ниже пяти лет лишения свободы». Действия всех этих трех лиц, названных в фельетоне, полностью подходят под эту статью, и они должны быть наказаны.

БЫВШЕВ

Москва.

«КАК ИЗУРОДОВАЛИ ТУЛЬСКИЙ БАЯН»

Статья «Как изуродовали тульский баян», помещенная в журнале «Огонек» № 26, была обсуждена на расширенном производственно-техническом совещании, а также по всем бригадам и участкам коллектива Тульской баянной фабрики.

Критические замечания признаны правильными.

Основные недостатки устранены. Значительно будут улучшены звуковые качества инструмента.

5 августа сего года Тульский горком КПСС и Управление легкой промышленности совнархоза провели конференцию по качеству музыкальных инструментов, выпускаемых тульскими предприятиями.

Затронутый в статье вопрос об изменении формы пуговиц правой клавиатуры, несмотря на наши неоднократные просьбы, фурнитурным заводом Мосгорисполкома окончательно не решен.

Мы обратились в Управление химической промышленности Мосгорисполкома с просьбой ускорить решение.

Начальник управления Тульского совнархоза А. ЛЫСОВА

КОРОТКИЕ ОТВЕТЫ

Читатель А. Цапко пишет: «Хотелось бы увидеть в «Огоньке» образцы кошельков для новых денег».

Выполняя его просьбу, наш корреспондент побывал на московской фабрике кожаных изделий. Она приступила к массовому выпуску портмоне, кошельков и бумажников для новых денег и мелкой разменной монеты. Модельеры и художники разработали свыше шестидесяти образцов. Вновь будет изготовляться портмоне «наблучок».

Фото Г. Санько.

ТЫСЯЧА КИЛОМЕТРОВ И ОДИН ИЮЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Рассказ

Леонид ПЕРВОМАЙСКИЙ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

еня давно уже тянуло в эти места, да все времени не находилось, и я из года в год откладывал поездку на родину большого художника, которого с детства люблю за его искусство, яркое, как листья любимой им осени.

Художник прожил недолгую и неспокойную жизнь, полную волнений и ударов судьбы. Похоронили его недалеко от места рождения, в небольшом старинном монастыре, построенном грозным царем.

Стоял конец июля. Узкая асфальтовая дорога вилась меж невысоких глинистых холмов рыжего цвета и скудных полей, усеянных круглыми валунами, напоминающими черепа великанов на поле древней битвы.

Иногда мы проезжали по мостику через неглубокую синюю речушку, в которой купались медленные белые облака, иногда проплывал мимо нас низкорослый перелесок. Рубленые избы, крытые соломой либо дранкой, возникали неожиданно, раскиданные то по голым холмам, то по зеленым топким низинам. Кругом не было ни души. Только в одном месте девушки расстелили на асфальте дороги лен, чтоб проезжие машины разминали его колесами. Девушки сидели у дороги, спустив ноги в кювет, и когда наш автобус проехал по льну, поднялись, чтобы перевернуть снопы.

У въезда в поселок, лепившийся вокруг монастыря, по обе стороны сбитой из планок высокой арки, стояли зеленые фанерные щиты: на одном из рога изобилия, слепленного из зерен кукурузы, сыпались на дорогу поросята, телята и перетянутые шпагатом колбасы; с другого смотрел на приезжих очень непохожий портрет художника, которому поселок был обязан своею славой.

В небольшой гостинице, у которой остановился автобус, свободных номеров не было. Дежурный,— а может, то был и сам директор — неопределенного возраста человек в ватнике и в маленьких, почти детских, белых валенках,— подметая пол старой метлой, давно уже превратившейся в пучок пересохших розог, охотно пояснил, что в гостинице вообще не бывает свободных мест, потому что все комнаты заняты сотрудниками музея, а экскурсанты селятся у местных жителей, которые берут за постой недорого.

— А много у вас бывает экскурсантов? — поинтересовался я.

— Пойдешь в музей — сам увидишь.— Человек в валенках чиркнул розгами по полу.— Зимой поменьше, а в такую пору, как сейчас, не то что молока — воды в колодцах на них не напасешься...

То, что могила художника привлекает так много народу, меня обрадовало, но перспектива ходить в толпе экскурсантов не очень восхищала. Всегда мне казалось, что выставлять на всеобщее рассмотрение подробности интимного быта людей, хотя бы и давно умерших,— это граничит с нескромностью. Вряд ли кто-нибудь хотел бы, чтоб даже далекие потомки блуждали с равнодушным видом по комнатам его жилища, останавливались у стола, за которым он сидел, у кровати, на которой лежал с раскрытыми глазами в долгие бессонные ночи, или читали его письма, в фотокопиях развешанные по стенам. Потому я и не люблю так называемых мемориальных музеев, что они не столько помогают войти в лабораторию творческой мысли художника, сколько удовлетворяют живущее почти в каждом человеке любопытство к ватному халату, в который он кутался, когда мерз, к носовому платку, которым пользовался, когда простужался.

Я молчал, думая обо всем этом, но дежурный по-своему истолковал мое молчание.

— Будешь долго думать — заночуешь на улице.—Он полосовал своими розгами пол так, что пыль столбом стояла.— Есть у меня тут адресок один, договорись, а потом уж будешь думать.

Я взял адресок, поблагодарил и вышел на улицу.

Тихое, спокойное небо плыло над землею. Зеленели сады на холмах и в лощинах, средь них ютились небольшие домики, поблескивая стеклом чисто промытых окон. Дрожал прозрачный воздух. Экскурсанты, переговариваясь, возвращались с могилы художника.

Я пошел навстречу экскурсантам в расчете, что так попаду в монастырь, не расспрашивая о дороге. Экскурсанты шли усталые, но откровенно счастливые. Глядя на их оживленные лица, я понял, что несправедливо было бы лишать людей радостного единения с источником счастья, которым для них является жизнь и творчество большого художника. Творец давно уже умер, и ничто теперь не может нарушить его вечного покоя, а живым людям он нужен весь, до мельчайших подробностей, из которых сложилась его жизнь, на первый взгляд ничем не отличимая от их существования, а по сути таинственная в своей способности из самой себя творить непреходящую красоту, которая волнует и поднимает нас в собственных глазах, ибо раскрывает тайную поэзию, что живет в сердце каждого человека.

Дорога шла в гору. Встречных становилось все меньше и меньше. Прошли веселые и увлеченные всем виденным школьники со своей учительницей, седой женщиной в каком-то рыжем пальто, которое в лучах вечернего солнца казалось горячим, как лист раскаленной жести. Прошла семья: бородатый мужчина, должно быть, страдающий одышкой — он тяжело хватал воздух, даже спускаясь вниз,— его жена, с милым, почти девическим лицом, повязанная легкой сиреневой косынкой, тоже пылавшей в косых лучах солнца, и дети, девочка и мальчик, подростки, в одинаковых белых панамках, сандалиях на босу ногу и с бамбуковыми тросточками в руках. Проехал на велосипеде, с рюкзаком за спиною, паренек в большом синем берете... Наконец, несколько солдат — вчерашних, видно, десятиклассников — тяжело протопали запыленными сапогами, и дорога опустела, и тишина окутала высокий холм, на котором стоял монастырь, окруженный приземистой толстой стеной, сложенной из дикого камня.

Песчаный склон холма перед монастырскими воротами был истоптан бесчисленным множеством ног, изрыт колесами автомобилей, засорен бумажками, папиросными коробками, даже консервными банками. Какой-то шофер менял тут масло в моторе — большое маслянистое пятно расплылось по песку, от него несло особым горелым запахом... Я остановился, пораженный равнодушным пренебрежением, с которым посетители монастыря относились к месту своего паломничества. Признаться, мне даже страшновато было идти дальше, но я поборол неприятное ощущение, вызванное зрелищем человеческой неопрятности, толкнул калитку, прорубленную в одной половине зеленых ворот, и вошел в монастырь.

Тишина и мир охватили меня.

Монастырский двор был маленький. Приземистая, изнутри побеленная стена почти исчезала за кустами и деревьями, поэтому он казался еще меньше, чем был в действительности. Длинное и низкое, тоже побеленное, крытое почерневшей дранкой строение, в котором, наверное, жили раньше монахи, упиралось слева в серо-голубую стену неба. Справа тяжелые, сбитые тысячами ног ступени из дикого камня, укрытые развесистыми ветвями высоких деревьев, вели на холм, где из-за деревьев

виднелся купол старинной церкви, посаженный на круглый барабан с прекрасной белокаменной резьбой. А между бывшими монашескими кельями и церковным холмом цвело поле привядших темно-сиреневых флоксов, цвет которых хорошо гармонировал с белыми стенами, черно-серой дранкой и выцветшим за день голубым небом. Посреди поля флоксов белела статуя художника — голова знакомым движением задумчиво склонена на грудь, высокий лоб в крупных кудрях каменных волос, улыбка на усталых, резко очерченных, словно выпяченных губах...

Пятнистая кошка дремала на завалинке маленькой монастырской сторожки у ворот. Было так тихо в этом уголке земли, отгороженном от мира старинной стеной, такая просветленная и мудрая печаль наполняла его, вытесняя из души все иные чувства, что я не сразу заметил: тут были другие люди. Мужчина и женщина, немолодые, просто одетые, по очереди фотографировали один другого у памятника, обмениваясь короткими, тихими словами. Потом они сели на белую садовую скамейку и стали молча смотреть на флоксы.

Я прошел по ступеням к церкви, отстраняя рукою низко нависшие ветви. Церковь тоже была небольшая, строгой, старинной красоты. Стройная девушка в серо-голубом платье без рукавов с трудом, напрягаясь, запирала окованные железом церковные двери. Две большие, небрежно заплетенные русые косы перекрещивались у девушки на спине.

— Приходите завтра в десять утра,— сказала мне девушка, хотя я не обращался к ней, а только молча поклонился,— с утра бывает мало народу, а сейчас уже поздно, и я устала.

— Спасибо... Вы экскурсовод?

— Младший научный сотрудник.

Она мило улыбнулась, тряхнула головой, словно ей мешали тяжелые косы, и прибавила:

— Окончила аспирантуру в Ленинграде... Вам у нас нравится?

— Очень.

— Мне тоже. Живешь сразу в трех эпохах... Все это — стены и церковь — шестнадцатое столетие. Могила художника и вещи в музее — девятнадцатое. А выйдешь за ворота — и попадаешь в атомный век.

Она подала мне тонкую руку, снова тряхнула головой — теперь уже в знак прощания — и побежала вниз по ступеням, пригибаясь под ветвями и постукивая каблуками о дикий камень, по которому ходили цари, бояре, опричники и молодые царицы...

До темноты было еще далеко. Рассеянный ровный и спокойный свет предвечерья придавал всему вокруг вид немного поблекшей, но четкой старинной гравюры, напечатанной на голубоватой шершавой бумаге ручного разлива.

Коралловые цветы шалфея на могиле художника походили на застывшие огоньки. Тоненький снопик полевых трав лежал у надгробия, над которым тоже склонялись ветви высоких деревьев. Под церковным куполом громко ворковали голуби, их не было видно, только это влюбленное воркованье слышалось тут... Я сел на неудобную скамейку, отгороженную от могилы какими-то узловатыми, сухими кустами, и долго сидел, прислушиваясь к тишине, что обнимала все вокруг — монастырь, деревья на холме, цветы на могиле художника...

Послышались шаги, громкий смех, оживленный говор, и у церкви появились трое: молодой человек с черными усиками и две девушки — шумная, несдержанная, очень красивая, высокая блондинка в цветастом платье и тихая подруга ее или, может, сестра, в зеленом сарафане и белой просторной блузе поверх него.

Они не видели меня и громко разговаривали, стоя у могилы.

— Ай, какая бедная могилка! — кричала блондинка, постукивая каблуками и поворачивая во все стороны свое красивое разрумянившееся лицо.— Бедная, бедненькая могилочка, боже ты мой!

— Ага,— поддакивал баском молодой человек, трогая свои черные усики.— В стране хватило бы мрамора, чтоб построить тут настоящий мавзолей...

— Нет, мне даже нравится, что могилка такая бедная,— настаивала блондинка.— Я хотела бы лежать в такой же, так уютно, так красиво...

— У Толстого в Ясной Поляне еще лучше: небольшой холм и елочки вокруг него...— сказала тихая подруга блондинки и отошла в сторону, склонив голову, словно прислушиваясь к чему-то.

Стоя в стороне, она медленными движениями длинных, темных, как шоколадки, пальцев расстегнула свою просторную блузу, сбросила ее и осталась в одном сарафане, который еле прикрывал ее маленькую нежную грудь и совсем обнажал загорелую спину.

Девушка подняла голову, увидела усталого старика на скамейке за кустами и смущенно отвернулась. Потом презрительно передернула красивыми плечами — а плевать мне, что ты на меня смотришь! — и тоже застучала каблучками, словно пританцовывая, как ее подруга.

Собственно, ничего не случилось, но все очарование той минуты, ради которой я проехал тысячу километров, внезапно и бесследно исчезло. Я встал и медленно пошел из монастыря. Пятнистая кошка все еще сидела на завалинке у сторожки. Я почесал ее за ухом, она доверчиво потерлась головой о мой рукав и свернулась калачиком.

На пороге появилась сторожиха — полнолицая босоногая женщина в дворницком переднике.

— Это не моя кошка, это приблудная кошка... Набегала себе полное пузо котят, а ее корми... Не может тварюшка без людей...

Я согласился с нею, что не может, и отправился разыскивать место для ночлега, вспомнив адресок, полученный в гостинице. Это было совсем нетрудно, улицу мне указали сразу, точнее, это была не улица, а глубокий песчаный овраг, на дне которого стояло около десятка игрушечных домиков, отгороженных друг от друга кое-как слепленными заборчиками из планок, хвороста, кусков ржавого железа и почерневшей от дождей фанеры. За десять рублей меня не только пустили на ночь в крохотную, как спичечный коробок, фанерную галерейку, где стояла узенькая железная кровать с чистым бельем под тонким одеялом, но и напоили теплым мутным чаем с овсяными коржиками. Весь домик был крохотный, низенький, с маленькими окнами. Не знаю, сколько в нем было комнат, но людей оказалось столько, что хватило бы заселить целую улицу. Все они высыпали на маленькое подворье. Тут была и худощавая хозяйка домика, и ее коротконогая дочка с двумя маленькими детьми, и постоянный квартирант — горбоносый местный тракторист, и ленинградские дачники в полосатых шелковых пижамах, и их жены в ярких халатах с японскими рукавами, и их дети — мальчики в трусах и девочки в сарафанчиках... Как они тут размещались, сказать трудно.

Сумрак сливался с землею. Стояли сиреневые сумерки, что словно спускаются с высокого неба и укрывают всю землю прозрачным ровным сиянием.

Мне не хотелось удовлетворять назойливое любопытство дачников, которым непременно надо было знать, кто я, откуда прибыл, не собираюсь ли поселиться тут надолго,— говор мужчин и женщин, пронзительные голоса их детей, снующих у взрослых под ногами, углубляли то настроение разочарованности, которое охватило меня в монастыре.

Я вышел со двора и побрел вдоль улицы, чтобы побыть наедине с этим теплым вечером, с прозрачным сиреневым небом и тишиною. Темнота понемногу наполняла овраг, но вверху над ним небо было еще глубокое и светлое.

На склонах росли высокие деревья. В просвете между ними внезапно возникла колокольня деревянной церкви, выкрашенная в белый и ярко-синий цвета. Я толкнул каменную калитку и очутился на кладбище.

Могилы ютились по склону меж высокими деревьями. Тропинка, пересеченная узловатыми, истоптанными корнями, вела вверх, к церкви. Деревянные и железные, сваренные из тонких водопроводных труб кресты, аккуратные штакетные оградки, окрашенные в светлые тона, так же как и низенькие скамеечки у могилок,— все это придавало кладбищу очень нарядный и вовсе не печальный вид. Я пошел по тропинке вверх, к церкви, и вдруг у одной из могил — там не было креста, а стояла красная солдатская пирамидка с жестяною звездой — увидел девушку в сером платье без рукавов... Ошибки не могло быть, я хорошо запомнил эти тонкие руки и длинные косы, скрестившиеся на спине. Девушка сидела, сложив руки на коленях и чуть подавшись вперед... «Значит, и ей хочется одиночества,— подумал я.— За день намучается с экскурсантами, а вечером в гостинице все те же постоянные обитатели... Или ждет кого-нибудь, это тоже возможно».

Тропинка круто повернула вправо, и девушка исчезла за стеной вечерних деревьев. Стволы уже были укутаны сумраком, а вершины еще купались в прозрачном сумеречном освещении. Но и у церкви наверху, где стояли низенькие синие скамейки на белых столбиках, вкопанных в землю, мне не удалось уединиться.

Под стеною церкви, у доски, на которой висели всякие противопожарные орудия, на низком ящике с песком, сидела старая женщина в темной юбке и широкой кофте с узкими рукавами; темный в цветочках платок покрывал волосы старухи, из-под юбки выглядывали обмотанные белыми онучами ноги в больших, растоптанных лаптях. Я растерялся и, поглядывая на противопожарные топоры, багры, лопаты и ведра, сказал не очень уверенно:

— Здравствуйте, бабушка... Можно мне тут покурить?

— А кури, милый, кури... Тут и урна стоит для этого,— запела женщина приветливым, приятным голосом.— Мужики все курят: и венчаться идут — курят, и хоронить кого приносят — тоже курят, такое уж, видно, ваше дело...

Я сел на скамейку под деревьями и молча закурил. Старуха тоже молчала. Синяя церковь с белыми столбами и наличниками окон стройно поднималась вверх, на крестах еще весело поблескивали темно-оранжевые вечерние отсветы. Деревья окружали церковь со всех сторон, вплотную подступая к низким, тяжелым дверям и узким, с мелкими стеклами окнам. Если б не два огнетушителя среди противопожарных орудий на стене, легко было бы почувствовать себя в прошедших временах — такая оторванность от жизни ощущалась тут, за стеною деревьев, молчаливых и неподвижных.

— Из приезжих будешь? — вдруг спросила старуха.

Я ответил, и отвечать ей было не тяжело, хотя я сразу понял, что за этим вопросом посыплется много других и завяжется беседа, та бессодержательная беседа незнакомых людей, от которой я убежал сюда из того Ноева ковчега, где должен был ночевать.

— А откуда к нам? — так же приветливо и тихо расспрашивал голос.— Из Киева? Говорят, в Киеве церквей много. А монахи в пещерах есть?

— Спасаются,— усмехнулся я.

— От грехов в пещере не спасешься, а монах грешить любит. Ты с людьми не согреши, среди людей спаси душу — вот тогда ты святой...

Не чувствовалось, что она повторяет чужие слова, голос ее звучал убежденно, словно она делилась собственным, выстраданным опытом.

— У нас батюшка был, весь свет повидал: и в офицерах царю служил, и за океан-море ездил, и с князьями за одним столом сидел, и с бабами хлеб убирал, несмотря что старый, когда в войну мужиков не хватало, а сохранил душу... При нем в церкви людей было, как на ярмарке, не то что теперь...

— А где теперь ваш батюшка?

— Пошел к богу, лета свои отживши,— вздохнула старуха как-то легко и, казалось, радостно.— Новый у нас батюшка, из теперешних: голосом сладок, а в ризнице табаком смердит, думает, я не слышу... Я, милый, при здешней церкви сорок лет живу — все знаю...

Вверху, на крестах, погас свет, и начало быстро темнеть, словно небо укутывалось темнотой, что подступала к нему снизу, от вечерней горячей земли.

— А Днепр тот,— вдруг совсем иным голосом сказала старуха,— большая речка, милый? Сторона у вас, говорят, лесная?

— И леса есть и степи,— ответил я, дивясь любознательности, что жила в этой старой женщине. Видно, привыкла она расспрашивать людей за долгий век, прожитый тут, у церкви, и много знала, но хотела знать еще больше.

Старуха подняла голову, долго смотрела в

небо и уже совсем по-деловому, неожиданно сухо спросила:

— А болока́ есть?

Я не понял ее:

— Болота?

— Нет, милый, не болота, говорю... Болока́ в небе есть?

Так она выговаривала «облака». Но почему она спросила про них?

— Нет, туч не видно,— ответил я, посмотрев на небо.— А что?

— Дождя, милый, нужно... Лето сухое.

— Да ведь хлеб уже в скирдах.

— А скоро озимые сеять... Говорят, бога нет, а он ведь на все хозяин — и на дождь и на сушь. Не даст бог дождя, что будешь делать?

Старуха поднялась, взяла ведро с водой, вздохнула и проговорила тихим своим, певучим голосом:

— Прощевай, милый, пойду бога сторожить...

Держа в левой руке ведро, она нащупала правой рукой стену и пошла вдоль церкви к дверям.

Беспомощное движение, которым она искала стену, осторожные прикосновения ладони к стене на каждом шагу поразили меня, но я не сразу понял, что передо мной слепая, а когда понял, старуха уже исчезла в дверях и закрыла их за собой. Изнутри слышался грохот тяжелых засовов, наверное, деревянных, как и вся церковь.

Слепая старая женщина замыкалась наедине со своим богом в церкви на ночном кладбище. Картина эта так взволновала меня своей бессмысленной и все же зловещей символикой, что я не смог ухватить спичку в коробке, руки у меня дрожали, спички ломались и гасли...

— Не сожги, милый, церковь,— послышался приглушенный голос; слух у старухи был чуткий, если она из церкви услышала легкий шорох.

Ее слова помогли мне осознать глухое желание, шевелившееся где-то в глубине души: да, неплохо бы поджечь эту нарядную, синюю с белым церковь, чтобы огонь очистил то место, где уродуется и гибнет во тьме душа человека, достойного лучшей участи в водовороте беспокойной и без того богатой страданием, не только радостью, жизни.

Я не ответил старухе, и она затихла.

Темные деревья, казалось, еще теснее окружили церковь, в небе зажглись звезды, недосягаемо высокие и спокойные. Они светились над этим глухим уголком, как и тысячи лет тому назад, но я знал, что за стеною деревьев, за склонами глухого оврага идет совсем иная жизнь — деятельная, кипучая, уверенная в своей силе и, возможно, поэтому равнодушная к островам тысячелетнего сна и тишины, омываемым ее бессонными неутомимыми волнами.

Не знаю, долго ли я сидел в темноте, должно быть, долго: потом, на ночлеге, оказалось, что папирос у меня совсем мало, я почти все их искурил у церкви. Но время надо мною плыло быстро, как и днем, и не успел я опомниться, как передо мною забелело в темноте лицо и послышался звонкий голос:

— Я вам не помешаю?

«Наверное, не пришел тот, кого она ждала»,— подумал я, узнав девушку из музея.

— Внизу так холодно и так темно.— Девушка пожаловалась почти по-детски.

Я невольно, не думая, что это может ее обидеть, сказал:

— И страшно?

Девушка не обиделась, но удивилась:

— Страшно? А чего, собственно, я могу тут бояться?

— Ну, не знаю... темноты. Могил, может быть.

— В могилах ничего страшного нет, а темноты боятся только дети...

Девушка сидела чуть поодаль от меня, и по тому, как в темноте двигались ее белые руки, я понял, что она переплетает косу.

— А я вообще ничего не боюсь и в детстве не боялась,— звонко говорила девушка, и мне казалось, что она так же независимо вскидывает голову, как днем.— Вернее, именно в детстве я и научилась ничего не бояться, так меня пугали...

— Кто?

Об этом, возможно, не следовало спрашивать.

— Было кому. Жизнь, война... смерть. Я ведь ленинградка, а вы знаете, что пережили ленинградцы во время войны...

— Возможно, знаю.

— То-то и оно, что возможно!

В ее звонком молодом голосе чувствовалась почти открытая насмешливость, она должна была выражать то превосходство, которое чувствует большинство молодых, уверенных в себе людей по отношению к «старикам», как они называют каждого, у кого начинает пробиваться седина на висках. Может, вы и жили, и делали что-то свое, и понимали кое-что, но где вам до настоящей жизни, до настоящей работы и до настоящего понимания, которое выпало на долю нам; вы уже не увидите, не сделаете и не поймете того, что только мы способны увидеть, сделать и понять!

— Вы в войну воевали? — спросила девушка и, не дожидаясь ответа, каким-то глухим, чужим голосом начала рассказывать: — Отец мой пошел в первый день, а мы остались с матерью вдвоем, на шестом этаже на Лиговском проспекте. Мама работала счетоводом и брала меня с собой в контору, когда начались налеты авиации, а потом обстрел. Я была еще совсем маленькая, даже не ходила в школу, и ничего не боялась. Мне нравилось, что мой отец на фронте, я его видела в форме и всех девочек и мальчиков спрашивала: а твой папа на фронте? И мне было жалко тех, у кого отец дома, потому что война мне казалась веселой, очень интересной игрой, которую затеяли взрослые, и тех, кто не принимал участия в этой веселой и интересной игре, я не могла не жалеть... А когда налетали бомбардировщики, я ни за что не хотела идти в убежище, потому что именно тогда начиналось самое интересное — выли сирены, и зенитки хлопали очень весело, звонко, часто, а ночью, когда прожекторы ловили в небе самолет и вели его, как на привязи, мне особенно нравилось...

Руки ее успокоились, она больше не перебирала косу, они тихо белели на коленях. Помолчав немного, девушка продолжала, повернувшись ко мне лицом в темноте:

— Я не понимала, что такое смерть, и не испугалась даже, когда осенью мы с мамой

стояли на трамвайной остановке и начался артиллерийский обстрел. Трамвай подходил, он был уже совсем близко, а мама растерянно озиралась, не зная, бежать нам в убежище или садиться в трамвай. И я смотрела на трамвай и вдруг увидела, как он споткнулся и упал набок, весь разорванный, словно распоротый изнутри. И сразу же, не знаю, откуда, появились люди с носилками и начали вынимать из трамвая раненых и убитых. Вынесли девочку, положили на носилки, и какой-то дядя с противогазом на боку крикнул: «Возьмите, это, кажется, ее рука!» Мама тянула меня прочь, она думала, что я все понимаю. В убежище мама заплакала, а я сказала, что трамвайчик починят, а девочке пришьют руку,— не надо плакать... Мама прижала меня к себе и прошептала: «Как хорошо, что ты еще глупенькая!»

Еле слышное ночное дуновение тронуло вершины деревьев, и они зашумели листвой, словно вздохнули. Вздохнула и девушка, видно, взволнованная своим рассказом.

— Вас удивляет, что я все это рассказываю вам, незнакомому человеку? — В ее голосе снова прозвучала нотка иронии и превосходства.

— Нет,— ответил я,— продолжайте.

— А потом я уже знала, что люди умирают от бомб, и от снарядов, и от дистрофии... Город наш опустел. Мы изредка получали письма от отца. Когда началась блокадная зима, мама совсем обессилела, она стала маленькая и тоненькая, как стебелек, ей все трудней и трудней было ходить на работу, мы сидели в темноте на шестом этаже, у нас не было даже сил идти в убежище, когда прилетали бомбардировщики... Потом мама уже не вставала с кровати. Я лежала с нею, мы давно не раздевались и укутывались всеми нашими одеялами и одеждой... Вечером соседка принесла паек — кусочек хлеба и две мерзлых брюквы. Брюкву соседка сварила и положила на тарелку. Но мать не ела. «Мне хочется спать,— сказала она,— ты ешь, Оленька, а мне оставь маленький кусочек на утро». Утром я проснулась от холода. Я прижалась к маме, но и она была холодная. Я испугалась, стала кричать, но никто меня не услышал. Я накрылась с головою и заснула рядом с мамой...

Она говорила шепотом, часто замолкая, словно затем, чтоб найти в душе силу для воспоминаний о своем детстве.

— Ну, а дальше уже не так страшно,— мне показалось, что девушка по своей привычке вскинула голову, голос ее снова зазвучал звонко и уверенно,— и детский дом, и как нас, детей, увозили на Алтай, и как я училась... Уже семнадцать лет прошло с той зимы, и уже два года я в музее... И отец мой тут...

— Ваш отец в этом городе?

Мне, видно, суждено было в тот вечер ошибаться.

— Тут... на этом кладбище.

Пораженный, я молчал.

— Я была умненькая в детстве,— в голосе девушки зазвучала самоирония, которой от нее, казалось, трудно было ждать,— мама каждый вечер спрашивала: «Оленька, ты помнишь номер папиной полевой почты?» «Сорок три двести восемьдесят шесть»,— отвечала я. В детском доме я сказала: «Напишите моему папе на полевую почту сорок три двести восемьдесят шесть, что мама умерла, а я тут, у вас». И отец присылал мне письма-треугольнички, они все у меня хранятся. Завтра, когда вы придете в музей, увидите там кусок доски с надписью: «Могила разминирована. Старший лейтенант Липатов». Это мой отец разминировал могилу, у которой вы сегодня были, но другая мина, заложенная под порогом церкви, стоила ему жизни. Его похоронили там, на монастырском дворе, а после войны перенесли сюда, на кладбище. Неудобно все-таки: знаменитый художник — и какой-то старший лейтенант. Я приехала сюда из института и поняла, что мое место здесь, что если отец спас ценой своей жизни дорогую для нас могилу, то и я должна ее оберегать. Конечно, иногда бывает трудно, особенно когда устанешь, тогда я прихожу сюда и отдыхаю, думаю про Ленинград, театры, выставки, концерты... А утром снова иду в музей, снова экскурсанты, и я им обо всем рассказываю и на одно мгновение, на совсем маленькую минутку, останавливаюсь у той доски и рассказываю о старшем лейтенанте Липатове... Идемте. Холодно, и я утомила вас своими рассказами, наверное...

Она поднялась и, не дожидаясь меня, пошла вниз по тропинке меж деревьев, иногда поднимая белую тонкую руку, чтобы защититься от невидимых в темноте ветвей. Я догнал ее у калитки. Когда мы шли по дну темного оврага и медленно поднимались по песчаному склону на улицу, где стояла гостиница, девушка сказала:

— А вы умеете слушать и не расспрашивать. Не знаю, почему я вам все это рассказала... Вы кто? Педагог? Врач?

— Геолог,— ответил я.

Мне почему-то совестно было признаться, что я писатель; может, я боялся, чтобы она не истолковала мое внимание как стремление все запомнить, а потом записать...

У гостиницы мы попрощались. Я еле нашел в темноте домик, в котором договорился о ночлеге, и долго не мог уснуть в похожей на спичечный коробок галерейке.

Утром меня разбудил гнусавый молодой петушок назойливыми, непрерывными криками. Я расплатился с хозяйкой, дождался на площади у гостиницы первого автобуса и уехал, не повидав усадьбы, в которой жил и творил художник, хоть, собственно, для того, чтобы ее увидеть, я проделал путь почти в тысячу километров...

Авторизованный перевод с украинского А. Громовой.

ГОСТИ ИЗ ЛУВРА

В Москве, в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, гостила небольшая коллекция из Лувра. В ней было девять картин старых мастеров.

Советские музеи послали на выставку в Лувр восемь полотен великого французского художника XVII века Никола Пуссена.

Прекрасен выбор присланных нам картин. Нельзя не поддаться очарованию этих шедевров.

При входе в зал выставки внимание зрителей прежде всего привлекают картины Жоржа де Латура, особенно «Святой Иероним». Сильные, жесткие контуры, терпкий, суровый колорит. Святой Иероним — лицо историческое. Он был замечательным ученым, обладал разнообразными знаниями, особенно знаменит был своими филологическими трудами. Вокруг его имени сложилось много легенд, но не они интересуют художника. В «Святом Иерониме» Латур дал подлинный портрет ученого. В нем все наблюдено с предельной зоркостью. Вот старые книги в пергаментных переплетах с массой тоненьких закладок, ножницы, очешник с двумя лунками для стекол очков и череп (необходимый атрибут ученого). Но художник скуп, он умеет вовремя остановиться, поэтому детали не заслоняют главного — как единственно важное выступает в его картинах образ человека.

Образу человека, занятого повседневным трудом, посвящена вторая картина Латура, «Иосиф-плотник». Так же, как в «Иерониме», на первый план крупным масштабом, почти во все полотно, выдвигаются две фигуры: старика-плотника и его приемного сына. И опять привлекают детали: на сильных ногах плотника и на тонких ножках мальчика одинаковые самодельные сандалии, сшитые, вероятно, самим Иосифом.

Большое полотно «Отречение святого Петра» принадлежит школе Латура.

Реалистическая направленность Латура позволяет причислить его к левому крылу французской живописи XVII века.

Картина итальянского (умбрийского) художника Луки Синьорелли (1448/50—1523) «Рождение Иоанна Крестителя», быть может, одна из самых прекрасных на этой выставке.

Автор титанической композиции «Конец мира» — знаменитой росписи собора в Орвието (Италия) — на этот раз сосредоточил свою динамическую изобразительную силу в небольшой по размерам картине. Но в этом рассказе о важном событии — рождении человека — он необычайно сдержан и скуп на детали. Здесь все просто в своем величии глубокой человечности.

Синьорелли славится рисунком, сильной, гибкой линией, которой он передает объемы и движение человеческих тел.

В наших музеях нет картин этого замечательного художника, тем более радостно знакомство с ним.

Превосходна «Мадонна с младенцем и Иоанном Крестителем» Сандро Боттичелли, знаменитого флорентийца, современника Синьорелли. Нежные, немного блеклые тона, изящные, тонкие контуры фигур передают высокие человеческие переживания.

Полон любви и скорби тонкий лик мадонны. Дитя прижимается к матери, словно ищет у нее защиты и собирается поведать ей о грядущем. А рядом Иоанн со страдальческой полуулыбкой, доверчиво и нежно преданный тому, кто станет в будущем его учителем. Вокруг на фоне призрачного зеленоватого неба, точно вызванные поэтической силой сказаний, расцветают чудесные цветы, вырастают неведомые деревья волшебного сада.

Две картины Антуана Ватто — «Общество в парке» и «Плутовка» («Финетта») — относятся к периоду расцвета этого мастера. Их тонкая прелесть, изысканный колорит, легкий ритм мерцающих в зелени парка фигурок органически сочетаются с изящным сюжетом.

Блестящие празднества, музыка, танцы, нарядные дамы и кавалеры. Но нет в их среде настоящего веселья. Вечерний пейзаж, молчаливые купы деревьев, задумчивый пруд, последний луч заката создают сложное настроение. В блестящем обществе всегда находится «одинокий» — один или двое,— стремящийся уйти от общего веселья. В изящных празднествах есть незаметная трещина. Тайная меланхолия проникает в картины художника. Не потому ли, что сын кровельщика Ватто не мог упиваться зрелищем придворных забав? Не потому ли, что незаметной трещине, подтачивавшей это общество, суждено было расти, шириться и расколоть его?

Имя Франсиско Гойи в последнее время приобрело у нас большую популярность. В его картины советский зритель всматривается с особенным вниманием.

В портрете «Дамы с веером» Гойя стоит уже в преддверии реалистического искусства XIX века. Во влажном блеске черных глаз, в легко вспыхивающем румянце, в свежей атласности розоватой кожи лица и рук бьется жизненный пульс, угадывается темперамент, сильный и страстный.

С великолепным мастерством Гойя передает мягкий блеск черных волос, шелковистую прозрачную ткань платья и руки, просвечивающие сквозь шелковый тюль. Серебристо-зеленый фон портрета воспринимается как живая воздушная среда, в которой художник ощутил свою модель.

Изнанка жизни в другой картине Гойи. Беспощадная жестокость художественного ви́дения Гойи заставляет его изобразить с точностью и большим мастерством остекленевший глаз ободранной бараньей головы, почки, заплывшие салом, и тонкий покров мертвой ткани над ребрами.

Но эта жестокая зоркость обусловила в творчестве Гойи и появление таких шедевров, как серия офортов «Бедствия войны» — одного из крупнейших антимилитаристских произведений мирового искусства.

О. ЛАВРОВА

Антуан Ватто (1684—1721)
ПЛУТОВКА.

75
94

Франсиско Гойя (1746—1828). ДАМА С ВЕЕРОМ.

Жорж де Латур (1593—1652). ИОСИФ ПЛОТНИК.

Митчел УИЛСОН

КАК Я ОБХОДИЛСЯ БЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА

Опыт почти научного исследования

Когда я впервые приехал в Советский Союз, я не знал русского языка. Более того: я не помню, чтобы до этого вообще слышал русскую речь. Я знал, что «да» означает «yes» и что «нет» — «no». И это было все.

Первый мой разговор по-русски был очень коротким и деловым. Когда самолет опустился во Внукове, в кабину вошел служащий, приблизился ко мне и произнес: «Паспор-р-р-рт». Я полез в карман и протянул ему требуемый документ. На этом разговор кончился. Мне показалось, что русский язык очень похож на английский,— надо только научиться как можно более раскатисто произносить букву «р». На деле все это оказалось намного сложнее.

Муки лингвистической глухоты

В тот раз я приезжал только на две недели. Мне дали переводчика. Он делал все, что мог. В том, что он переводил мне на мой родной язык, было много интересного и поучительного для меня. Но в некотором смысле переводчик стал моим пленником, а я оказался в плену у него. С кем бы у меня ни завязывался разговор в Москве, у этого собеседника немедленно проступали черты моего переводчика. Я привык вслушиваться в интонации голоса, улавливать тончайшие нюансы произносимой фразы. А тут мною вдруг овладела глухота к оттенкам звучащих вокруг меня голосов...

Русские обычно повышают голос на конце фразы. Мы, американцы, тоже делаем это, но лишь тогда, когда нам доведется рассердиться. Я, например, задавал через переводчика вопрос: читал ли мой советский собеседник такую-то книгу? На английском он бы ответил просто: «yes» или «no». В Москве отвечали так: «Да, читал». Прямой перевод этой фразы на английский звучит резко, даже вызывающе. Если у нас, в Америке, на вопрос отвечают теми же словами, это выглядит примерно так: «Да, читал, ну, и что вы мне сделаете за это?»

Я чувствовал себя все более и более несчастным в этой атмосфере воображаемой резкости и суровости, хотя прекрасно знал, что москвичи говорят мне очень дружелюбные вещи и видят во мне желанного гостя.

Я прислоняюсь к столу

Однажды я очутился в большой толпе людей и как-то потерял в ней своего переводчика. Это было на приеме в Кремле. Я увидел советского писателя, с которым недавно познакомился,— Леонида Соболева. Леонид говорил немного по-английски. Я вручил свою судьбу в его руки.

— Пожалуйста, присматривай за мной,— попросил я.— Но при этом не обращай на меня внимания. Я просто буду ходить вслед за тобой, но, пожалуйста,— о, пожалуйста! — не передавай меня в руки переводчика.

Так впервые я оказался предоставленным самому себе. Это ощущение настолько меня восхитило, что я, должно быть, выглядел как слегка подвыпивший. Может быть, это было и потому, что со всех сторон ко мне дружески протягивались руки с рюмками коньяку или вина, и я делал вид, что отпиваю из своей рюмки; а может быть, и не только делал вид.

На этом приеме я познакомился со многими людьми. Например, с Игорем Моисеевым,— и я до сих пор не знаю, каково было содержание тех междометий, которыми мы с ним обменялись. Меня познакомили с Константином Симоновым; после короткого обмена репликами вдруг выяснилось, что я навязался ему на завтрак у него в доме, хотя имел в виду сделать обратное — пригласить его к себе. Симонову пришлось примириться со случившимся, тем более что он стоял в окружении генералов, адмиралов, дипломатов, военных атташе,— у него не было другого выбора...

Особенно запомнилась одна деталь этого вечера. Тут я должен объяснить, что мы, американцы, не привыкли стоять посреди комнаты: мы всегда норовим к чему-нибудь прислониться. Может быть, это восходит к тем дням, когда наши предки — пионеры — жили в наскоро сколоченных, шатких хижинах и каждый мужчина — глава семейства — должен был то и дело пробовать спиной устойчивость хрупкого здания. Так вот, на этом кремлевском приеме, где я, чем дальше, тем больше чувствовал себя как дома, я нашел-таки, к чему прислониться: это был длинный стол, уставленный едой и напитками для гостей. В это время я беседовал с одной московской актрисой. «Беседовал» — это сказано слишком громко: она говорила по-английски не больше, чем я по-русски. Но, видимо, то, что я оперся спиной на стол, действовало ей на нервы. Последовал диалог, разумеется, без единого слова.

— Дорогой друг,— начала она,— вы положили бы ноги на стол, где сервирован обед?

— Разумеется, нет.

— Так почему вы сидите на таком столе?

Когда я вернулся в Нью-Йорк, я никак не мог вспомнить, каким образом она ухитрилась сделать мне этот выговор. Мне даже показалось, что все это просто приснилось. Но, приехав в Москву в следующий раз, я увидел эту актрису на сцене. И я понял, что эпизод у кремлевского стола не был сном: на сцене она одним поворотом головы или легким движением руки умела выразить любое сложное чувство гораздо красноречивее, чем это можно сделать в двадцати строках записанного диалога...

Я изучаю русский язык

Вернулся я в Нью-Йорк с категорическим решением: во-первых, никогда не отдаваться в плен переводчику и, во-вторых, разговаривать с русскими на их собственном языке.

И я засел за изучение русского языка с такой суровой решительностью, что она восхитила и даже несколько перепугала моего учителя. Я яростно продирался через чащу окончаний русских глаголов, падежей и склонений, не существующих в английском языке. Это можно было сравнить с двенадцатичасовой работой косца в поле. Помню, как я дошел до полного изнеможения, когда одолел по-русски следующий параграф из учебника:

«Я вышел из дома и пешком дошел по улице до парка, куда вошел через ворота, и затем пересек мост и прошел мимо маленького домика, куда заглянул на минуту, и, когда вышел обратно, встретил моего друга, который отвез меня вниз по бульвару, и мы проехали туннель, переехали железнодорожный мост и остановились у станции, где я сел в поезд и уехал».

Этот отрывок я зубрил по-русски наизусть: все эти «пошел», «зашел», «дошел», «пришел», «перешел». Я даже повторял их по ночам сквозь сон. Но в конце концов все-таки забыл процентов девяносто из этого текста.

Я разговариваю по-русски

В следующий мой приезд в Москву я был вооружен оставшимися десятью процентами. Мои московские друзья были поражены таким молниеносным прогрессом.

— Я **умею** говорить по-русски,— настаивал я.— Правда, у меня еще небольшой запас слов, но его хватит. Я хотел бы знать больше и узнал бы больше, если бы было время, но вы увидите, все будет хорошо.

Эту сложную фразу я произнес по-русски. Надо ли объяснять, что ее я тоже заучил наизусть — это было какое-то упражнение по употреблению сослагательного наклонения. Друзья горячо поздравляли меня. Я бормотал слова благодарности, стараясь бормотанием прикрыть неизбежные грамматические ошибки. И я был необычайно горд в эти минуты.

Мой первый разговор по-русски был удивительно успешным. Я вышел из гостиницы, и какой-то человек остановил меня и спросил, как пройти на улицу Горького. Я сказал «вот» и показал пальцем. Подошел к табачному киоску и узнал, что мои сигареты стоят два рубля. Я заплатил. Дожидаясь переходa через улицу, я почувствовал, что какой-то прохожий нечаянно толкнул меня и тут же попросил извинения. Я сказал: «Пажаласта!»

Тут снова требуется некоторое отступление, неизбежное в научном исследовании. Если русское «пожалуйста» перевести на английский словом «плиз», то у нас это означало бы, что вы приглашаете человека, который вас толкнул, повторить это еще раз и продолжать толкаться, сколько ему заблагорассудится. Но я знал, что прохожий не сделает этого: ведь мне уже не были чужды тонкости русской речи!

Злоключения слова «пожалуйста»

В большинстве англо-русских словарей это слово так и приравнивается к английскому «плиз». На самом же деле «пожалуйста» так же похоже на «плиз», как, например, фраза «Я люблю вас, дорогая» на фразу «Давайте поженимся».

Американцу, изучающему русский язык на слух, кажется, что «пожалуйста» имеет сорок тысяч различных значений. Я представляю себе какого-нибудь американского филолога, который с блокнотом в руках следил бы за разговором русских, в котором, как я убедился, «пожалуйста» произносится через каждые десять слов. Предположим, этот филолог избрал местом своих наблюдений очередь у окошка на телеграфе. Он видит, как какой-то взволнованный русский старается пробиться к окошку. Человек явно спешит, он говорит умоляюще: «Пожалуйста!». Американец заносит в блокнот: «Пожалуйста — плиз».

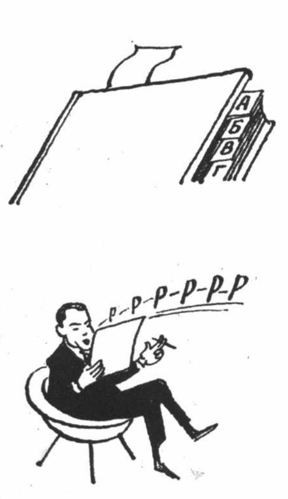
Но люди в очереди тоже говорят: «Пожалуйста». Американец вздрагивает, вычеркивает «плиз» и записывает: «Пожалуйста» — «Не стесняйтесь, проходите первым». Спешащий человек протягивает через окошко руку к телеграфному бланку. Телеграфистка пододвигает бланк поближе к нему и говорит: «Пожалуйста!» Американец сердито вычеркивает прежнее обозначение слова и вписывает: «Вот то, что вам нужно».

Человек берет бланк и вдруг растерянно начинает ощупывать карманы: ему нечем писать. Сосед по очереди протягивает ему самопишущее перо и — о ужас! — говорит: «Пожалуйста». Американец растерянно записывает еще одно значение неуловимого слова: «Охотно готов услужить вам».

Человек торопливо пишет текст телеграммы, телеграфистка считает слова. Она улыбается и говорит: «Можно приписать еще три слова». Он хватает бланк и покорно произносит: «Пожалуйста!». И вписывает три слова: «Люблю, люблю, люблю». Американец, уже заметно вспотевший, ставит возле написанного ранее жирный вопросительный знак. Потом делает такое примечание: «Тут, видимо, бесконечное множество разных значений».

В этот момент у дверей телеграфа останавливается такси, и американец слышит, как шофер открывает дверь и гово-

Сандро Боттичелли (1444—1510). МАДОННА С МЛАДЕНЦЕМ И ИОАННОМ КРЕСТИТЕЛЕМ.

рит: «Пожалуйста!» Из машины выскакивает женщина, она подбегает к телеграфному окошку, хватает автора телеграммы за рукав и устраивает ему сцену. Она заявляет, что всегда ненавидела его, даже тогда, когда его любила, а теперь будет ненавидеть до конца своей жизни, она обещает ему это! Человек пожимает плечами и говорит: «Пожалуйста!» Американский филолог судорожно пишет что-то в блокноте, вычеркивает, снова вписывает и, наконец, побледнев, валится на пол.

Над ним склоняется целая толпа русских.

— Вам дурно? Может быть, послать за врачом? — спрашивают они филолога.

— Пожалуйста! — говорит он дрожащими губами по-русски. Наверно, в его голове вертится калейдоскоп телеграфных бланков, раздраженных женщин, невежливых мужчин в очереди... И все же даже в эту неприятную минуту он с довольным видом бормочет про себя: «Вот оно, наконец, подлинное значение слова «пожалуйста»!»

Язык науки

Однажды мне пришло в голову немножко отдохнуть от обычного разговорного русского языка. Я решил обратиться к языку, на котором разговаривают ученые. Мои московские коллеги — физики — уверяли меня, что это будет для меня гораздо легче: терминология физической науки одинакова во всех странах. Я позвонил советскому физику Л. Д. Ландау и осведомился, нельзя ли мне побывать на одном из семинаров в Институте физических проблем. Он пригласил меня прийти во второй половине дня.

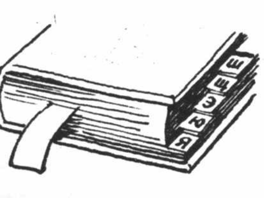
— Вероятно, это вам будет интересно, — сказал он. — Известный советский физик будет читать свой реферат.

Едва войдя в конференц-зал института, я испустил вздох облегчения. Ну, конечно, я снова был дома! Я, правда, не знал присутствующих в лицо, но они были чем-то привычны мне. Физики похожи друг на друга, как, скажем, помидоры, произрастающие в разных странах.

В первых рядах сидели люди пожилые, те, которые хорошо знали, о чем пойдет речь. Дальше расположилась публика помоложе: эти едва ли осилят всю сложность темы, но зато они полны решимости досидеть до того дня, когда чудо полного понимания осенит их, и, может быть, они смогут занять по праву кресло в переднем ряду.

Докладчик, широкоплечий, с крепким подбородком, живыми умными серыми глазами и прямыми волосами, спадающими на лоб и виски, подошел к большой черной доске. Я вынул свой блокнот. То, что читатель прочтет ниже, — моя стенографическая запись семинара. Правда, он увидит немало пустых мест: это упущенные мною русские слова. Но, надеюсь, основной смысл записанного будет читателю ясен.

Рисунки Ю. Андреева

— Уже давно известно, — начал докладчик с той обезоруживающей простотой, с которой хороший учитель подготовляет учеников к тому, что никогда и никому **не было** известно, — что ...электроны, мезоны и нейтроны... (здесь последовало несколько строк формул, написанных докладчиком на доске) ...Итак, мы все согласны, что... электроны... ядра... особого рода частицы... ка-мезоны... и магнитные поля... или же... хотя, впрочем... и поэтому...

Он на мгновение умолк, потом предостерегающе поднял вверх палец.

— Но! — воскликнул он, и палец стал сгибаться, образуя маленькую арку. — ...Тяжелые ядра... И, как мы видим...

Он говорил примерно десять минут. И вдруг кто-то из первых рядов небрежно спросил его:

— . . . . . . ?

В аудитории послышался смех. Докладчик тоже улыбнулся, но тут же вежливо ответил:

— . . . . . . эйгенфункцион... ... пси-пси! . . . .

Председательствовавший Ландау повернулся в кресле и чтото нетерпеливо сказал перебившему. Тот что-то возразил, но Ландау коротким . . . . снова призвал его к порядку.

Докладчик снова принялся за дело. Его мел летал по черной доске, длинные волосы подпрыгивали и падали с каждым движением. Уравнения росли, добираясь до подножия доски.

— . . . . . . , — приговаривал он, не прекращая писать. — И . . . . бета . . . . .

Семинар закончился в шуме дискуссии, которая, конечно, была слишком быстрой для меня. Один из сидящих впереди, очевидно, хорошо знавший суть обсуждаемой темы, уверенно встал и сказал:

— . . . . ?

— . . . . ! — быстро ответил докладчик.

На этом закончился мой эксперимент с русским научным языком.

Предательская буква

Осенью позапрошлого года я встретился с советским физиком академиком И. Е. Таммом, работы которого всегда меня восхищали. Он пригласил меня к себе, и мы провели вечер в увлекательном разговоре о путях развития физической науки. Через несколько дней один из живущих в Москве корреспондентов американского телеграфного агентства сказал мне, что, по сообщениям из-за границы, Тамм, вероятно, будет выдвинут на Нобелевскую премию вместе с двумя другими советскими физиками — Франком и Черенковым. Не мог ли бы я взять у Тамма интервью по этому вопросу? Я сказал, что готов это сделать, но лишь при условии, если Тамму это будет приятно и он на это согласится.

Я позвонил академику Тамму. Мы договорились встретиться для беседы на следующий день в двенадцать. Он заверил меня, что будет дома, дал номер своего домашнего телефона. Я тщательно записал номер и положил его на видном месте у телефона в моей гостиничной комнате.

Утро того дня, когда предполагалось интервью с академиком Таммом, началось для меня в половине восьмого, когда в первый раз позвонил телефон. Дальше звонки не прекращались. Я попытался подсчитать: за четыре часа у меня было ровно 42 телефонных разговора. Темы были самые разнообразные: о встрече с культ-атташе американского посольства; об обеде с одним из московских друзей, дважды откладывавшемся; о докладе в библиотеке иностранной литературы вечером; о меховой шапке, которую я собирался приобрести. Меховая шапка, помнится, потребовала четырех специальных разговоров: ни один из магазинов не имел шапки моего размера. Понемногу в моем гостиничном номере устанавливалась атмосфера небольшого частного сумасшедшего дома.

Ведя все эти переговоры, я сидел у стола и рисовал завитушки вокруг записки с номером телефона Тамма. С каждым телефонным звонком я прибавлял новое украшение — сначала виньетки окружали весь ряд цифр, потом я стал понемногу украшать и каждую цифру в отдельности. Через час номер телефона академика Тамма напоминал красивую чугунную решетку старо-византийского стиля.

В самый разгар телефонной горячки, часов около десяти, позвонил корреспондент американского агентства и спросил, могут ли они надеяться на мое интервью с Таммом. Я сказал, что мы условились с ним в полдень. Корреспондент ответил, что тут недоразумение: в Доме журналистов в полдень будет пресс-конференция, на которой выступят три советских физика, выдвинутых на Нобелевскую премию. Я сказал, что мое интервью с Таммом преследует иную цель: мне хочется поговорить с этим выдающимся советским физиком о том, как он лично относится к этому событию, какие у него мысли о месте советской науки в мировой науке и т. д.

Мой американский корреспондент настаивал, однако, чтобы я сам позвонил Тамму и проверил, состоится ли интервью. Может быть, я не понял того, что Тамм сказал порусски? — высказал предположение корреспондент. Я сердито ответил, что Тамм говорит по-английски не хуже меня и что не может быть речи ни о каком недоразумении. Он ясно сказал: в полдень у него дома.

Тут я бросил взгляд на сложный рисунок, в который я превратил номер телефона академика Тамма. У меня упало сердце: цифры было чрезвычайно трудно прочесть. Наконец я в них разобрался и набрал номер. Ответил женский голос. Я спросил по-русски, дома ли академик Тамм. Из быстрого и многословного ответа я понял только два смутных слова, которые звучали так: «Не... дома». Я спросил, путаясь и заикаясь, когда же он будет. Новый поток слов, и я поймал на крючок еще два: «Не знаю».

Я снова заставил работать мой телефон. Позвонил в институт, где работал академик Тамм, в иностранную комиссию Союза писателей, в Дом журналистов, моему американскому корреспонденту и, наконец, снова на дом к Тамму. Опять тот же ответ в слегка раздраженном тоне: «Не... дома». Я решил, что либо Тамм уехал за город, о чем высказали предположение в институте, либо забыл о нашей договоренности. А между тем мой телефон продолжал звонить без устали, но это было главным образом насчет меховой шапки. Я решил ждать и попросил принести мне в номер обед.

Усевшись, я зачерпнул полную ложку пельменного супа. Телефон зазвонил снова. Мне сообщали, что меховая шапка будет не в три часа в указанном магазине, а в четыре, но в другом. Я сказал «хорошо» и вернулся к своему супу. Едва мне удалось выудить четвертый пельмень, телефон! Я уже хотел было выругаться в трубку, но, к моему ужасу и изумлению, это был не кто иной, как... академик Тамм!

В его голосе звучал вежливый упрек: почему я не позвонил ему, как обещал? Он все время ждал дома и ждет до сих пор.

Поперхнувшись супом, я стал уверять, что звонил ему несколько раз. «Кто угодно звонил мне, но только не вы, — ответил Тамм. — Если еще хотите беседовать со мной, я пошлю за вами машину...»

Тут у меня мелькнула страшная догадка! Я схватил изукрашенную записку с телефоном Тамма и прочел ему номер телефона. Он расхохотался. Занимаясь своей художественной деятельностью, я добавил крохотную черточку к букве «Б» — и она превратилась в «В». А это — увы! — обозначало совершенно другой район Москвы!

Что мне оставалось делать? Я сказал, что буду ждать машину, и снова взялся за суп. Доедая десятый пельмень, я узнал по телефону, что меховая шапка не будет к моим услугам и в четыре часа.

Последние ложки супа я старался проглотить, стоя у окна, потому что Тамм просил меня спуститься вниз сразу, как только подойдет машина. Машина подошла. Конец обеду!

Я схватил с тарелки цыплячью ножку, решив, что съем ее, пока буду сбегать вниз по ступенькам. Но тут раздался звонок телефона. С цыплячьей ножкой в зубах я кинулся к аппарату. Мой друг из иностранной комиссии стал подробно разъяснять, что у меня был неверный телефон Тамма и что когда он позвонил по этому телефону, какая-то истерическая женщина встретила его ругательствами и все кричала: «Что вы мне все долбите — там, там, там! Где там? И кто там?»

* * *

На этом кончается мое маленькое исследование на тему «Как обходиться без переводчика».

Современница «Поединка»

Здесь, в городе Хмельницком, бывшем Проскурове, ровно семьдесят лет назад нес свою военную службу в 46-м пехотном Днепровском полку Александр Иванович Куприн.

В небольшой светлой комнате, обставленной старинной, хорошо обжитой за многие десятилетия мебелью, очень уютно. Моя собеседница Мария Ивановна Наумова, дочь проскуровского служащего, сухощавая, подвижная старушка, говорит, слегка улыбаясь своим воспоминаниям:

— Помню прекрасно, как появился в нашем доме совсем еще юный подпоручик Куприн. Был он, как мне тогда казалось, и собой недурен и приятен в обращении, а самое главное, отличался необыкновенным умением рассказывать. Своими рассказами этот молодой офицер мог, без всякого преувеличения, занимать весь вечер целое общество.

Многие сослуживцы недолюбливали Куприна, относились к нему настороженно. Не знаю, каким образом, но в полку распространился слух, будто пишет он что-то об армии, и это породило неприязнь к нему. По-настоящему хорошие отношения были у Куприна с Корсунским, более старшим, чем он, по возрасту и по чину. Корсунский впервые и привел в наш дом нового подпоручика. Позже, когда мне было уже пятнадцать-шестнадцать лет и Куприн продолжал служить в Проскурове, я на правах почти взрослой немало узнала о жизни офицеров Днепровского полка.

Я спрашиваю собеседницу, помнит ли она полковника Байковского, который много лет командовал Днепровским полком. По всем признакам именно его черты использовал Куприн, создавая в «Поединке» образ Шульговича.

— Да как же не помнить такого! — живо отвечает Мария Ивановна.— Здесь был на службе, сущий зверь. Грузный, краснолицый, с голосом, как труба иерихонская, от которого стекла в окнах дрожали, не любил он стесняться в выражениях. Молодые подпоручики при одном его виде приходили в ужас. Хотя, надо сказать, вне службы проявлял он к некоторым из них особое внимание. Куприн, например, как об этом говорили, не раз обедал у него дома.

Хорошо помнит Мария Ивановна и предшественника Байковского, полковника Назанского. Выйдя в отставку, он остался жить в Проскурове, и, как можно думать, Куприн не случайно дал его фамилию одному из любимых своих героев. Был Назанский по-настоящему интеллигентен, его очень любили в полку, и об этом не мог не слышать Александр Иванович, хотя при нем Назанский был уже в отставке.

— А что касается Назанского из «Поединка»,— прибавляет Мария Ивановна,— то такого философствующего офицера в полку не было, да в тех условиях, пожалуй, и не могло быть.

Зато большинство остальных героев «Поединка» имели, по мнению Марии Ивановны, своих прототипов в Днепровском полку. Вспоминается ей, в частности, подполковник — любитель животных, который устроил у себя в квартире, подобно Рафальскому из «Поединка», целый зверинец. Как и Рафальский, он нередко снабжал деньгами нуждавшихся молодых подпоручиков. К сожалению, фамилия его забылась.

— Приходилось мне слышать,— продолжает свой рассказ Мария Ивановна,— об увлечении Куприна женой офицера Волжинского. Звали ее, как и героиню «Поединка», Александра, была она дочерью попечителя Киевского учебного округа и в Проскуров приехала погостить к кому-то из местных жителей. Здесь и встретила она Волжинского. Очень красивая была женщина и в отличие от большинства полковых дам образованная, недаром сторонилась она их, да и они ее не жаловали. Не очень долго прожила она в Проскурове, ушла от мужа... А дальше, по слухам, не знаю уж, насколько верным, кончила жизнь самоубийством.

Был ли похож ее муж на поручика Николаева из «Поединка»? Пожалуй, да. Но в Николаеве сгущены отрицательные черты. У Волжинских, не в пример Николаевым, были дети, и Иван Васильевич (так звали его) после ухода жены самоотверженно выхаживал и воспитывал их. Вообще в полку, который простоял в Проскурове больше тридцати лет, вплоть до начала мировой войны, было немало многодетных офицеров. Одного из них, подполковника Врублевского, я вспоминаю всякий раз, когда перечитываю «Поединок». У него был целый выводок дочерей, две из которых, точь-в-точь как сестры Лыкачевы в «Поединке», любили, кокетничая с офицерами, сюсюкать и картавить, и Куприн частенько передразнивал их, за что они, уж не знаю, в шутку или всерьез, обижались на него. Квартира Врублевских была совсем недалеко отсюда.

Позже Мария Ивановна, работая в Проскурове библиотекаршей, бывала в семьях некоторых офицеров Днепровского полка. Довелось ей услышать от них отклики на только что вышедший «Поединок». Офицеры негодовали, узнавая себя в героях повести. Особенно возмущался капитан Бек-Бузаров, не без основания усмотревший в себе сходство с Бек-Агамаловым.

— Недаром, значит,— лукаво улыбаясь, заключает Мария Ивановна,— опасались офицеры, что Куприн собирается о них писать.

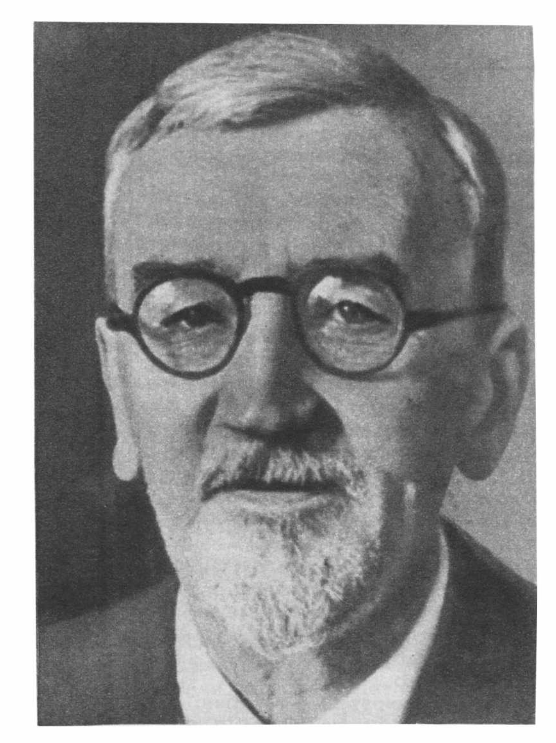
Я прощаюсь с Марией Ивановной. Несмотря на свои восемьдесят два года, она внимательно следит за книжными новинками, просит прислать ей воспоминания жены писателя **М. К. Куприной-Иорданской**.

На прощание М. И. Наумова говорит:

—, А вы посмотрите, каким красавцем стал Хмельницкий. Ведь в старом Проскурове были замощены только две улицы, город буквально тонул в грязи. Помните об этом в «Поединке»?

Я выхожу на улицу. Новые, радующие свежей белизной здания, густая, щедрая зелень, идешь, и не хочется верить, что именно здесь много лет назад осенними ночами плакал от тоски, уткнувшись головой в подушку, молодой подпоручик Куприн, заброшенный волей начальства в глухой, захолустный гарнизон.

В. АФАНАСЬЕВ

Этот не публиковавшийся ранее фотопортрет А. И. Куприна сделан другом и стенографом писателя И. Я. Комаровым в 1938 году в Ленинграде.

Е. Гурьянова.

В КРУГУ ДРУЗЕЙ

Начало литературной деятельности А. И. Куприна связано с журналом «Русское богатство», здесь с 1893 года стали появляться произведения молодого беллетриста. В. Г. Короленко, строгий и требовательный редактор, прочитав в 1896 году «Молох» Куприна, в своей редакторской книге сделал краткую запись: «Молох». Куприн — хорошо. Принято»; впоследствии он назвал Куприна «истинным художником». Тепло отзывался Куприн о редакторе «Русского богатства» публицисте Н. Ф. Анненском; друзьями Куприна были сотрудник журнала писатель С. Я. Елпатьевский и его жена Л. И. Елпатьевская.

На публикуемом нами редком снимке Куприн изображен в редакционном кругу «Русского богатства», слева направо — Н. Ф. Анненский, Р. Ф. Якубович — жена поэта, С. Я. Елпатьевский, поэт-революционер П. Ф. Якубович, Е. С. Короленко — жена писателя, А. И. Куприн, Л. И. Елпатьевская, В. Г. Короленко, детская писательница А. Н. Анненская, домашняя работница Анненских.

Дочь С. Я. Елпатьевского Людмила Сергеевна Врангель, живущая во Франции, сообщила нам, что эта группа была снята в Куоккале, в квартире Н. Ф. Анненского, когда он был выслан из Петербурга в Финляндию. Это указание в сочетании с другими данными позволяет датировать снимок концом 1901 года.

А. ХРАБРОВИЦКИЙ

Чужой петух

Рассказ А. И. Куприна «Чужой петух» появился 26 февраля 1912 года в петербургской «Новой воскресной вечерней газете» и с тех пор не входил ни в один из сборников писателя. Мы публикуем этот забытый рассказ.

А. КУПРИН **Из записной книжки**

У меня в Житомире было два знакомых пса. Одного из них звали Негодяй. Но об этой прелестной собачонке я так много писал, что, кажется, она должна была бы быть известна всей читающей публике.

А другого кобеля звали м-р Томсон. Должен сознаться, что я его похитил из одного очень почтенного семейства. Я его не увлекал ни колбасой, ни ветчиной, ни сыром, ни другими собачьими соблазнами, которые рассчитаны на ихний голод.

Просто-напросто я ему сказал:

— Мистер Томсон, не угодно ли вам прогуляться?.. По пути мы можем встретить маленькую, беленькую домашнюю кошечку. Попробуем ее укусить. А если это нам не удастся, и в особенности если она будет с котятами, то мы с тобой убежим... (И надо сознаться, что мы с ним очень часто пускались в постыдное бегство.)

Мистер Томсон на это предложение охотно согласился, хотя сначала не доверял мне, потягивался, облизывался, выгибая спину, и визжал.

Но, поистине, в г. Житомире мы за очень короткое время сделали много веселых приключений...

Давно известно, что собаку ничто так не увлекает, как бродячая жизнь.

На театральных представлениях в ложе м-р Томсон дремал у меня на коленях, но Негодяй почему-то считал нужным вмешиваться в актерскую игру, и, главное, в самые неподходящие, в самые трогательные моменты.

Он не мог терпеть, ежели кто-нибудь кого-нибудь обижал.

Он считал своим долгом вступиться за слабого.

Но тогда приходил господин околоточный надзиратель и говорил:

— Г. полицмейстер просит уйти Негодяя, а вместе с ним и его хозяина.

Обыкновенно Негодяй бежал впереди извозчика и старался укусить лошадь за ноздрю.

В то же время он каким-то чудом успевал забежать во все соседние дворы и успевал перессорить всех собак между собою и разнести по всему городу всякие собачьи сплетни.

Бывали у него и критические моменты.

Иногда выскакивал из подворотни огромный старый, опытный бульдог и показывал Негодяю такие клыки, от которых прямо становилось страшно.

Тогда Негодяй делал вид, что он пришел в чужой двор только из праздного любопытства и что он вообще очень порядочный молодой человек из хорошего семейства.

Тогда уже в дело ввязывался м-р Томсон.

Я помогал ему слезть с подножки экипажа, он подходил к бульдогу и говорил ему на собачьем языке, к сожалению, нам непонятном, несколько таких слов, после которых бульдог извинялся, краснел, опускал уши и обрубок хвоста... и с визгом уходил к себе обратно в подворотню.

Но, представьте себе, чужой петух оказался сильнее их обоих.

Повадился к нам ходить с соседнего двора большой, жирный петух, фунтов около одиннадцати весом и самого неприличного поведения.

Это бы еще ничего, если бы он приходил один, но он приводил с собою своих детей, внуков, правнуков и, кроме того, весь свой гарем.

Более наглого петуха я никогда не встречал в своей жизни.

Он точно нарочно издевался надо мною и над всеми моими цветоводными и сельскохозяйственными затеями.

Возмущенные его образом жизни, м-р Томсон и Негодяй устроили на него правильную охоту.

К сожалению, их усилия не сходились: у м-ра Томсона глаза становились рыжими и огненными, и он мчался за петухом со всей жалкой скоростью своих искривленных ног, но, конечно, никогда не мог догнать бедного петушка.

Зато Негодяй, наоборот, все время старался загнать петуха на дерево, чтобы вдосталь полаять на него.

Ничего не поделаешь — щенок.

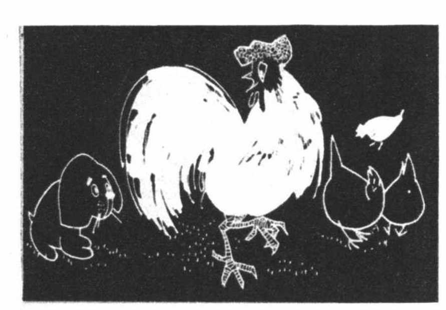
И вот однажды м-р Томсон, который давно уже глядел на чужого петуха огненными от злости глазами, сказал что-то Негодяю.

И сейчас же Негодяй помчался с бешеной скоростью за петухом. Взволнованный петух кричал то женским, то мужским голосом, махал крыльями, подобно авиатору.

Его ничто не спасло.

В нужный, точно определенный момент м-р Томсон с непостижимой для него ловкостью выскочил из жасминового куста, где он заранее устроил западню и — белый петушок уже больше не существовал.

М-р Томсон поймал его на лету, не на очень высоком расстоянии, но очень основательно. Бедный чужой петушок...

Понятно, что на другой же день к нам явились соседи и с той и с другой стороны дачи — и обе стороны уверяли, что петух принадлежит именно им...

Но я притворился, что петух умер естественной смертью, и заплатил той и другой стороне по-царски.

А бедного чужого белого петуха я отнес в ресторан и продал за пятнадцать копеек.

Валик скажет сейчас что-то интересное.

КЛУБ

ИЯ МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

В кругу людей, ремонтирующих корабли на Каспии, Алю Мартыновну Ермакову знали как инженера-энергетика высокой квалификации, специалиста по гребным винтам. Не раз бороздила она море на своем служебном катерке, и казалось, ничего, кроме гребных винтов, ее не занимает. Впрочем, известно было, что она увлекалась также и скульптурой, умела хорошо шить, получила в свое время медицинское образование, занималась фотографией...

Потом инженер Ермакова ушла на пенсию. С этого-то времени все изменилось в жилом доме Бакинского судоремонтного завода имени Закавказской Федерации. Появились саженцы, которыми украсили безрадостный пустырь возле дома, пионерская площадка во дворе, художественная выставка прямо на лестничной клетке третьего этажа. А потом и этот детский клуб в бывшем подвале.

Але Мартыновне помогали на первых порах ее муж Николай Константинович, подполковник в отставке, и сын Валик, студент биофака.

Сын во всем старался подражать матери: вместе с ней придумывал занятия для ребят в клубе, мастерил, выпускал стенгазету. А когда бакинцы послали Алю Мартыновну в Москву, в ВЦСПС, на совещание представителей общественности, Валик, воспользовавшись каникулами, поехал вместе с ней. Он запоминал все, о чем там говорили, с волнением слушал, как выступала мать.

— Дело наше трудное,— говорила она.— Признаюсь, что инженером на производстве работать было куда легче. Но добиться можно многого, если отдаешь этому сердце.

К тому времени в клубе уже были выработаны свои «железные законы»: закон о Трех Врагах — Невежливости, Обидчивости и Двойке, закон о Плюсах и Минусах за хорошие и плохие поступки. Выбрали Совет клуба, разделились на бригады. Девочек стали учить,

как накрыть стол, испечь пирог или хворост, приготовить обед. Мальчикам завод подарил столярные и слесарные инструменты. В клубе появилось семь различных кружков — семь цветов радуги.

Так и решили назвать клуб — «Радуга». Сделали для радужан нагрудные знаки, сшили голубое шелковое знамя с семью яркими лентами. Знамя Аля Мартыновна шила, чувствуя себя уже довольно скверно.

На 8-е Марта был намечен в клубе «Чай для мам». Однако пришлось его отменить. Аля Мартыновна умерла.

Прошел год. Сын окончил университет, поступил на работу, стал Валентином Николаевичем, а в «Радуге» его по-прежнему называли Валиком. Он стал председателем клуба. Здесь появился родительский комитет. Память об Але Мартыновне продолжала согревать и сплачивать радужан. Совет клуба поручил бригадам малышей шефство над деревьями, которые она сама посадила во дворе. В память о ней установили раз в месяц Трудовое воскресенье.

Заведенная Валиком еще при жизни Али Мартыновны «Летопись «Радуги» продолжала пополняться новыми записями. Теперь это уж были три толстые тетради, исписанные решительным юношеским почерком, три тетради, рассказывающие о педагогических исканиях, находках, промахах, сомнениях, а в общем, о том, как, оказывается, можно интересно и дружно жить детворе в большом, густонаселенном доме.

Например, у всех день рождения — семейное событие, а тут событие для всего дома, для всей «Радуги». Все поздравляют именинника, стараются сделать ему что-то приятное, пусть даже такое простенькое, как открытка с коллективным приветствием. А то вдруг испекут настоящий именинный яблочный пирог. Его пекут секретно по поручению совета. На нем изображают эмблему «Радуги». Его вручают торжественно на общем собрании клуба.

«Летопись» рассказывает о «Трех Днях Самостоятельности», в течение которых взрослые полностью устранялись от руководства клубом. Благополучно? Благополучно. Ни одного инцидента. Или еще «День Вежливости» с назначением по этому поводу Патруля Вежливости (на груди — голубые банты!), который имеет право: а) сделать незаметное замечание, б) сделать громкое строгое замечание, в) заставить извиниться.

А ЧУКи — Чеховские уроки культуры! На этих уроках объясняется, почему неприлично лезть к человеку с вопросами, если он плачет, или заглядывать в чужие окна. Это ЧУК о тактичности. Но есть и другие: о форме обращения со старшими, о том, как принять гостя, о том, как чтить память великих и дорогих людей.

Есть в «Летописи» немало раздумчивых строк: «Убеждаюсь, что в поведении ребят много мелочей, мимо которых проходить ни в коем случае нельзя»; «От плюсов надо отказаться. Благородство нельзя оскорблять учетом»; «Сегодня тяжелый день. Непонятно, почему ушла от нас член клуба М.»

И так каждый раз: после работы Валик спешит в клуб, к детворе, а поздно вечером — страницы «Летописи», вместо того чтоб, подобно многим сверстникам, приодеться, пойти куда-нибудь, развлечься. Что это, внимание к делу матери? Чувство комсомольского долга или просто любовь к этому самому милому на свете обществу, состоящему из распахнутых ресниц, белозубых улыбок и острых язычков?..

...Собрание ведет Эля Мартиросова, председатель совета «Радуги», — смуглая девочка с короткими косичками и строгим выражением лица:

— Коля Зуев, на «середину»! Почему ты не был вчера на торжественной линейке?

— Мама не пустила.

— Интересно, за что же?

— Да так...

Коля улыбается. На лице блуждает тень каких-то воспоминаний.

— Во-первых, не улыбайся, ты на «середине».

С места:

— И как ты стоишь? Опусти руки! Ты что, балерина?

Следует путаный рассказ о яме, разодранных штанах и маминой трепке.

— Ясно. Но почему ты без значка?

Зуев шарит в карманах. Уши у него краснеют:

— Я прямо со двора прибежал, как услышал горн. Боялся опоздать...

— Не имеет значения. Ты забыл о значке. А вчера из-за плохого поведения не был отпущен на линейку. Какой же ты член клуба? Вернешь завтра значок. На месяц лишаешься звания радужанина. Все согласны?

— Все!

— Друзья, — продолжает Эля, — все участники хорошо исполняют танец «Лотос», но размеры сцены вынуждают кого-то одного из танцующих отстранить. Думали поставить этот вопрос на собрании, а вчера подошла Рая Каспарова и сказала, что из танца выйдет она. Совет отмечает хороший поступок Раи. Рая, встань.

И «Радуга» аплодирует.

— Теперь об Ире Кафаровой. Она не подчинилась старшей по клубу и сказала ей: «Моя мама работает в родительском комитете, а твоя — нет».

Все взрываются:

— Скажите, пожалуйста, при чем тут мама? Может быть, побежишь и скажешь: «Мама, не работай в комитете, меня в клубе обижают»? Побежишь, да? Скажешь, да?

— Ну, не скажу...

— Посмотрите, она нас утешает!.. Она не скажет маме. Она думает, мы боимся...

Ира молчит.

Валик сидит, не вмешивается. Коллектив работает, как хорошо слаженный оркестр.

Внезапно все общество поворачивается к двери. В дверях тоненькая девочка с мальчишеской стрижкой — Мила Георгиевская. Кто же не знает Милу Георгиевскую и того, что с ней случилось?! Член совета Мила Георгиевская в дни «Жесткого курса», во время которого соблюдались всякие строгости, сама же совершила какой-то проступок. Проступок, правда, незначительный, но ей поставили минус.

— Пожалуйста, хоть два! — ответила она в запальчивости.

— Тебе безразлично?

— Хоть десять!!

Ей поставили десять минусов и объявили, что она будет исключена из «Радуги» за пренебрежение к минусам, если не извинится.

Мила не извинилась и ушла.

Прошел целый месяц, и вот она явилась, встала на «середину», держится непринужденно. Может быть, старается скрыть волнение, а скорее всего уверена в симпатиях радужан.

— Почему же ты не извинилась тогда?

— Я хотела попробовать, смогу ли я без клуба...

Фраза явно рассчитана на смягчение сердец. Увы...

— Попробовать? — доносится удивленный возглас.

Кто-то возмущается:

— Мила решила поставить опыт! Она профессор! А почему ты избрала для этого самое трудное время, время «Жесткого курса»? Ты думала о себе, а о клубе подумала?

— И как твой опыт?

— Без клуба я не могу...

— А я считаю — безобразие, — поднимается со скамейки комсомолка Нели Кошечкина. — Мила уже не маленькая и не первый месяц у нас. Не пускать ее обратно — и все.

Мила стоит, низко опустив голову. В наступившей тишине очень спокойно и холодно звучит голос знаменосца «Радуги» Нади Беляевой:

— Легко ты ушла, Мила, и так же легко хочешь вернуться? Не годится это...

Снова наступает молчание. Все же Милу жалко. Как же, право, решить?

Тогда поднимает руку Саша Оськин:

— Давайте примем ее не в члены клуба, а совсем сначала, как будто она новичок. Пусть будет ей стыдно. Ведь членом совета была...

Большинству это приходится по душе. После бурного голосования Милу Георгиевскую принимают в новички. Кажется, она счастлива. Лишь бы не отвернулись совсем.

Собрание продолжается. Кипят страсти. Горят все цвета «Радуги»...

Баку, поселок Монтино.

Великая сила — наша общественность

ОТКРЫТЫХ СЕРДЕЦ

Ребята ликуют...

БАКУ

Об Англии мне очень хотелось написать баллады. Наверное, это желание естественно: первый неискушенный взгляд на эту страну, встречающую тебя торжественностью традиций, рождает стремление писать о ней в каких-то канонических формах. Потом я узнала Англию ближе и, конечно, обнаружила, что патриархальность зачастую — просто одежда современности. Но желание писать баллады не ушло. И если жизнь разрушила строгость балладной формы, то это потому, что жизнь разрушила и мое первое впечатление о стране. Так случается всегда, и ничего уж тут не поделаешь.

Баллада о невозмутимости

Похоже было, что к полудню над лондонским асфальтом уже не осталось кислорода. Спасаясь от плававших вокруг раскаленных выхлопных газов, я сбежала на лужайку одного из многочисленных городских парков.

Там на берегу озерка два старика в котелках крутили катушки воздушных змеев. Один из змеев щеголевато лез вверх, другой беспомощно карабкался по невидимым ступенькам.

— Сегодня никчемный ветер,— морщился его неудачливый обладатель.

— Особенно, если бедняге-ветру приходится возиться с никчемным змеем,— счастливо иронизировал второй джентльмен.

И тогда мне казалось, что они оба, как и озеро и дерево над ним, простояли тут века, олицетворяя «старую, добрую Англию», и что никогда в этом небе не метались немецкие «хейнкели», бомбившие Лондон.

Мне вспомнилась ночная Трафальгарская площадь. Подсвеченные снизу белые балконы окружающих зданий голубели, как сгустки лунного света. Вокруг колонны-монумента Нельсону били фонтаны. Сама колонна была темна, и лишь фигура флотоводца, освещенная на фоне синего неба и нечетких облаков, парила над городом. Нельсон плыл в этом вечном и неотъемлемом от него море. И тут все казалось неизменным в своем спокойствии. И только сила памяти могла заново заполнить эту площадь толпами. Да, 100 тысяч человек недавно шумели на Трафальгар-сквере, протестуя против атомного вооружения Англии!

Иногда вечерами я заходила в маленькие кабачки — «пабы», разбросанные тут и там, особенно многолюдные по субботам. Среди них были такие, что простояли по 600—700 лет, и свисающая в углах столетняя паутина охранялась как незыблемость истории и английского равновесия духа.

Там, взяв кружку пива, сидели старушки в седых буклях, с болонками на руках и юноши в «умеренных» пиджаках, обсуждая подробности недавней свадьбы принцессы Маргарэт, сестры королевы, с неким фотографом и мотивы развода знаменитых артистов Лоуренса Оливье и Вивиан Ли. Сидели, чтобы точно в 11 часов, когда закрываются в Лондоне все пивные и рестораны, подняться и благопристойно пойти домой.

Впрочем, я нигде не встречала пресловутой книжной «английской чопорности»: британцы были доброжелательны и дружелюбны, чувство юмора не покидало их. Но порой Англия казалась мне похожей на невозмутимого гвардейца в красном старомодном мундире и огромной медвежьей шапке, несущего караул у Букингэмского дворца или у входа в старинное обиталище королей — Тауэр. Мне рассказывали, что гвардейцев специально «тренируют» на «невозмутимость», чтобы на посту они не утратили невозмутимого выражения лица, когда дети дергают их за нос, тянут за мундир и т. д. Должна признаться, что, заинтригованная их неизменным спокойствием, я тоже потрогала шапку у одного из гвардейцев, на что он, легко улыбнувшись, сдержанно пояснил:

— Мадам, это не нейлон!

Я думала обо всем этом, сидя на парковой скамейке. И вдруг услышала непривычно громкий для англичанина голос, произносивший:

— Перед администрацией я не спасую, но ты же знаешь мою старуху: она уже неделю пилит меня, что за дом не выплачено шестьдесят процентов взносов! Женщины — это женщины!..

Я оглянулась: возле скамьи стояли двое мужчин, по виду рабочие. Говорил немолодой человек в полосатом потертом пиджаке. Я не могла не улыбнуться, услышав это извечное международное недовольство женской натурой. Собеседники заметили мою реакцию, и тогда второй, помоложе, кивнул на старика:

— Не думайте, мэм, что Фултон так уж презирает женщин. Это маневр.

Так мы познакомились. Мои новые знакомые назвали себя: Фултон работал на заводе электрооборудования Хуверса. Сегодня он «бездельничал»: с прошлой недели две с половиной тысячи рабочих этого предприятия бастовали, протестуя против угрозы увольнения 800 их товарищей, и сегодня на массовом митинге решили продолжать забастовку, пока не будут удовлетворены их требования. Мой молодой собеседник Джеймс Глин был деятелем профсоюза железнодорожников.

Я тоже представилась.

— В Англии сейчас хлопотно, мэм,— сказал Глин,— впрочем, журналисты это любят... Портовики Саутгемптона бастуют, ливерпульские докеры — тоже. А как иначе? За сверхурочные платят ерунду, да и рабочую неделю не сокращают, чтобы сверхурочных было еще меньше.

— Старуха моя, может, и права: крутись тут...— уже примирительно добавил Фултон.— А они, профсоюзники,— он показал глазами на молодого,— дня спокойно не сидят.

Это упоминание о деятельности Глина сразу разбудило в нем ораторскую энергию, и, конечно, наш разговор перешел на проходящие в последнее время конференции профсоюзов.

Кооператоры, машиностроители, работники торговой сети и другие от имени миллионов рабочих требовали смены руководства лейбористской партии, поддерживающего атомное вооружение Англии. Одновременно с этим Гейтскеллу, лидеру правых лейбористов, было предъявлено обвинение в отказе от требований национализации промышленности.

Группа лейбористской партии «За победу социализма» и «Движение за ядерное разоружение» с каждым днем приобретают все новые отряды сторонников. И специалисты считали, что на осенней конференции лейбористской партии Гейтскеллу не удастся сохранить большинство голосов.

— В общем,— резюмировал Джеймс Глин,— сейчас из-за вопроса о национализации промышленности (мы это называем — 4-й пункт устава) и особенно об одностороннем разоружении, которого мы требуем, вся Англия ходуном ходит.

— А, мэм,— усмехнулся Фултон,— англичане — вообще мастера побунтовать. Чуть что — митинги, забастовки, требования... Такая нация.

Лукаво покосившись на меня, Глин повторил снова:

— Ничего, журналисты это любят.

Баллада об экспонатах

В залах Британского музея, где на фризах греческого Парфенона несется через века неутомимая конница, а служители по-хозяйски моют нейлоновыми губками безучастных ко всему ассирийских богов, собрана и классифицирована история, точно она, история, сложила к ногам Британии все свои деяния.

Там, в узком коридоре, стоят, как воинский взвод, бюсты писателей и философов. И кажется, что по утрам их вызывают на перекличку:

— Гомер!

— Здесь!

— Сократ!

— Здесь!

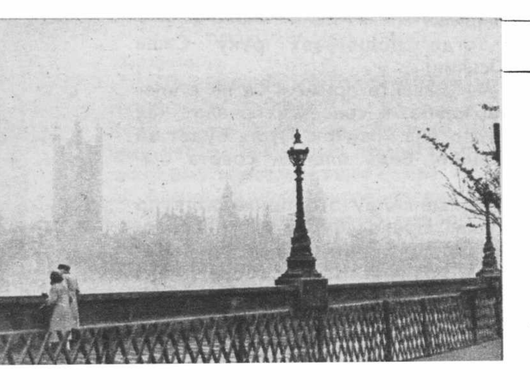
Они стоят — каменные и оттого послушные,— духовные вершины чужой истории, ограбленной Британией.

Но «история» вышла из повиновения. Потому английский министр колоний Маклеод произносит сегодня пространные речи о том, что Великобритания-де «добровольно» предоставила независимость Гане, совсем недавно — Сомали и готова думать, как пойдут к независимости другие колонии.

О, какая трогательная гармония возникла в отношениях стран Британского содружества наций! Недаром Маклеод в Палате общин, когда ему задают вопросы, скажем, о терроре в Кении и об африканцах, которых держат в тюрьмах без суда и следствия, говорит об этом нехотя и скороговоркой. Да, вы услышите в официальной Англии сегодня: «Кровопролития в колониях? Да что вы! Это инцидент. Жестокость? Она давно погребена в каменном мешке Тауэра, где старые английские короли пытали и казнили своих противников».

Ограждая себя от неприятных сравнений с современностью, экскурсоводы Тауэра рассказывают американским туристкам, бряцающим связками браслетов, и туристам, размахивающим походными радиоприемниками, пикантные истории из жизни бывших правителей Британии.

Но там, в Тауэре, мне бросилось в глаза другое: у макета машины древних пыток, где был распростерт глиняный человек, стоял живой негритянский юноша, зябко поводя плечами в сырой прохладе башни. Он смотрел, не отрываясь, на глиняного человечка, и мне показалось, что его знобит не от сырости, а от каких-то своих воспоминаний, что, может быть, он видел не глиняную куклу, а своего брата или отца, которого

Над Темзой в тумане встает здание парламента.

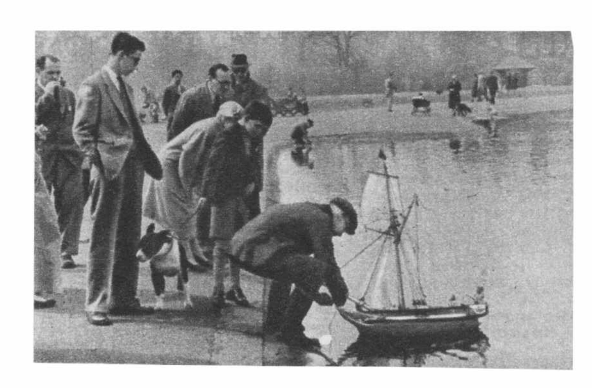
ЛОНДОН

АНГЛИЙ... БАЛ...

Галина ШЕРГОВА, специальный корреспондент «Огонька»

Фото Дм. Бальтерманца.

СКИЕ
ЛАДЫ

Если не воздушный змей, то кораблики здесь — развлечение для любого возраста.

Англия бурлит — что поделаешь, «такая нация...»

почти так же пытали в середине XX века где-нибудь в застенках Кении английские колонизаторы.

Юноша не слушал экскурсовода, и тот не смотрел на юношу. Американцы, покинув башню, ленивым табуном потянулись за экскурсоводом во двор, тоже не удостоив негра взглядом. Они шли, бряцая браслетами и размахивая радиоприемниками, из которых вперемежку с джазом вылетали сообщения:

«Англия предоставляет Соединенным Штатам базы на всей британской территории, в частности в Кении и...»

«Общественность протестует против использования Англией и США острова Кипр как базы для водородных бомб...»

Американские туристы не прислушивались к сообщениям: видимо, ничего непривычного не было для них в этом страшном факте — Англия, младший партнер, снова бросает к ногам Штатов жизнь народов, с которыми она связана такими «трогательными узами».

Американцы самоуверенно не вслушивались в объяснения гида, они лениво ходили по дворцу Тауэра, пережевывая «чуэнгем» — жевательную резинку. Они бросали на серо-черные стены Тауэра оценивающие взгляды, точно подсчитывая их стоимость в долларах заодно уже со стоимостью английской независимости.

И ты думал о том, что и впрямь независимость этой некогда могучей державы на твоих глазах тоже превращается в музейный экспонат.

Баллада о террасе парламента

Темза облизывала каменный парапет террасы парламента. Река, столетиями несущая на своей сероватой спине причудливые грузы всех континентов и такой же разноликий груз истории, забрасывала на просторную и чинную веранду голоса города. И казалось, что парламент, вперивший в небо острые готические шпили, был похож на орган и что он сам исторгает эти звуки города и реки.

Я стояла у парапета и, глядя на воду, перебирала в памяти лондонские ощущения. Я вспомнила один из эпизодов моего вчерашнего обхода лондонских достопримечательностей.

Ввинченная штопором узкой лестницы в самую преисподнюю Тауэра, я спустилась в подземелье. Здесь сбоку был расположен круглый колодец, куда раньше сбрасывались жертвы — люди, неугодные властвующему королю. Точно решив навсегда покончить с подобным варварством, администрация Тауэра вывесила над колодцем табличку: «Посетителей просят ничего в колодец не бросать!» Таким образом, можно было быть спокойным: сегодняшним политическим деятелям Англии не грозило это страшное проявление гнева противников. Сегодня политические битвы шли иначе.

Ну, конечно! Именно сегодняшние парламентские дебаты, происходившие перед тем, как мы вышли на террасу, и заставили меня вспомнить об этой табличке в Тауэре.

...Надо сказать, что выпить чашку чая на террасе парламента стремятся многие лондонские дамы. Дело в том, что раньше для приобщения к «свету» английская девушка должна была побывать на ежегодном балу у королевы. Теперь Елизавета II отменила этот обычай, и посещение парламентской террасы, куда может пригласить только депутат, стало для женщин неофициальным «посвящением». Поскольку Эмриз Хьюз, депутат, один из тех немногих представителей лейбористов, кто действительно старается отстаивать права рабочих, пригласил меня в это святилище, я могла считать себя вошедшей в «общество».

Впрочем, я не была одинокой «счастливицей». В этот день в Лондоне проходила ежегодная конференция женщин — членов консервативной партии. И многие участницы конференции, изловив своего депутата, хлынули на террасу. Это было довольно забавное зрелище: во главе каждого стола сидел парламентарий, а дамские стайки щебетали вокруг него.

Мы сидели втроем: Хьюз, старый английский журналист коммунист Эндрью Ротштейн и я. За соседним с нами столом восседал некий консерватор-парламентарий в цветном женском окружении. Величавый и неподвижный, депутат напоминал мне лондонский собор святого Павла. Это некогда чинно-белоснежное здание стоит теперь в черных подпалинах лондонского «смока» — гари, пытаясь возвышаться над зажавшими его домами Сити и напирающими сзади лавками, торгующими бюстгальтерами и многоярусными нижними юбками.

Сдерживая женский натиск, наш сосед-консерватор, тоже пытаясь не растерять респектабельности, изрекал:

— Я порицаю позицию Хрущева: он слишком резок, это противоречит дипломатии.

Слова долетали до нас, поскольку столы стояли почти рядом, и Хьюз засмеялся:

— Я сказал им еще в палате: Черчилль был много грубее, когда призывал к интервенции против молодой Советской России, но тогда их это не шокировало.

Одна из дам за соседним столиком энергично кивнула своему депутату, отчего ее шляпка, напоминающая клубок паутины, нервно задергалась.

— О, да! С этим русским нужна твердая позиция. Даже лейбористы признают это! (Видимо, имелось в виду заявление главы правых лейбористов Гейтскелла, который, желая перещеголять консерваторов, кричал накануне: «Больше, чем когда-либо, мы нуждаемся в укреплении НАТО!»)

Дама продолжала:

— Это нужно объяснять народу. И в парламенте нужно пресекать всякие проявления шаткости.

О почтенная и решительная леди! Как, видимо, хотелось бы вам, чтобы возродились времена, запечатленные на громоздком полотне, украшающем одну из комнат парламента: Карл II пришел в парламент, чтобы арестовать пятерых депутатов, высказавших неугодные ему мысли!

Но ныне короли не входят в палату с репрессивными целями и стулья депутатов декорированы изображением золотой решетки, символизирующей независимость парламента.

Да, теперь политических противников не сбрасывают в колодец. Теперь правительственная линия проводится проще.

Я снова заговорила с Хьюзом. Его рассказ был органическим продолжением этой темы.

Во время дебатов на внешнеполитические темы консерваторы и правые лейбористы — сторонники Гейтскелла имели полную возможность выразить свои чувства. Что же касается их противников, речи тех не прозвучали вовсе. И не потому, что никто не хотел выступить. Дело было иначе: спикер, предоставляющий слово, просто «не замечал» неугодных ораторов. Кончилось это тем, что оппозиция во главе с Эмризом Хьюзом вынесла официальное порицание спикеру — случай в парламентской практике беспрецедентный. Тем не менее парламент так и не услышал мнения народа.

Не знаю, что чувствовал при этом спикер, но, видимо, на этот раз английские традиции обрели конкретный, вполне современный смысл. Дело в том, что должность спикера считается очень хлопотливой и во время его избрания всякий раз разыгрывается следующая мистерия: спикера волокут под руки два депутата, а тот изо всех сил упирается.

Если у нынешнего спикера совесть не уснула, полагаю, он жалел, что упирался в свое время не очень активно. Ведь нельзя не чувствовать угрызений совести, зная, что ты лишил слова миллионы рабочих людей, студентов, которые думают иначе, чем приверженцы НАТО.

«Собор святого Павла» за соседним столом, видимо, был из тех, кто имел возможность выступить в парламенте, ибо спич, который он произнес сейчас перед дамами, был явно «оснащен материалами»:

— Да, необходимость укрепления нашей военной мощи налицо. Я тоже возмущен теми, кто кричит, что мы за последние пятнадцать лет изъяли из национального бюджета двадцать пять миллиардов фунтов на оборону. Мы должны это делать и впредь. Мои друзья говорили с Уоткинсоном (министр обороны Англии.— **Г. Ш.**) Он заверил, что в ближайшее же время будет увеличена наша армия, ибо сейчас она необходима больше, чем когда-либо в истории.

«Да, в то время, когда Советский Союз сокращает свои вооруженные силы,— подумала я,— эта акция мистера Уоткинсона как нельзя более свидетельствует о его миролюбии!»

— Министр говорил,— продолжал парламентарий,— что сейчас будут брошены новые средства на производство ракет «Скайболт» и позднее — «Поларис».— Парламентарий изрекал это внушительно, гордый делами министра.

И, надо сказать, Уоткинсон оправдал его расположение: вскоре стало известно о посещении министром Штатов, где он в поте лица трудился над координацией военных усилий США и Англии.

Дамы одобрительно защебетали. Вдруг, взглянув на часы, депутат пробормотал извинения и поднялся. Стул его пронзительно скрипнул на каменном полу.

И на этот раз мне показалось, что каменный орган-парламент исторг тревожный звук падающей бомбы.

Но через минуту меня снова окружили голоса города и реки — немолчный хор голосов труда и дневных забот, в котором я различала и дружеские приветствия и который унесла с собой, прощаясь с Англией.

РАСШИФРОВАН ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

В Центральном архиве Военно-Морского Флота в Ленинграде хранится интересный документ — зашифрованная радиограмма. В течение 40 лет все попытки расшифровать ее оказывались безуспешными. А между тем как важно было выяснить, что скрыто за этими колонками цифр! Ведь, судя по адресу и пометкам, документ относится к одному из наименее изученных периодов истории Черноморского флота — к лету 1918 года.

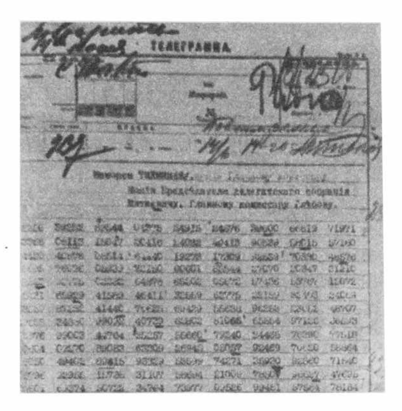
Известно, что в июне 1918 года черноморские моряки затопили свои корабли в Новороссийске, чтобы флот не достался врагу — германским империалистам. Но кто отдал последнее, решающее распоряжение об уничтожении флота, до сих пор оставалось неясным.

Недавно сотрудники архива с помощью моряков-специалистов снова попробовали разобрать шифр. Задача оказалась нелегкой. Но вот был найден ключ. Таинственные колонки цифр постепенно «ожили», «заговорили» и сразу привлекли к себе пристальное внимание. Энергичная сжатость формулировок, непреклонная воля, революционная страстность, звучащая почти в каждой фразе, невольно заставили затаить дыхание. С надеждой и волнением, буква за буквой расшифровывались подписи: «Председатель ЦИК Свердлов, председатель Совнаркома Ленин». Наконец-то полностью расшифровано распоряжение Советского правительства об уничтожении судов, посланное 13 июня командованию Черноморским флотом.

«Вести свою особую политику против воли Центрального Исполнительного Комитета флот не имеет права. Флот в Новороссийске отстоять себя не может,— читаем мы в этом историческом документе.— Следовательно, из положения есть только два выхода: либо уничтожить флот, либо перевести его в Севастополь. Агитаторы, которые при этих условиях говорят о боевых действиях флота,— либо безумцы, либо провокаторы. Немецкие военные власти хотят вызвать флот на какую-либо авантюру, чтобы занять Новороссийск, как они заняли Севастополь. Тогда они овладеют флотом по праву войны и будут употреблять его против нас и против союзников *.

Ответственность за это падет на головы безумцев и преступников, не считающихся с общим положением страны и ее военных сил.

Подтверждаем приказ: немедленно уничтожить суда. В противном случае флот будет объявлен вне закона. Требуем своевременного уничтожения всех секретных телеграмм и инструкций матросами, дабы не достались немцам...» **.

ТЕЛЕГРАММА

Так выглядит зашифрованная телеграмма, подписанная В. И. Лениным и Я. М. Свердловым.

Так ленинская воля преодолела растерянность, царившую среди моряков в Новороссийске, разоблачила враждебную агитацию украинских националистов, анархистов и контрреволюционных офицеров, которые уговаривали матросов не топить корабли. Моряки выполнили приказ В. И. Ленина. 10 взорванных кораблей, в том числе и линкор «Свободная Россия», легли на дно Черного моря. Впоследствии, в двадцатых годах, некоторые из этих боевых судов были подняты и вошли в состав Советского Военно-Морского Флота.

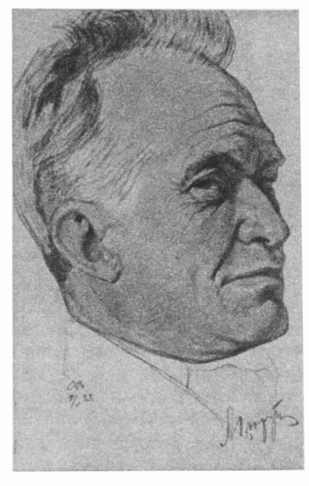
Обнаруженная радиограмма вместе с другими расшифрованными документами имеет огромное значение для воссоздания подлинной картины одного из самых драматических событий гражданской войны.

Н. ЮРКОВСКИЙ,
научный сотрудник Центрального архива Военно-Морского Флота
Ленинград.

* Имеются в виду страны Антанты.

** ЦГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 147, л. 25. «Исторический архив», 1960 г., № 2, стр. 39—40.

ПАМЯТИ ЦЮРУПЫ

Портрет Александра Дмитриевича Цюрупы работы художника - скульптора Н. А. Андреева.

Исполнилось 90 лет со дня рождения Александра Дмитриевича Цюрупы, верного соратника В. И. Ленина. Член РСДРП с 1898 года, Александр Дмитриевич в годы царизма вел активную подпольную работу, подвергался арестам, был в ссылке. В трудный период гражданской войны и разрухи он возглавлял Народный комиссариат продовольствия. Затем А. Д. Цюрупа работал заместителем председателя Совета Народных Комиссаров и Совета Труда и Обороны, председателем Госплана СССР. Цюрупа неоднократно избирался членом ЦК Коммунистической партии.

В мае 1928 года, вскоре после смерти Александра Дмитриевича, один из старейших большевиков, Г. М. Кржижановский, посвятил его памяти стихотворение. Здесь мы печатаем отрывок:

Вихрь революции играет
нещадно судьбами людей,
сегодня — властью
возвышает,
а завтра — в царство шлет
теней.

Когда поток несется бурный,
с высоких низвергаясь гор,
он в лоне вод своих
лазурных
влачит и муть, и грязь, и
сор...

И наше счастье, что в те
годы
свершала партия отбор
вождей великого народа,
отбросив вредоносный сор.

И среди них Цюрупы имя
не позабудет наш народ.
Гордится мир людьми
такими
и их наследием живет.

Они сражались во Франции

Вскоре после войны я приехал в краткосрочный отпуск в Запорожье, город своей юности. Встретил там старого друга Анатолия Бондалетова.

Крепко обнялись мы после долгой разлуки.

Анатолий рассказал мне, как сражался в партизанском отряде во Франции вместе с другими советскими патриотами, дал адреса некоторых своих соратников. Я завязал с ними переписку, начал получать интересные документы.

Бывший партизан, ныне главный агроном колхоза «Украина», Бердянского района, П. Е. Лущик, который шестнадцати лет был насильно вывезен в Германию, помог разыскать кавалера ордена «Отечественной войны» М. И. Новикова, участника партизанского движения на севере Франции. Когда Новиков был ранен, его укрыла семья шахтера Войтас из города Ниаель-су-Ланс. В этой семье он нашел свое счастье. Сейчас Михаил Новиков живет в Смоленской области вместе с женой — француженкой Альфредой Войтас. У Михаила и Альфреды трое детей.

В Смоленске удалось разыскать бывшую связную французского партизанского отряда Галю Томченко. Она работает кондуктором.

Из Винницкой области я получил письма от помощника бригадира П. Григоренко, бухгалтера Г. Карасюка, шофера-механика Н. Выгривача, с севера, из Воркуты,— от строителя Дмитрия Авдеенко. Все они, бывшие партизаны, с любовью и уважением рассказывали о нашем офицере Василии Борике, который в концлагере возле города Бомона руководил подпольной группой «Советский патриот».

Справка из личного дела, которую мне прислали из Управления кадров Советской Армии, открытка, изданная во Франции в 1944 году, помогли установить личность героя. Настоящая его фамилия Порик. Бежав из плена и сражаясь в рядах французских партизан, он геройски погиб.

Боевая характеристика Павла Лущика, подписанная командиром партизанского отряда в Дуллане.

Память В. Порика увековечена во французском городе Аррасе. На стене крепости 220 мемориальных досок в честь героев движения Сопротивления. Там имена Василия Борика и красноармейца В. Доценко.

Продолжая розыски, я встретился в Ленинграде с доцентом политехнического института Константином Константиновичем Хазановичем. На юге Франции он командовал интернациональной ротой в партизанском отряде Алляр.

Недавно ленинградцы, сражавшиеся в рядах Сопротивления, встретились с командиром одного из партизанских отрядов во Франции Даниилом Ильичом Маркеловым.

Сейчас Д. И. Маркелов — токарь по дереву, работает в Керчи.

Пишет мне и механик РТС Алексей Кондратенко. Он сражался в маки.

Надеюсь, что мне удастся разыскать и членов комитета подпольной организации «Советский патриот»: Шурыгина, Степана Кондратюка.

Подполковник **С. ГЛАДКИЙ**

ВЕСЕЛЫЕ ИГРУШКИ

Юрий Ивойлов, Станислав Крылов и Вадим Сигачев в часы досуга мастерят из кусочков дерева забавные игрушки. Невозможно удержаться от улыбки, глядя на созданных тремя молодыми москвичами цветных зверюшек. Столько в них необычности, яркости, доброго юмора!

Вот тянет полосатую шею жираф. Он повстречался с зеброй. Посмотрите, какие выразительные у них мордочки! Жираф явно удивлен:

— Как? Ты такая же полосатая? Но почему тогда у тебя короткая шея?

А вот цапля. Целый день стоит она на одной ноге. Вид у цапли важный, задумчивый. Даже боязно ее беспокоить: а вдруг рассердится?

Каких только встреч не бывает в жизни! Девочка и мальчик, сделанные из кусочков липы, отправились гулять. Но кто это прилетел к ним? Судя по всему, птица, только очень уж необычная.

— Добрый день,— говорит ей девочка.— Сегодня хорошая погода, не правда ли? А как вас зовут? Давайте познакомимся.

Мальчик же, хоть и деревянный, перенял все повадки буйного мальчишечьего племени.

— Птицу надо поймать,— решил он. Обошел ее сзади и крадется. Ох, и трудно схватить птицу игрушечными руками!

Посмотрите теперь на верблюда. Он кокетливо опустил ресницы. Еще бы! Такой бархатистой желтой шерсти, как у него, позавидует любой живой верблюд!

Кокетничают и собачки. Синяя мама вывела гулять своего красного сына. Как все матери, она очень гордится им:

— Он у меня самый умный, самый яркий! И очень похож на меня. Вот там — в глазу. Разве не замечаете? Там мои цвета!

Оказывается, куклам свойственны многие человеческие черты. Этому деревянному мальчишке деревянный папа купил новый деревянный велосипед. Папу еще не смастерили: не хватило липы,— а сын уже важничает:

— А я катаюсь на велосипеде! А у вас нового велосипеда нет!

Вот и результат: у девочки обиженные глаза — проказник ее сбил.

— Как не стыдно! Нельзя зазнаваться! — говорит она. Может быть, девочка даже пойдет ябедничать. Вдруг она тоже как настоящая?

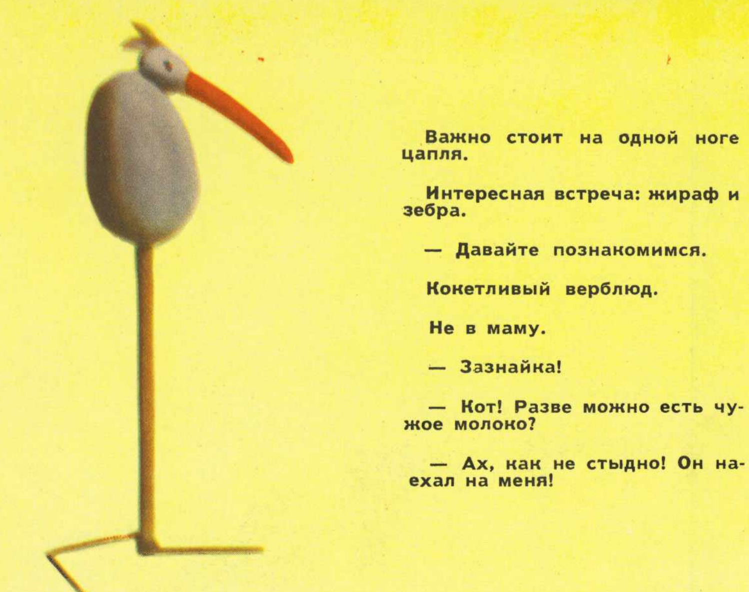
И последняя сценка.

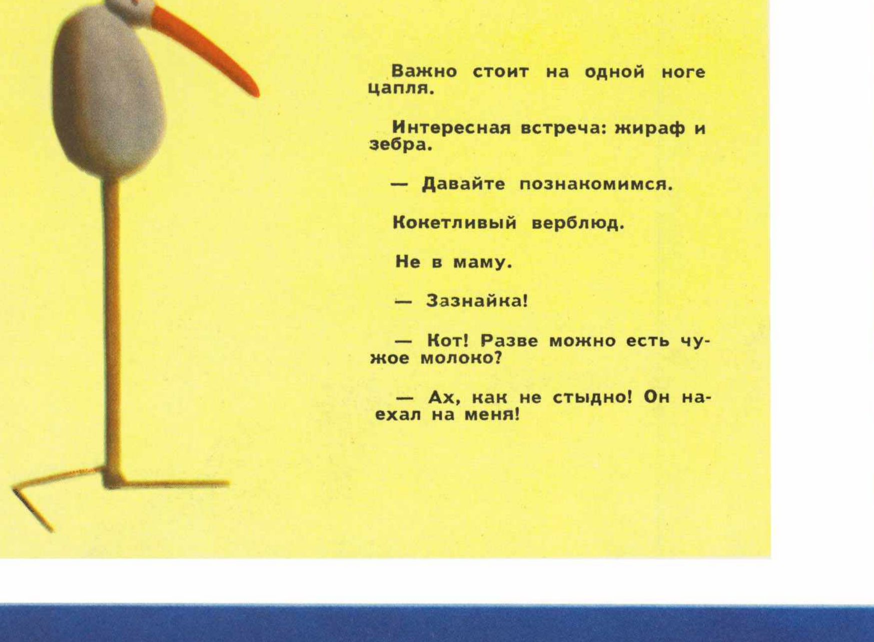
Маленькая молочница ругает игрушечного кота, слизавшего игрушечное молоко. Коту стыдно, но что он может поделать? Молоко уже выпито, и к тому же, где вы видали в жизни кота, который бы не тронул молока?

Целый веселый игрушечный мир создали молодые умельцы. По профессии двое из них — инженеры, один — архитектор. Объединяет же всех троих — любовь к детям. Много радости доставили бы их веселые игрушки нашим ребятишкам. Доставили бы... если бы изготовляли их не только трое молодых энтузиастов. Может быть, людям, ведающим производством игрушек, стоит задуматься об этом?

Е. КОРШУНОВ

ВЕСЕЛЫЕ ИГРУШКИ

Важно стоит на одной ноге цапля.

Интересная встреча: жираф и зебра.

— Давайте познакомимся.

Кокетливый верблюд.

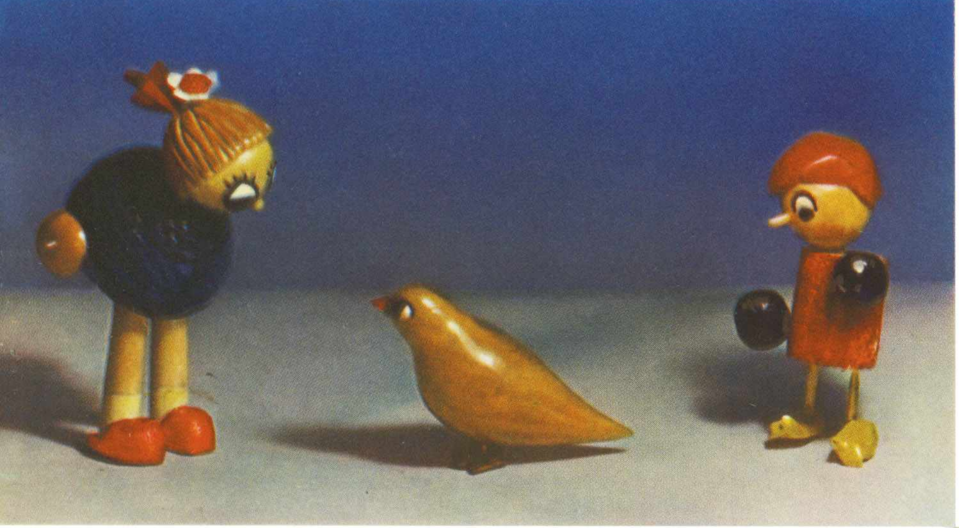
Не в маму.

— Зазнайка!

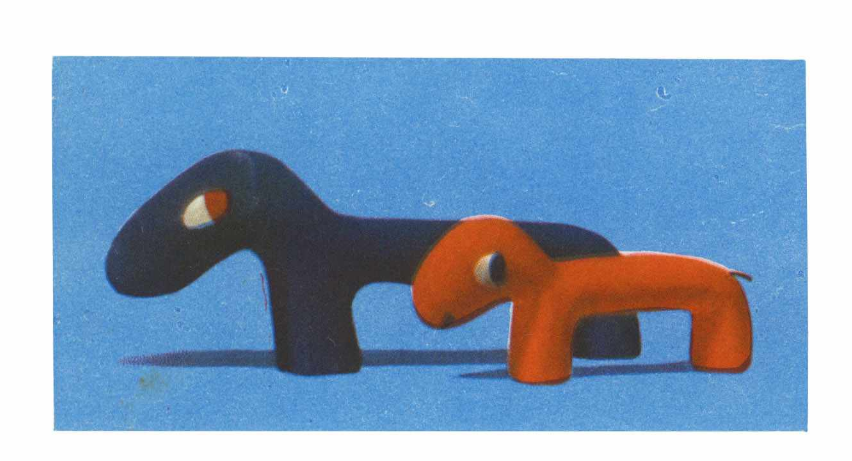
— Кот! Разве можно есть чужое молоко?

— Ах, как не стыдно! Он наехал на меня!

Двое в дороге

Короткие рассказы

Михаил **КОРШУНОВ**

Рисунки В. **ВЫСОЦКОГО.**

Мы упрямые

1

Я понял, что сюда нельзя было ехать на машине. Кир тоже понял. Я видел это по его напряженному лицу. Не в первый раз он отправлялся со мной и уже хорошо знал, что такое автомобиль и дорога.

Песок. Он начался, как только свернули с большака в лес. Вначале несильный, терпимый. Я думал, что вот-вот кончится. Но это «вот-вот» тянулось второй час. Никаких дорожных знаков. Кое-где на деревьях сделаны зарубки и краской помечены километры.

Я ехал обследовать район падения метеорита. Надо было нанести на карту, оконтурить.

Кир поглядывал на приборы: температура воды, давление масла, амперметр.

По обе стороны дороги стоял лес. Где-то должны быть болота. За время пути нам никто не повстречался — ни пеший, ни конный, ни на автомобиле.

Тишина. Безлюдье. Только шелест песка под колесами. Ехать сюда на машине нельзя было. Мы серьезно рисковали.

— Девяносто пять,— сказал Кир.

Я тоже видел, что температура воды уже девяносто пять. Надо делать передышку. Подыскал поляну и вырулил на нее. Заглушил мотор.

На поляне росли высокие белые цветы. Они согнулись под машиной тугой волной.

— Умоемся? — спросил Кир.

— Умоемся.

Он достал с заднего сиденья большую резиновую грелку, полотенце и мыло. В грелке мы возили воду. Это удобнее, чем в металлическом баке: вода не плескалась и можно держать где угодно, хоть на сиденье.

Кир открутил грелку и начал сливать мне. Я умылся. Сразу стало легче. Потом я слил ему.

Кир убрал мыло и полотенце. Грелку положил на переднее крыло: она ему еще пригодится. Над мотором дрожал горячий воздух, как над плитой.

Я разложил на земле карту. Хотел проверить, сколько осталось до Лисьего носа, где упал метеорит.

Кир вытащил из-под сиденья мои кожаные перчатки, надел их. Они были ему очень велики. Его тонкие руки с перчатками напоминали веточки, на концах которых висели кленовые листья.

Кир взобрался на буфер и начал прокачивать в моторе масляный фильтр. Проверил натяжение ремня вентилятора, смахнул пыль с бензонасоса. Поглядел, не подтекает ли. Осторожно, чтобы не обжечь лицо паром, открутил пробку радиатора. Долил из грелки воды.

Я наблюдал за ним. Мне нравилось, что он так много уже знал и умел.

Кир спрыгнул с буфера, снял перчатки, убрал грелку и подошел ко мне.

— А мы не сбились с пути, папа?

— Нет. Все в порядке. Вот видишь, последняя развилка и хутор Ерик. Теперь должны быть часовня и хутор Медвежки. Потом Шарапова охота и тогда Лисий нос.

Я подобрал сосновую иголку, измерил ею по масштабу расстояние до Лисьего носа.

— Двести двадцать километров.

— Часов на восемь при такой дороге, да, папа?

— Да. Часов на восемь. Может, и больше.

— А почему на карте обозначены болота, а кругом песок?

— Да, странно. Я тоже думал.

— Интересно, какой упал метеорит: большой или нет?

— Это мы и должны выяснить.

— А вдруг такой, как «Богуславка» или «Греск»?

— Вряд ли. Большие кристаллы, монолиты,— редкость.

— Ну и что же! Ты сам говорил, никто не думал, что Сихотэ-Алиньский окажется таким огромным.

— Да, никто не думал. Ну, поехали.

Женский танцевальный ансамбль «Радуга».

Фото А. НОВИКОВА и Е. УМНОВА.

Я завел мотор и вырулил на дорогу. Волна белых цветов выпрямилась, будто никакой машины никогда и не было на этой поляне.

2

— Страшно, если в песке попадется камень, да, папа?

— Да. Страшно.

Я не хотел об этом говорить, но Кир сам догадался. Камень может повредить снизу мотор. Масло вытечет, и тогда машина мертвая. Буксируй тросом.

Я следил за дорогой. Кир тоже следил. Зарубки на деревьях пропали.

Песок густел. Колея становилась глубже. Скорость я не сбавлял. Останавливаться или сбавлять скорость нельзя: затянет в песок, и не тронешься с места. Машина шла хотя и не быстро, но с предельным напряжением. Ее трясло.

— Уже восемьдесят,— сказал Кир.

Лес сжимал дорогу. Иногда деревья справа и слева сплетали между собой вершины. Шелестел песок. Часовня оказалась у самой дороги.

— И чего метеориты падают в таких неудобных местах? — Кир вздохнул.— Люди раньше их боялись: думали, что плохо, да?

— Думали, что плохо.

— А правда, папа, что на Бородинское поле перед боем упал метеорит?

— Правда.

— А мы все равно Наполеона разбили. Не сразу, но потом.

— Конечно.

— Уже девяносто пять.

Я начал приглядывать, куда выпрыгнуть из колеи, чтобы потом тронуться с места.

Выпрыгнул. Стал. Под машиной опять примялись белые цветы.

— Умоемся?

— Да.

Я расстелил на земле карту. Подобрал сосновую иголку. Промерил расстояние, которое прошли до часовни. Тридцать четыре километра. Немного.

Кира я спросил:

— Ты есть хочешь?

— Нет еще.

— Тогда поедим в Медвежках.

— Хорошо, папа.

Подняли капот. Мотор остывал.

Кир первый услышал шум грузовика. Потом услышал и я.

Мы выбежали на дорогу. Навстречу ехал тяжелый самосвал. Я махнул рукой.

Самосвал остановился прямо в колее. Песок ему не страшен.

— Привет! — сказал шофер.

— Привет! — сказали мы с Киром.

— Туристы?

— Нет. Не туристы.

— А то наша дорога не для туризма.

— Догадаться нетрудно,— сказал я.

— Почему здесь песок? — спросил Кир.

— Привозной. Дорогу укрепили. Осенью поползла: болота.

— Пожалуй, песка пересыпали,— сказал я.

— Есть такое. Но, кроме нас, самосвалов, никто не ездит. А нам ничего.

— Вам ничего, а нам плохо.

— Куда путь держите?

— В Лисий нос.

— Я только вчера оттуда. В Никола-рожок еду.

— Как дальше, пробьемся?

— Трудно вам будет. А на что в Лисий нос?

— Метеорит упал. Исследовать надо.

— Упал, верно. Яму вырыл. Какие-то шарики дети находят.

— Это метеорная пыль,— сказал Кир. Он видел у меня в лаборатории такие шарики окисленного железа.— Пыль сдувает с метеорита во время падения.

— Не так вы к Лисьему носу едете. Надо было с другой стороны. С хутора Жерновец. Паровичок ходит. Узкоколейка. Погрузили бы вас на платформу и до самого Лисьего носа, вокруг болот.

— Не знали мы про узкоколейку. Нет ее на карте.

— Недавно построили.

— Ну, ладно. Ночью я буду с обратным рейсом. Если где застрянете, вытащу. Привет! — Он дал газ.

— Привет! — сказали мы.— Спасибо!

Самосвал уехал.

Мы сели в машину. Я завел мотор и вырулил на дорогу. Белые цветы выпрямились — никакой машины здесь не было.

3

Мы пробиваемся к Лисьему носу.

Песок. Он под капотом, в прокладках стекол, в дверных петлях. Истертые песком баллоны почернели.

Появились болота. Налетели комары. Пришлось закрыть все стекла. Душно. Песок хрустит на зубах, в складках карты, под педалями управления.

Проехали хутор Медвежки. Свернуть к нему не удалось: колея такая глубокая, что теперь не выскочишь. Ее прорыл самосвал, который мы встретили.

Поесть и передохнуть тоже не удалось. И набрать в грелку воды.

Мотор накален. Работает на пределе. Температура воды давно уже девяносто пять.

Я спрашиваю Кира:

— Ты есть не хочешь?

— Нет.

— А пить?

— Нет.

— Устал?

— Нет.

4

В дороге восьмой час.

Духота. Стекла закрыты. По-прежнему комары и песок. Один раз ударил камень. Не сильно. Но мы с Киром все равно глянули в заднее стекло: нет ли на песке пятен масла? Не поврежден ли мотор снизу?

Пятен не было.

Появился запах горячего чайника, запах пара и накипи. Это от радиатора.

Песок слепил глаза. Солнце накалило руль, приборную доску, крышу машины. Хотелось пить. Или хотя бы пополоскать рот, умыться.

Я подумал: Кир еще мальчик, совсем маленький мальчик. Чтобы прокачать фильтр или проверить натяжение ремня вентилятора, он влезает на буфер машины. И ему сейчас трудно. Гораздо труднее, чем мне. Но он молчит. Он смотрит на дорогу и на приборы.

Можно, конечно, остановиться прямо в колее. Возле Шараповой охоты. Выпить воды, умыться, поесть, отдохнуть. И ждать самосвала, когда он пройдет ночью. Потому что сами с места не тронемся.

Но мы с Киром не хотим этого делать. Мы с ним хотим пробиться своими силами. Мы упрямые.

Губка, замша и ведро

1

Губка, замша и ведро воды. Кир моет машину.

Начинает с крыши. Чтобы дотянуться губкой до середины, снимает ботинки, открывает дверцы и влезает с краю на сиденья. На каждое по очереди.

Когда крыша готова и в ней отражается небо, Кир идет за свежей водой. Принимается за стекла. Моет осторожно. Долго споласкивает губку. Если поцарапаешь переднее стекло, свет встречных машин будет ночью дробиться на царапинах и утомлять глаза.

Когда покончено со стеклами и в каждом из них тоже отражается небо, Кир принимается за дверцы, крылья и багажник.

Грязь сползает с машины все ниже к колесам. А неба все прибавляется. Оно уже не только на крыше и на стеклах; оно на крыльях, на дверцах, на багажнике и даже на квадрате номерного знака. Ходят по машине облака.

Всегда приятно ехать и везти с собой небо! Капли воды Кир собирает замшей: не соберешь — высохнут, и машина будет пятнистой.

Кир неутомим. Его любимый наряд — клетчатая рубашка и комбинезон.

Очень занятно мыть колпаки на колесах. Отойдешь, поглядишь в чистый колпак и увидишь себя, как в кривом зеркале,— на коротких ногах и с большой головой.

Кира это веселит. Он обязательно смотрится во все чистые колпаки.

2

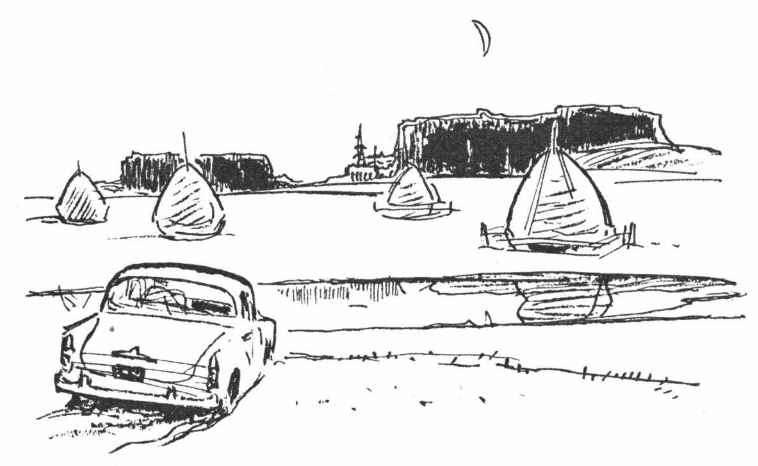
Однажды Кир мыл машину. Начал, как обычно, с крыши. Когда добрался до облицовки радиатора, увидел птицу. Ее убило на ходу, и она застряла между буфером и стойкой для заводной ручки.

Кир вытащил птицу, показал мне.

3

С тех пор мы с Киром всегда сигналим птицам, когда они сидят на дороге.

Четыре самовара

Я ехал без Кира, и мне было грустно одному. Кир остался в городе, заканчивал занятия в школе. А мне надо было в Спасскую Полисть устанавливать магнитограф — прибор для записи колебаний в магнитном поле земли.

Смеркалось. Решил заночевать в ближайшей деревне. Такой деревней оказалась Раменка. Ехал медленно через Раменку, приглядывал место, где бы поудобнее пристроить машину. Прежде советовался с Киром, а теперь вынужден был делать это один.

Спал я всегда в машине. Откидывал спинку переднего сиденья, и получалась кровать. Удобная, широкая. Кир очень любил спать на такой кровати. Перед тем как уснуть, долго сидел в трусах, крутил радиоприемник или, опустив боковое стекло, разглядывал, что было вокруг. Ведь каждый раз мы спали на новом месте.

Помню, однажды мы с ним проснулись от продолжительного сигнала. Ночевали одни в лесу далеко от дороги. Сигналить могла только наша машина. Долго ломали головы: что же произошло? Наконец догадались: Кир нажал пятками на сигнал. Случайно, во сне.

Часто потом смеялись, вспоминая.

Я остановился в Раменке посреди площади. Меня окружили ребята. Они давно гнались за мной. Когда человек что-то ищет, это всегда заметно остальным. Тем более ребятам.

— Буду у вас ночевать. Здесь, в машине,— сказал я.

— Здесь плохо,— ответил парень с большим кувшином в руках. Он так и бежал с этим кувшином. Я видел его в зеркальце, когда ехал.— Шумно здесь, беспокойно. Надо в Горчаковскую рощу.

— Выдумал — в Горчаковскую рощу! Там грязь,— возразили ему.

— Где Долгий мост — надо.

— А там лягушки орут.

— У сельмага.

— Больно интересно у сельмага. Только что лампочка на столбе горит.

— На покос податься надо, вот куда!

— На покос не следует,— сказал я.— Машина помнет траву, косить трудно будет.

— А трава уже в одонках стоит.

— В одонках? — не понял я.

— Ну, в скирдах.

— Ну, если в скирдах!

— И мельцо там.

Что такое мельцо, я тоже не понял.

— Озеро. Мелкое. Искупаться можно.

— Купайтесь, где ольха стоит,— сказал парень с кувшином.— Дно чистое.

— И камней нет. Ноги не нарежете,— добавил кто-то.

— Ехать вам по этому проулку.— Парень поставил на землю кувшин, чтобы показать, где проулок.— А потом налево и вниз, вокруг холма. Тут и покос.

— А про жерди забыл? — напомнили ему.— Они заместо ворот. Растащить потребуется.

— Да, жерди растащить потребуется.

— А где достать кипятку? — спросил я напоследок.

— Кипяток будет,— сказал парень, поднимая с земли кувшин.— Это я устрою.

— Мы тоже устроим! — закричали остальные ребята.— Почему ты?

Я тронул машину. Направился по проулку налево вниз. Обогнул холм и уперся в забор из березовых жердей. Растащил жерди и легко проехал на покос.

Вскоре увидел мельцо. Тихое луговое озеро. На берегу стояли одонки сена. Укреплены были жердями. Тоже березовыми.

Я остановился. Хорошее место определили мне ребята. Кир бы лучшего не выбрал. Вода, тишина, и деревня рядом: можно попросить, что нужно. Утром молока, например.

После дороги очень хотелось окунуться, согнать усталость.

Я разделся. Нашел ольху, где ребята велели входить в воду.

Вода была теплой. Все мельцо пропахло сеном, покосом. Лежали на воде срезанные косой ромашки. Их принесло ветром с одонков. Покачивались маленькие зеленые шишки. Они нападали с ольхи. Я долго и не спеша плавал между ромашками и зелеными шишками.

Потом выбрался на берег. Надел чистую рубашку и чистые полотняные брюки. Достал из багажника тряпки, которыми вытираю от пыли машину. Тряпки были грязными, следовало постирать. Да и резиновые коврики не мешало пополоскать.

Прибежали ребята. Те же, и с ними еще. Парень с кувшином был уже без кувшина.

Каждый кричал, чтобы я шел к ним домой, где уже закипает самовар.

Я поблагодарил ребят и сказал, чтобы принесли кипятку сюда. Совсем немного. Вот в эту кружку. А пойти я не могу. Надо до темноты побриться и сделать кое-что.

Ребята ушли. Кружку не взяли. Сказали, что обойдутся.

Я постирал тряпки, помыл коврики. От влажных ковриков в машине стало свежо. Щеткой вычистил сиденья, прежде чем стелить на них простыню. Выгнал мух и жуков, которые попали в машину и приехали со мной в Раменку. Достал механическую бритву, завел пружину и побрился.

К одонкам прилетели птицы. Тоже начали укладываться спать.

Только я взял грелку, чтобы сходить на берег мельца пополнить запас воды на завтра, как вдруг увидел: двое ребят тащат самовар. Осторожно, за ручки.

Я испугался: выдумали!

Но тут увидел еще один самовар. Потом еще, с правой стороны покоса. Потом еще один — он двигался вдоль берега мельца.

Четыре самовара!

И каждый самовар спешил раньше другого добраться до меня.

«Учебная»

— Отпусти ручной тормоз!
Кир отпускает ручной тормоз.
— Выжми педаль сцепления и включи первую скорость!
Кир выжимает педаль сцепления и включает первую скорость.
— Теперь прибавляй газу! Еще, еще!
Кир взволнован, раскраснелся. Прикусывает губы, затаивает дыхание. Чтобы он доставал до педалей, сиденье придвинуто вперед. А чтобы видел дорогу, использованы книги. Толстые, солидные справочники. Мы берем их из дому. Он на них сидит.
— Ну, смелее! Ну!
Машина дергается, мотор глохнет: не хватило газу.
Кир украдкой глядит на меня. Он думал, что у него получится сразу. А сразу не получается.
Дернемся — заглохнем, дернемся — заглохнем.
Я наблюдаю за Киром. Он не отступится: упорный. И я хочу, чтобы таким он оставался всегда.
Опять заводим мотор. Кир опять выжимает педаль сцепления. Теперь дает слишком много газу. Мотор ревет. Я молчу: Кир во всем должен убедиться сам, почувствовать, понять. Много газа, мало газа. Холостые обороты, нагрузка.
Мы прыгаем с места. Кир пугается и бросает педали. Оправившись от испуга, говорит:
— Прыгнул.
Он знает, что это безграмотно для водителя — прыгать. И педали бросать нельзя. Ни в коем случае! Это он тоже хорошо знает. Растерялся за рулем — авария, несчастье. Видел на дорогах.
На следующий день продолжаем.
— Газу! Еще! Не смотри на педали, на дорогу смотри! А ручной тормоз! Забыл?
Ревет мотор. Мы прыгаем, потом глохнем.
Кир покусывает губы. На глазах слезы — от обиды на самого себя. Я ласково хлопаю его по плечу.
— Не огорчайся, Кир, все прыгают.
— И ты тоже прыгал?
— Конечно.
— А долго?
— Долго.
— А пугался? Бросал педали?
— Случалось.
Впереди и сзади стоят у нас на машине таблички «Учебная». Между табличками, на толстых солидных справочниках, сидит Кир.
— Папа, я начну сначала. Можно?
— Конечно. Только давай пропустим тот встречный автобус.
— Давай.

Должны ехать трое

1

Руку поднимает дед, «голосует». Он в сапогах, в ватной стеганке. Стоит, опирается на палку. Сгорбился, устал.
Я останавливаю машину.
Кир выскакивает и открывает заднюю дверцу. Помогает деду сесть.
— Далеко вам? — спрашиваю я.
— В деревню Хабаровку.
Дед устраивает палку между колен. Складывает на ней ладони грибком — одна на другую.
Кир снова на месте. Мы трогаемся.
Дед заводит разговор о нынешней весне, которая хотя и снежная, но воды дает мало. То теплом по земле ходит, то морозом возьмется. Долгая весна, истяжная. Но озимые поднимаются неплохо. Ишь, зеленеют!
Мы смотрим на озимые. Они зеленеют первой влажной зеленью.
Кое-где в деревнях лежит снег. В снегу топчутся утки: ждут воду. Она появится в полдень, когда пригреет солнце.
Дед уже не работает. По старости. Прежде, в далекие времена, был сухарником. Выпекал сухари, витушки, рогульки, именинные крендели. А начинал свою жизнь с того, что чистил в булочных мешки и хлебные формы. Скреб ножом-тупиком тесто. Пропаливал глиняные квашни.
Кир слушает. Ему интересно.
Дед рассказывает охотно: далекое становится для него близким. У Кира нет еще такого далекого. Да и у меня его нет: деду уже за восемьдесят.
Когда приехали в Хабаровку, дед достал деньги за проезд.
Мы сказали, что денег с попутчиков не берем: если в машине едут двое, а поместиться могут трое, то должны ехать трое. И деньги тут ни при чем.

2

Она села вскоре после деда. Была в гостях у матери в совхозе и возвращалась в город.
Я спросил, что она делает в городе.
— Учусь в вечерней школе.— Потом добавила:— И работаю.
— А кем работаешь?
Девушка смутилась.
— Техничкой в интернате.
Кир не понял, что такое техничка.
— Ну, мою полы, убираю. Нянечка я, уборщица.
Кир говорит:
— Я тоже люблю убирать, мыть машину.
Девушка смеется. Она больше не стесняется нас.
— Еще я была поварихой. В детском саду.
— А трудно быть поварихой? — спрашивает Кир.
— Сначала было трудно. Нельзя опаздывать с обедом: дети уснут. Набегаются за день и с ног падают: спать хотят.
— Я тоже, когда спать хочу, падаю с ног,— говорит Кир.
Девушка смеется.

3

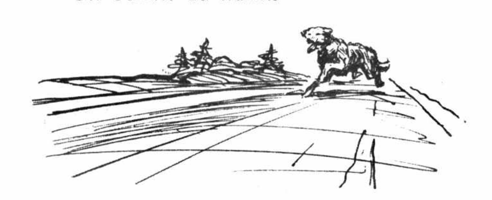
Девочка в белом школьном переднике. Робко махнула рукой. Возле девочки на чемодане сидела пожилая женщина.
Мы с Киром затормозили.
Это оказались бабушка с внучкой. Бабушка провожала внучку в пионерский лагерь.
— Вы ее до переезда через железную дорогу. Пожалуйста, не откажите! Там у них собрание назначено,— говорит бабушка.
— Сбор, а не собрание,— поправляет внучка.
Я помог поставить в машину чемодан. Кир сказал:
— Хочешь, садись впереди.
— Спасибо.
Бабушка попыталась сунуть мне в карман деньги.
Кир поспешил удержать ее руку.

4

Если в машине едут двое, а поместиться могут трое, то должны ехать трое. И деньги тут ни при чем.

На огонек

Он вышел к нам из леса, старый одинокий пес.
Мы подогревали на спиртовке мясные консервы, жарили лук. Он стоял и смотрел: прогоним или нет?
— Иди к нам,—сказал Кир.— Иди. Не бойся.
Но он боялся.
Мы кончили греть мясо, поджаривать лук. Поставили на спиртовку чайник.
Мясо разделили на три части: себе и ему. Себе с луком, ему без лука. Положили в пустую консервную банку, пододвинули навстречу. Он испугался, отбежал: не поверил.
Мы начали есть.
Он медленно обошел вокруг нас, все еще приглядываясь, что за люди: хорошие или плохие? Наконец рискнул и остановился у мяса.
— Не торопись,— сказал Кир,— оно горячее.
Так мы подружились с этим бродячим псом. И вскоре сидели рядом вокруг спиртовки, на которой закипал маленький походный чайник. Пес полностью доверился: вытянул усталые лапы, подложил под голову ухо и уснул.
Чайник закипел. Мы погасили спиртовку. Разлили кипяток в чашки и бросили по щепотке чаю. Подождали, пока заварится, опустится на дно чашек.
Пес во сне дергал лапами, вздрагивал, вздыхал.
Мы попили чаю. Потом я закурил, а Кир помыл посуду. Собрали мусор и отнесли в канаву. Крошки высыпали в траву муравьям. Начали укладывать вещи.
Пес проснулся, с тревогой наблюдал за нами: он не хотел расставаться.
Когда вещи были уложены, мы сели в машину. Помахали псу на прощание и поехали.
Вдруг Кир сказал:
— Он бежит за нами.

Я сбавил скорость. Для чего, не знаю. Взять его с собой мы не могли.
— Папа, он догоняет.
Пес бежал изо всех сил.
— Лучше скорее уедем, папа.
Я прибавил газу. А пес все бежал и бежал.
Мы с Киром привыкли к встречам и расставаниям. Но это расставание было особенно тягостным.
Долго мы потом ехали и молчали.

Среди своих

Есть море. Есть пляж. Но есть еще гараж с ремонтными цехами. Мы с Киром в пансионате для автотуристов. Я с утра на пляже, а Кир с утра в гараже, в ремонтных цехах. Каждый отдыхает как ему хочется. Мы друг другу не мешаем.
Отдыхать — значит не только купаться или лежать на солнце.
Отдыхать — это еще заниматься любимым делом. А здесь для Кира любимого дела с избытком: триста машин! И такого не бывает, чтобы все сразу были исправными. Обязательно кто-то что-то ремонтирует, регулирует, отвинчивает, привинчивает.
И вот это «что-то» интересует сейчас Кира больше, чем море с пляжем. И хорошо. Пусть.

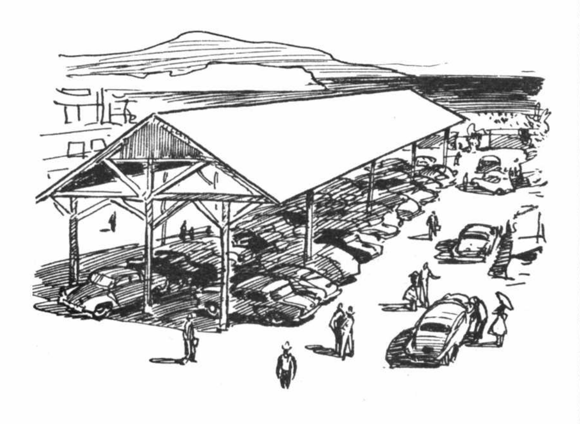
В гараже живут два серых журавля. Когда Кир сидит с механиками в ремонтной яме, рас-

сматривает, как устроен автомобиль снизу, журавли сидят на автомобиле сверху.

Если автомобиль перекатывают с ямы на эстакаду или из сварочного цеха в малярный, журавли идут следом. Они не любопытны, но любят компанию. В особенности Кира. Ну, а Кир идет туда, куда катят автомобиль.

Все механики, электрики, жестянщики, маля-

ры — приятели Кира. Они в комбинезонах и в клетчатых рубашках. Он свой среди своих.

Каждый день Кир сообщает мне что-нибудь новое:

— Знаешь, я сегодня заправил нигролом шприц. Сам. Большой, с двумя ручками...

— Знаешь, я сегодня сменил лампочку в подфарнике. Проверил давление в баллонах...

— Знаешь, я сегодня выкрутил свечу у «Победы», а у «Москвича» снял колесо...

Мне кажется, в отношении свечи и колеса Кир прихвастнул, что сделал все самостоятельно.

— Если кто-нибудь и помог тебе,— говорю я осторожно,— не беда. Гайки на колесах тугие. И свеча тоже крепко закручена.

— Но я сам. Почти сам справился. Даже палец сбил. Вот!

Кир показывает сбитый палец.

— Промыли бензином, а потом велели окунуть в банку с чистым маслом.

Я больше не уточняю, «сам» или «почти сам» Кир справился с колесом и свечой. Не теперь, так через год, через два, через пять он будет делать все самостоятельно.

Потому, что хочет.

Потому, что это любимое.

Кир уснул в углу гаража на старых резиновых камерах.

Сбоку уснули серые журавли. Они любят компанию. В особенности Кира.

Механики мне сказали:

— Уморились. Все трое.

Я взял Кира на руки: легкий и тонкий, как журавленок. Он открыл глаза, улыбнулся и вновь уснул.

Я тихонько понес его к морю.

Сибиряки

Владимир ФЕДОРОВ

СИБИРЯКИ

Сибиряки!
На фронте это слово
Щетинило
Каленые штыки,
Звучало и надежно
И сурово:
Сибиряки!

А нынче в нем
Ночные вспышки света,
Бетон
И рев разгневанной реки.
Целинным хлебом
Пахнет слово это:
Сибиряки.

Они упрямы.
Знаю их привычки!
Медведя свалят
Меткие стрелки,
Поделятся в мороз
Последней спичкой
Сибиряки.

Рванутся в пляс,
Лихи, широкоплечи.
В тайге и в шахте
Всё таким с руки.
Они, как вы да я,
Но чуть покрепче —
Сибиряки!

И если в тот простор,
В тот край суровый
Манят вас
Паровозные свистки,—
Вас тоже будут звать
Тем гордым словом:
Сибиряки!

АЗОВЕЦ

Водолазу 1-го класса Петру Осьминину

Ростовская область,
Азовское море.
Рыбацкие письма,
Раздумье во взоре...

Как ласков морской
Освежающий ветер,
Как рыбою пахнут
Отцовские сети!

И солнце там ярче,
И небо там шире.
А все же Петр Власыч
Остался в Сибири.

Кедровые бревна
На берег швыряя,
Стучится в плотину
И пенится Яя.

Спокоен,
Морозами прокаленный,
Усатый, как боцман,
Моряк из Эпрона.

А если беда —
Два помощника сразу
Натянут на друга
Костюм водолаза.

На голову шлем,
А к плечам его гири.
Ой, быстрые, шалые
Реки Сибири!

Пусть душно! Пусть ноют
Усталые плечи!
Моряк поднимается
Солнцу навстречу.

Прижмется смущенно
К нему сибирячка.
Он вынет «Байкал» —
Неразлучную пачку,

Присядет на бревна
С дочуркой, женою,
Плотину, как все,
Он зовет плотиню́.

Медлительно курит.
Раздумье во взоре...
И вспомнит он детство,
Азовское море.

И солнце там ярче,
И небо там шире.
А все же Петр Власыч
Остался в Сибири.

ПОЕЗД СТРОИТЕЛЕЙ

На скалах
Зеленые бородачи
Студеным умылись
Туманом.
Здесь чистые, горные
Хлещут ключи,
Медведи
Приходят нежданно.

Наш поезд свистит
В нелюдимой тайге.
Гуляет меж скалами
Эхо.
Старуха сидит
На своем сундучке
В вагоне,
Гудящем от смеха.

Сегодня строителей день.
Да какой!
Баян
Понимающе о́жил.
Но крестится,
Смотрит в окошко с тоской
Старуха
Среди молодежи.

— Куда этот черт
Мою дочку завез?
Да кто тут живет?
Только звери.
Не звери загубят,
Так лютый мороз!

— Мамаша, к чему
Суеверье?
К чему эти слезы,
К чему этот страх?
У нас мировая
Палатка,—
Ей шепчет девчонка
В спортивных штанах,
Веселая
Ленинградка.

— Жива ваша дочка
И зять ваш не черт —
Строитель,
Ему не до смерти.
Да это не стройка,
А горный курорт!
Останетесь сами,
Поверьте!

Старуха молчит
На своем сундучке.
Баян удержаться
Не может,
Баян заливается
В дикой тайге.
Ее обживать
Молодежи!

КУЗНЕЦКИЙ ВЕТЕР

Встречный ветер,
Кузнецкий ветер.
Встал моряк,
Чемодан в руке.
Он девчат-одноклассниц
Встретил
На попутном
Грузовике.

Зарумянились:
— Гость нежданный!
— Ой, смотрите,
Смотрите: сам
Федор
С Тихого океана!
Что ж ни строчки
Не написал?

Прыгнул в кузов
Моряк бывалый.
Стали место
Ему искать.
— Пусть мотает
На всех увалах.
Нам, матросам,
Не привыкать!

Что, девчата,
В поселке слышно? —
Добивается
Одного:
— Может, Настенька
Замуж вышла?
Если вышла,
То за кого?

И не надо,
Девчата, ахать —
Он решительный
Человек:
— Если вышла,
Уйду на шахту,
На комбайн,
В самый дальний штрек!..

Зашумели:
— Мы не рубаем —
Смело черпаем
Уголек!
Ай, пойдет за тебя
Любая,
Если Настеньку
Не завлек!..

Ничего моряк
Не ответил,
Только глянул
На край небес.
Встречный ветер,
Кузнецкий ветер.
Стрелы, стрелы —
Родной разрез.

До звонка

Фельетон

Ян ПОЛИЩУК

Рисунок М. УШАЦА.

Сигнал бедствия прозвучал в самый канун церемонии. Едва чопорная комиссия проследовала в прохладный и гулкий директорский кабинет, аккуратно притворив дерматиновую, в латунных гвоздиках дверь, Маша ринулась к телефону-автомату.

— Мама! — младенчески всхлипнула она.— Мама! Бери такси. Уже заседают!.. Уже распределяют!.. Уже отсылают!..

Читатели, вероятно, догадались, что этот полный шекспировского драматизма диалог происходил в час заседания комиссии по распределению выпускников одного из вузов. А многоопытный читатель, наверное, усмехнулся:

— Эге! Уж сколько раз твердили миру!.. Сейчас нам расскажут о хрупкой дочке и динамичной мамаше. О неудержимых атаках на членов комиссии. О подметных звонках каких-то руководящих дядюшек и влиятельных тетушек. Словом, о том, как некая юная специалистка пыталась уклониться от поездки на периферию...

Стоп, дорогой заслуженный читатель! Не будем торопиться. Не будем рваться вперед. Ситуация, которую мы хотим описать, несколько сложнее. Итак, на чем мы остановились?

— ...Мама! — повторила Маша.— Уже заседают!.. Уже распределяют!.. Уже отсылают!..

Трубка вопреки ожиданию вдруг проворковала на пафосной ноте:

— Иди и распределяйся. Все будет в ажуре. Иди и будь горда оказанным доверием!

— Иду и буду горда,— покорилась девушка.

И она, как пишут в положительных студенческих очерках, предстала перед ученым ареопагом Ленинградского педиатрического института, высоко подняв златокудрую голову.

— Ужель та самая Смирнова?! — обрадовался старый профессор.— Я счастлив видеть вас... хм... в первых рядах подвижников медицины. Я рад, что... хм... вы будете в далеких краях исцелять страждущих... Хотя, признаться, не ожидал, не ожидал!.. Но... хм... кто старое помянет, как говорят окулисты, тому глаз вон... Вот Карелия интересуется вами. Поедете?

— Хоть на край вселенной! — с готовностью откликнулась Маша.— Раз надо, так надо.

Радость профессора была неожиданной. Мария Смирнова принадлежала к той незначительной — весьма незначительной — категории студентов, которая на первых курсах путает гигиену с гиеной, а на последних внезапно обнаруживает, что ее истинное призвание отнюдь не медицина, а коммунальное хозяйство в крупном городе.

И вот, извольте, полная самоотверженность, высокая сознательность, глубокое понимание долга!

— Хоть на край вселенной! Раз надо, так надо.

Мы опускаем здесь подробное описание того, как дипломированный педиатр паковала баулы и приобретала в магазинах «Росглавинструмент» новенький стетоскоп. Мы опускаем и перечень дорожных ландшафтов, которые были видны из купе поезда «Ленинград — Петрозаводск» и из окошка автобуса «Петрозаводск — Кондопога». О них каждый желающий может прочитать в путеводителях, отличающихся скрупулезной художественностью и статистической фантазией.

Девушка прогарцевала по центральной улице Кондопоги и нашла, что той еще далеко до милого сердцу Невского проспекта. Это было огорчительно, но терпимо. Квартира, которую предоставили молодому врачу, хотя и мало отличалась от ленинградской, но тоже не принесла морального удовлетворения: напротив окон была не чарующая вывеска комиссионного лабаза, а какой-то огородный пейзаж. Но наиболее разочаровывающей была встреча с коллегами. Врачи местной больницы явно отстали от бурного развития цивилизации. Мужчины были чересчур хлопотливы и преданы делу, а женщины даже не носили модного покроя губ.

Улучив момент, когда соседка по квартире освободила стол от рукописи научного исследования, Маша настрочила письмо домой: «Мама! Ах, зачем, зачем ты родила меня такой передовой?! Ах, скоро ли сбудется наш стратегический план? Здесь нет условий для моего развития... А культура? Один сквер с комнатой смеха, да и то детей до трех лет пускают бесплатно... Долго ли мне ждать звонка, чтобы устраивать свое счастье?..»

И что же вы думаете? Дождалась-таки наша героиня. Едва минуло два месяца, как прозвучал спасительный звонок. Мамин голос произнес свистящим шепотом:

— Все в ажуре. Сальдо в нашу пользу. Высылаем тебе нужные справки. Я же тебе говорила: иди и будь горда!

И вот в Кондопожский райздравотдел приходит проникновенная просьба отца, инженера из учреждения с покоряющим названием «Гипротранссигналсвязь», о том, что он страдает хроническим анацидным гастритом. Приходят справки о том, что у него болит под ложечкой и ноет коленная чашка. Словом, весь сервиз не в порядке, поэтому он остро нуждается во врачебном наблюдении дочери. И наш юный педиатр, захватив так и не распакованные баулы, мчится домой.

Странная это вещь, товарищи! Одни гордятся тем, что им поручается самое сложное, самое ответственное дело. Другие горды тем, что им удалось ловко уклониться от исполнения святого долга. Одни рады тому, что вместе со своими товарищами — врачами, учителями, агрономами, инженерами — возглавили культурную жизнь в селе или небольшом городе. Другие счастливы оттого, что им удалось отвертеться от лишней нагрузки, что жизнь, прекрасная и удивительная, протекает без их участия.

Некоторое время назад мне пришлось побывать в одной станице под Краснодаром. Коротая время, я решил закусить в местной чайной. Едва я поднялся по ступеням, как навстречу из распахнувшихся дверей выкатился человек, чье лицо носило отчетливые следы привязанности к напиткам, которые принято называть спиртоносными. Человек был пьян и даже не делал попыток это скрыть.

— Встряхните меня, как термометр! — попросил он.— Это меня облагораживает.

Я исполнил его просьбу.

— Мерсибо! — сказал человек, доказав этим, что ничто человеческое ему не чуждо.— Сразу видно интеллектуального приезжего.

Мой знакомец оказался хирургом местной больницы. Вот уже три года, как он, выпускник не помню уж какого вуза, живет в станице этаким анахоретом. По всем признакам, он ждал звонка. Он ждал часа, когда сиротки-родители или полуверные друзья просигналят ему:

— Пора, брат, пора!.. Нашли тебе местечко под люстрой.

И вот эти три года промчались. Они промчались, впрочем, для многих других, потому что были насыщены большими хлопотами и благородными свершениями. Для него эти три года тянулись однообразной чередой, как вагоны товарного порожняка.

— А что тут интересного? Самодеятельность?

Мало ли, что она призовая в округе: его волновали только оставленные в родимом городе заслуженные деятели искусств и изысканная публика вернисажей.

— Культобщение с коллегами?

Он достаточно нагляделся на них на службе. Нет, конечно, коекто владеет начатками образованности. Но все не то, не то — не титаны мысли, одним словом...

— Лекторий для колхозников?

Он человек узкой специальности. На Марс пока не собирается, а овцами интересуется только со стороны бараньих котлет... Нет, он не злоупотребляет... Литр в день, не более. Разве это много? Ведь литр, в сущности говоря,— это одна большая капля. Вот вернется домой и там-то займется научно-испытательской деятельностью. А он талант, он тоже хочет расцвести махровым цветом...

Здесь самое время обратиться вновь к нашей героине из педиатрического института. Ведь что-то роднит их — выжидающего созерцателя из кубанской станицы и энергичную беглянку из Кондопоги. Что-то роднит и помимо профессии. Не одинаковое ли равнодушие к большой жизни и большому делу?

Итак, она бежала... Она бежала «быстрее лани, быстрей, чем заяц от орла»... А следом за ней торопились депеши и запросы, письма и просьбы. Но стратегический план мамаши был точен и безотказен. К чему было ерепениться, хорохориться, противиться в накаленный момент заседания комиссии? К чему было восстанавливать против себя седовласых профессоров и заслуженных деятелей науки? И пусть ковровая дорожка в кабинете директора выстлана добрыми намерениями. Ведь можно, переждав месячишко-два, покинуть квартиру с видом на огород.

Впрочем, не будем преувеличивать. Не так уж нынче легко увернуться не только от поездки в предназначенное для выпускника место. Не так легко и покинуть его по собственному желанию (я имею в виду подлинный, а не фельетонный смысл этого выражения). Министерство здравоохранения Карельской АССР в тесном контакте с Ленинградским педиатрическим институтом пыталось предпринять все возможное для возвращения прекрасной беглянки. Но все эти титанические усилия не помогли. Не возымели, так сказать, действия. На пути у этих мощных организаций возникло новое непреодолимое препятствие.

— Машенька выходит замуж! — объявила мне мамаша, когда я навестил ее в ленинградской квартире.— Это давняя и глубокая страсть. Как Машенька вернулась из Кондопоги, так и присмотрела себе избранника...

От мамы пахло гардеробом. Может быть, это объяснялось спецификой службы в Ленскупторге, а может, тем, что последние дни целиком посвящались выбору приданого для дочери. От мамы пахло гардеробом, а с кухни несло свадебным пирогом.

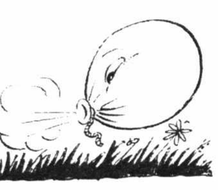
— Машенька выходит замуж! А вы уж сами знаете: когда говорят музы, медицина бессильна!

Итак, Мария Смирнова осталась в Ленинграде. Она осталась в Ленинграде, даже рискуя работать не по специальности. Она осталась в Ленинграде, позабыв о своих маленьких пациентах и хорошо ведая, что в строгих и справедливых правилах о молодых специалистах нет еще одного необходимого пункта. И врачи знают, что нет этого пункта. И министерские деятели в курсе. Нет еще пункта, по которому ничто, никакие предлоги и первопричины не давали бы возможности пассивно или активно уклоняться от выполнения своего гражданского долга.

Вот так и дождалась своего звонка молодой врач. Недаром она столь долго и стойко не распаковывала баулы. Недаром она почти не пользовалась новеньким стетоскопом, приобретенным в магазине «Росглавинструмент».

Ф. КРИВИН

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

РЕЗИНОВЫЙ ШАР

Резиновый Шар, надутый больше других, оторвался от шпагата и полетел. «В конце концов, — рассуждал он,—Земля—такой же шар, как и я. С какой же стати я должен за нее держаться?»

Чем выше поднимаешься, тем меньше кажутся тебе те, кто остался внизу. В соответствии с этим законом природы Резиновый Шар очень скоро почувствовал себя крупной величиной.

«Кажется, я уже вращаюсь вокруг Земли,— подумал он.— Наподобие ее спутника. Но и это для меня не обязательно. Я могу выйти на орбиту Солнца, а то и вовсе перебраться в другую галактику. Ведь я свободная планета!»

Эта мысль так понравилась Резиновому Шару, что он чуть было не улыбнулся, но спохватился вовремя.

— Побольше солидности! — предупредил он себя.— Не следует забывать, что я небесное тело, что за мной наблюдают десятки обсерваторий, сотни мощных телескопов...

Но сохранить солидность Резиновому Шару так и не удалось: он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха. Резиновый Шар сник, сморщился и затосковал по Земле.

«Где-то мой шпагат? — думал он.— Я был так к нему привязан! Хорошо, когда у тебя есть какието привязанности!»

И тут Резиновый Шар испустил дух, так и не успев выйти на солнечную орбиту.

ВЕЧЕРНИЙ ЧАЙ

Когда Чайник, окончив свою кипучую деятельность на кухне, появляется в комнате, на столе все приходит в движение. Весело звенят, приветствуя его, Чашки и Ложки, почтительно снимает крышку Сахарница. И только старая плюшевая Скатерть презрительно морщится и спешит убраться со стола, спасая свою незапятнанную репутацию.

ПОДКОВИНО СЧАСТЬЕ

Железная Чушка пришла в кузницу, чтобы устроиться на какуюнибудь работу.

— Расскажите свою автобиографию,— предложил ей Огонь, председатель приемной комиссии.

— Родилась я на Урале. Окончила мартеновскую школу...— Чушка остановилась, потому что больше нечего было рассказывать.

— Работали где-нибудь?

— Пока не работала. Только собираюсь работать.

— Значит, закалка у вас слабовата,— сказал Огонь.— Придется с вами повозиться.

Эти слова обожгли Чушку. В мартеновской школе ее считали достаточно закаленной, а здесь... Увидев, что она покраснела, член комиссии Наковальня недовольно заметила:

— Плохо же вы воспринимаете критику! Сразу обида!

— Просто ее мало били,— поддержал Наковальню Молот, второй член комиссии.

Долго обрабатывали Чушку в кузнице. Нелегко ей досталась учеба. Но специальность она всетаки приобрела: ей присвоили звание Подковы.

Направили Подкову в распоряжение лошадиного Копыта. Прибили гвоздиками, поскольку она должна была отработать положенный срок. Подкова рассчитывала, что хоть здесь, на самостоятельной работе, ей легче придется, но куда там.

Это Копыто заменило Подкове и Огонь, и Молот, и Наковальню. С утра до вечера оно только и делало, что било Подкову о камни мостовой, как будто у него не было другой работы.

Когда кончился положенный срок, Подкова с радостью оторвалась от Копыта и осталась лежать посреди дороги.

Сначала было скучно, Подкова томилась в бездействии. Но потом у нее появились новые приятели— маленькие дождевые капельки. Как они отличались от ее прежних знакомых — Огня, Молота, Наковальни, Копыта! Они были очень ласковые, нежные и говорили Подкове только приятные вещи.

— Как вы сильны, как блестящи! — восхищались дождинки.— Вам предстоит большое будущее.

Все больше дождинок окружало Подкову, все они рассыпались в похвалах, и, казалось, чего еще не хватает Подкове для счастья! Но счастье было омрачено страшным недугом — ржавчиной, которая незаметно подкралась к Подкове и теперь подтачивала ее с каждым днем.

Странные в жизни творятся вещи!

Когда Подкове было тяжело, никакие болезни к ней не цеплялись, а теперь, когда только бы и наслаждаться жизнью в обществе добрых дождинок, ее одолела ржавчина.

Кто может объяснить это удивительное явление?

Ужгород.

Державин и ласточки

Г. Р. Державин в известном стихотворении «Ласточка», описывая любимую народом «домовитую» птицу, говорит:

...видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед,
Во мраке лежишь бездыханна,—
Но только лишь придет весна...
Встанешь, откроешь зеницы...

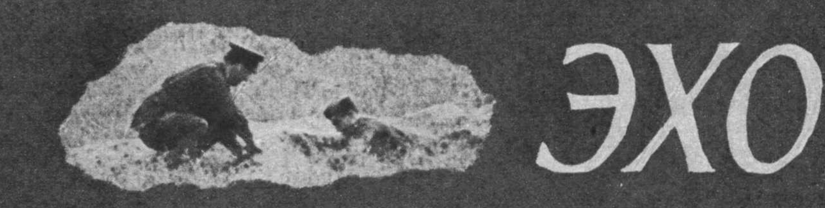
Сейчас, когда даже малышам известно, что осенью ласточки улетают на юг, в теплые края, эти строки вызывают недоумение, но в свое время никто им не удивлялся: они соответствовали тем сведениям, которыми располагали в XVIII веке как Державин и его читатели, так и натуралисты. Не имея проверенных наблюдений и заменяя их различными домыслами, иногда совершенно фантастическими, в старину верили, будто ласточки на зиму зарываются в землю по берегам водоемов и, более того, опускаются на их дно, где и лежат в оцепенении до весны. В одной из книг, вышедших в 1788 году, о ласточках говорится: «Вероятными свидетельствами доказано, что оне зимуют в стоячих озерах в воде, из коих вытаскивают их рыбаки сетьми, где они лежат, сцеплясь одна за одну ногами».

Исчезновение перелетных птиц осенью долгое время представлялось загадочным. Куда они пропадают, откуда появляются весной? Предполагалось даже, что птицы улетают на Луну, а кукушка превращается в ястреба, на которого она похожа.

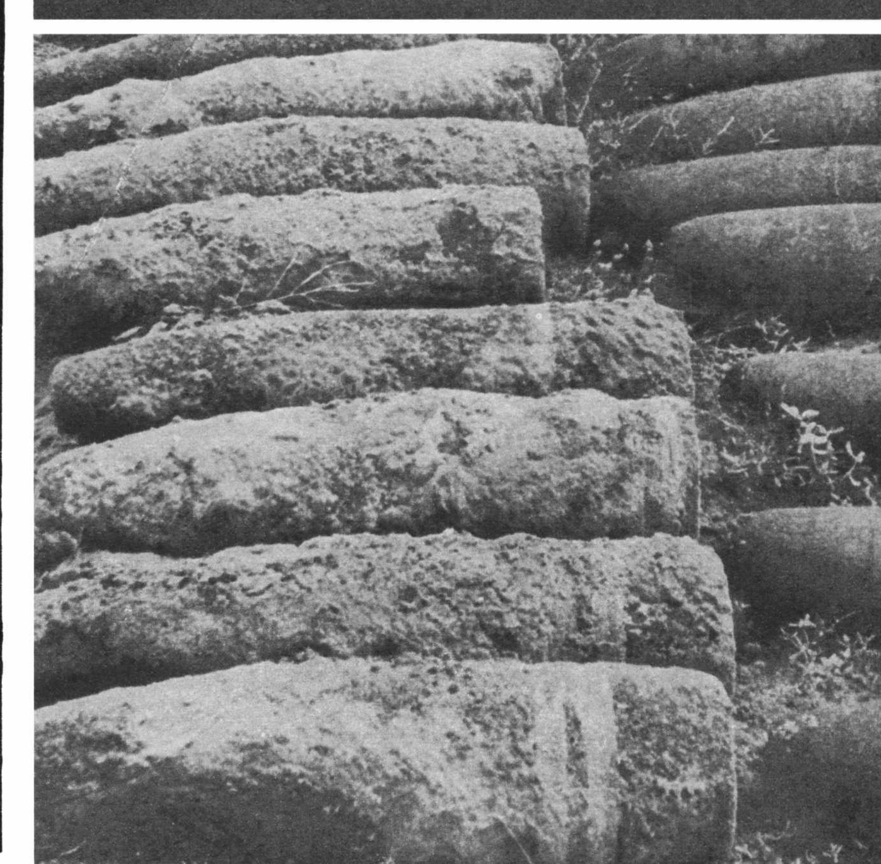
Точное изучение перелетов птиц началось сравнительно недавно. Первая попытка их кольцевания была предпринята в 1899 году. Натуралисты легко установили, что наша деревенская ласточка зимует в Африке.

Б. АЛЕКСЕЕВ

ЭХО

Осторожно укладывает снаряд на песчаную подушку машины Хусинбай Гуфранов.

...Началось с того, что, нагружая песок на самосвал вблизи водных станций в Николаеве, рабочие заметили тело огромного снаряда. По указанию командования Одесского военного округа прибыли саперы. У чугунной «туши» оказалось много соседей: вначале их было обнаружено пять, затем еще десять, еще шестьдесят, девяносто... Несколько дней шла напряженная работа.

Старший лейтенант Андрей Ветров за 12 лет службы сапером принимал участие уже не в одной подобной «раскопке», но таких «поросят» встречал не часто.

И вот на зеленой поляне, обрамленной красными флажками, более 170 снарядов, много гранат и... усатые взрыватели от мин нажимного действия.

Все они извлечены, но еще не обезврежены. На месте взрывать нельзя: рядом железнодорожное полотно, новостройки, склады топлива,

Шнур подожжен. Старший лейтенант Андрей Ветров и сержант Вячеслав Гаврилов спешат в блиндаж.

→
Вот и место для взрыва. Эшанкул Назаров и Абдувахаб Кахаров принимают «поросенка».

ВОЙНЫ НЕ ПРОЗВУЧИТ

по другую сторону шоссе, на берегу, сотни белокрылых яхт, эллинги для спортивных судов, корпуса здравниц.

Вечером в городском комитете партии состоялся совет. Единственный выход — перевезти снаряды на пустырь за Лесками и там взорвать. Утвердили специальный маршрут движения машин. Вызвали бульдозеры, чтобы сгладить дорогу: срезать бугры, засыпать выбоины. Выбрали наименее застроенные улицы, и все же пришлось из некоторых домов людей переселить.

Утром опасный район был оцеплен патрулями. Специальные катера дежурили на реке. У поляны — санитарная машина.

Возить снаряды вызвались рядовые Валерий Дзюба, Анатолий Сулимов и Виктор Пикин. Валерий первым подкатывает свой грузовик к поляне со снарядами. Кузов почти наполовину заполнен песком. Офицер В. А. Иваницкий подает знак. К снарядам подходит Осман Джабаров. Осторожно поднимает снаряд и направляется к машине. В кузове на песке его друг — таджик Хусинбай Гуфранов. Он бережно принимает ношу и укладывает ее на песочное ложе. Машина плавно подается вперед.

Подкатывает свою тяжелую машину водитель Анатолий Сулимов. А тем временем Валерий Дзюба, продвигаясь со скоростью пешехода, ведет свой грузовик по шоссе и проселочным дорогам, направляясь к месту для взрыва.

Двадцать минут опасного пути позади. Солдаты кладут снаряды на носилки с песком и несут к рвам.

Теперь последнее слово за старшим лейтенантом Андреем Ветровым и сержантом Вячеславом Гавриловым. Уже дымится шнур замедленного горения. Люди укрываются в блиндаже.

Над Южным Бугом гремит взрыв... Другой... Третий...

Саперы вытирают уставшие, потные лица. Трудная работа закончена. Теперь можно спокойно возвращаться в часть. Эхо войны не прозвучит.

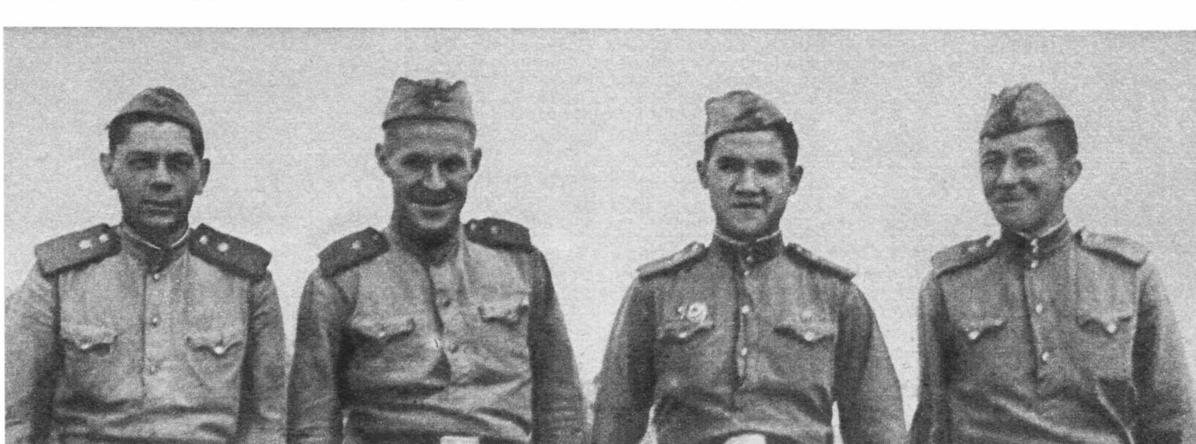
Б. АРОВ

←
Вот они, 150-миллиметровые снаряды, лежавшие в земле более 16 лет!

А это наши герои. Познакомьтесь (слева направо): старший лейтенант Андрей Ветров, сержант Вячеслав Гаврилов, рядовые Валерий Дзюба, Анатолий Сулимов, Хусинбай Гуфранов и Осман Джабаров.

Фото Риммы ЛИХАЧ, специального корреспондента «Огонька».

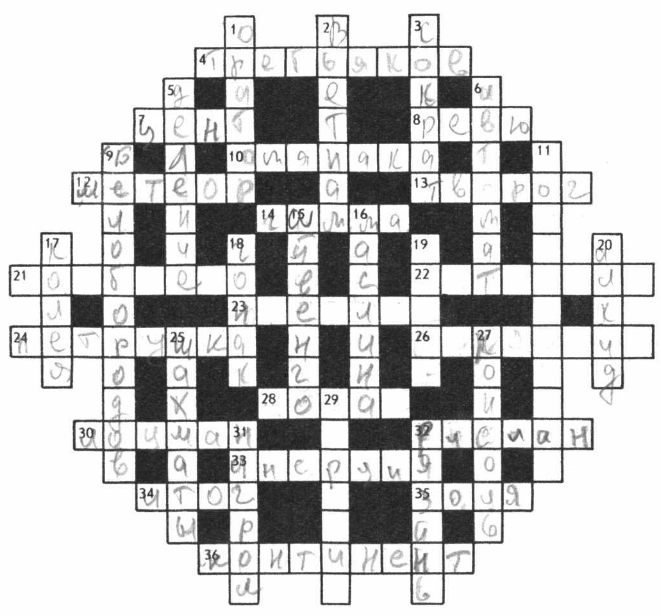
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Основатель картинной галереи в Москве. 7. Зарубежная разменная монета. 8. Музыкальное представление-обозрение. 10. Остров Японии. 12. Теплоход на подводных крыльях. 13. Молочный продукт. 14. Последовательный ряд музыкальных звуков. 21. Пьеса С. Михалкова. 22. Картина Ф. А. Васильева. 23. Повод. 24. Персонаж русского народного театра. 26. Часть сценического оформления. 28. Литературный жанр. 30. Рыба, спутник акулы. 32. Герой поэмы А. С. Пушкина. 33. Свойство тела сохранять состояние движения. 34. Сумма, результат. 35. Автор романа «Разгром». 36. Материк.

По вертикали:

1. Красноречивый человек. 2. Демократическая республика в Азии. 3. Древнегреческий философ. 5. Арифметическое действие. 6. Станок, работающий без участия человека. 9. Сподвижник Е. И. Пугачева. 11. Польская поэтесса. 15. Роман В. Скотта. 16. Оливковое дерево. 17. Железнодорожный путь. 18. Украинский народный танец. 19. Приток Ганга. 20. Имя сына Манилова. 25. Настольная игра. 27. Опора балкона. 29. Историческая область в Чехословакии. 31. Машинное масло. 32. Город на Оке.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35.

По горизонтали:

4. Пиренеи. 5. Эклиптика. 7. Кисть. 8. Нырок. 9. Склад. 11. Карбас. 13. Аптека. 15. «Слава». 16. Русло. 18. Сейсмолог. 19. Ателье. 20. Игарка. 21. Телевизор. 23. «Тоска». 24. Асача. 25. Неруда. 27. Молния. 30. Ялапа. 31. Литке. 32. Генуя. 33. Аккордеон. 34. Куранты.

По вертикали:

1. Гирлянда. 2. Темпера. 3. Перископ. 5. Эльбрус. 6. Айсберг. 7. Ковалевская. 10. Диссертация. 11. Кальман. 12. Система. 13. Афоризм. 14. Арагуая. 15. Старт. 17. Отара. 21. Терраса. 22. Рентген. 26. Делакруа. 28. Оперетта. 29. Штурвал.

На первой странице обложки: Прыжок с трамплина.

Фото Л. Бородулина.

На последней странице обложки: Новокуйбышевский нефтеперерабатывающий завод.

Фото Л. Поликашина.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

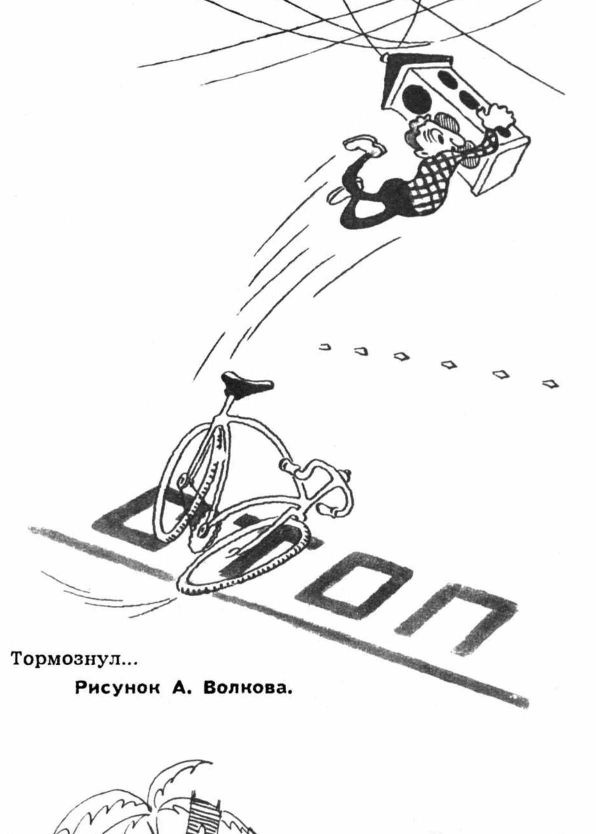
Оформление В. Епанешникова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

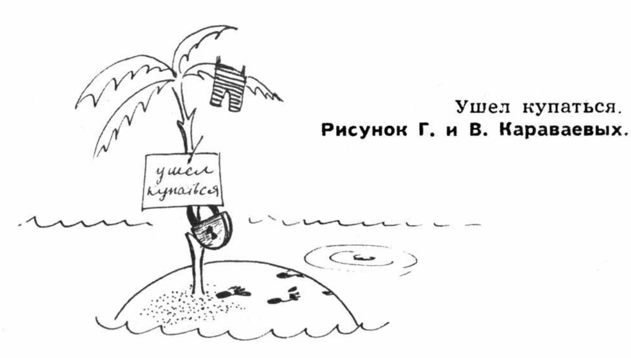
А 07162. Подписано к печати 31/VIII 1960 г.
Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 700 000. Изд. № 1389. Заказ 2338.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тормознул...

Рисунок А. Волкова.

Ушел купаться.

Рисунок Г. и В. Караваевых.

Забытая профессия

Среди различных музеев, существующих в нашей стране, в недалеком будущем, вероятно, займет свое место и музей парикмахерского искусства. Пока он размещается в комнате, где живет Г. А. Борухов, старый мастер парикмахерского дела.

За долгие годы работы Г. А. Борухов не только довел свое мастерство до совершенства, но и много сил отдал изучению истории дамской прически. Он собрал более четырехсот фотографий причесок разных времен и народов, редкую специальную литературу. Но, пожалуй, самое большое богатство домашнего музея Г. А. Борухова — образцы дамских причесок и париков — пастижей.

Случилось так, что в нашей стране нет ни одной государственной организации, где бы можно было заказать парик. Правда, те, кто получает звание мастера парикмахерского дела, должны уметь изготавливать и парики. В Российской Федерации есть около шестидесяти человек, которым присвоено это звание, однако ни в одной парикмахерской париков не делают.

А ведь до войны существовала школа повышения квалификации парикмахеров — кстати, созданная по инициативе и при участии Борухова,— где было и отделение пастижа. В течение трех лет парикмахер, имеющий солидный стаж работы — не менее пяти лет,— постигал высокое искусство пастижа и получал диплом мастера высшей квалификации. Во время войны школу расформировали, оборудование ее исчезло.

Однако многие педагоги и выпускники школы живут и здравствуют. Они с радостью передали бы свой опыт тем, кто хочет заниматься пастижем. Ясно одно: нужно создать какую-то организацию, которая занималась бы изготовлением париков, нужна школа, где будут готовить пастижеров.

Кто должен заняться созданием школы и такой организации? В министерстве коммунального хозяйства раздаются голоса о том, что это — дело Всероссийского театрального общества: там-де, мол, есть мастерские париков. Другие говорят, что этим должно заняться Министерство социального обеспечения. Третьи считают, что лучше всего заняться этим Министерству здравоохранения. Четвертые склонны думать, что имеет смысл поручить организацию школы и учреждения, где будут делать парики, Министерству коммунального хозяйства, так как до войны школа парикмахеров была в ведении этого министерства, а большинство пастижеров и педагогов — парикмахеры.

Но в конце концов неважно, кто скажет «а», главное в том, чтобы государственная организация взяла в свои руки дело изготовления париков.

А. РУБИНА

Фото А. Бочинина.

Г. А. Борухов.

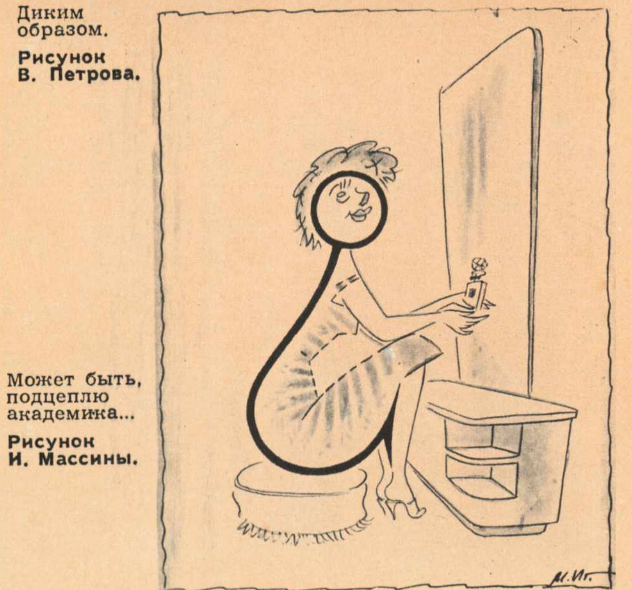
Здесь можно и утонуть.

Фото **И. Гневашева.**

Диким образом.

Рисунок В. Петрова.

Может быть, подцеплю академика...

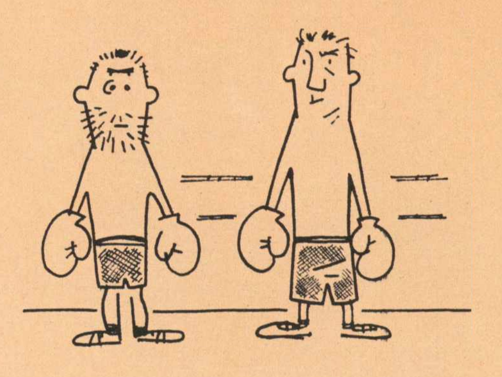
Рисунок И. Массины.

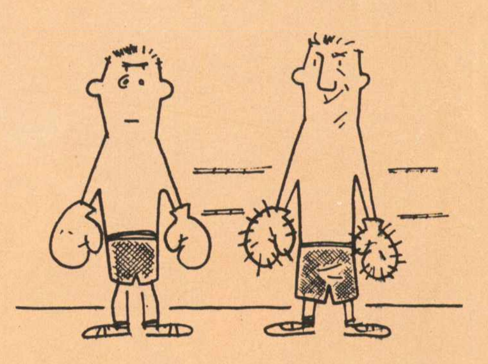
ПЛАТА ЗА БОРОДУ

Коллекционеры очень ценят экземпляры единственных в своем роде русских монет-знаков XVIII века. Монет этих существует два вида. Одни, выпущенные в 1705 году, имеют на оборотной стороне изображение двуглавого орла и дату выпуска, на лицевой же стороне — изображение бороды и усов и надпись «Деньги взяты». Другие, выпущенные в 1724 и 1725 годах, ромбические. На них надписи: «С бороды пошлина взята» и «Борода лишняя тягота». Кому принадлежит это изречение?

Ярым противником и ненавистником бород был царь Петр I. Вернувшись из заграничного путешествия в 1698 году, Петр повелел сбрить всем бороды и усы. А так как подданные усиленно сопротивлялись этому, то был издан указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков». Плата за пошлину была нескольких разрядов, в зависимости от сословной принадлежности. В удостоверение выплаты пошлины выдавались знаки, получившие название «бородовых».

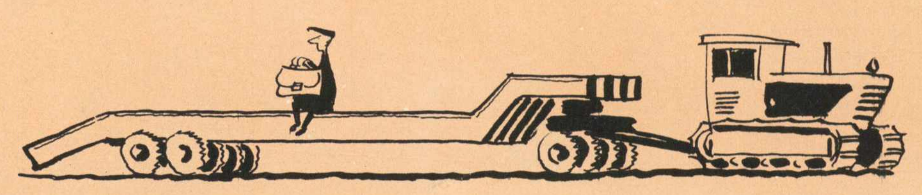
Н. МЕЦ,
кандидат исторических наук

Победил по количеству ударов.

Рисунок А. Сухова.

На персональной машине.

Рисунок Ю. Черепанова.

Цена номера 3 руб.